

Годъ III.

Январь.

1901 г.

Дорожникъ

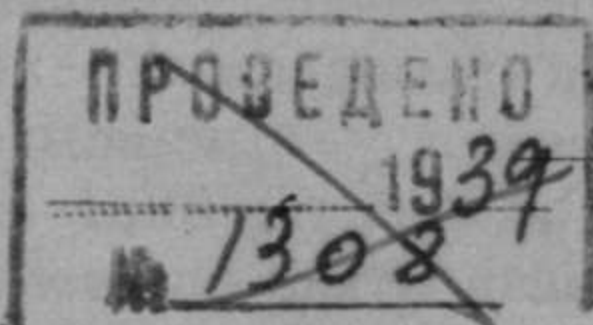
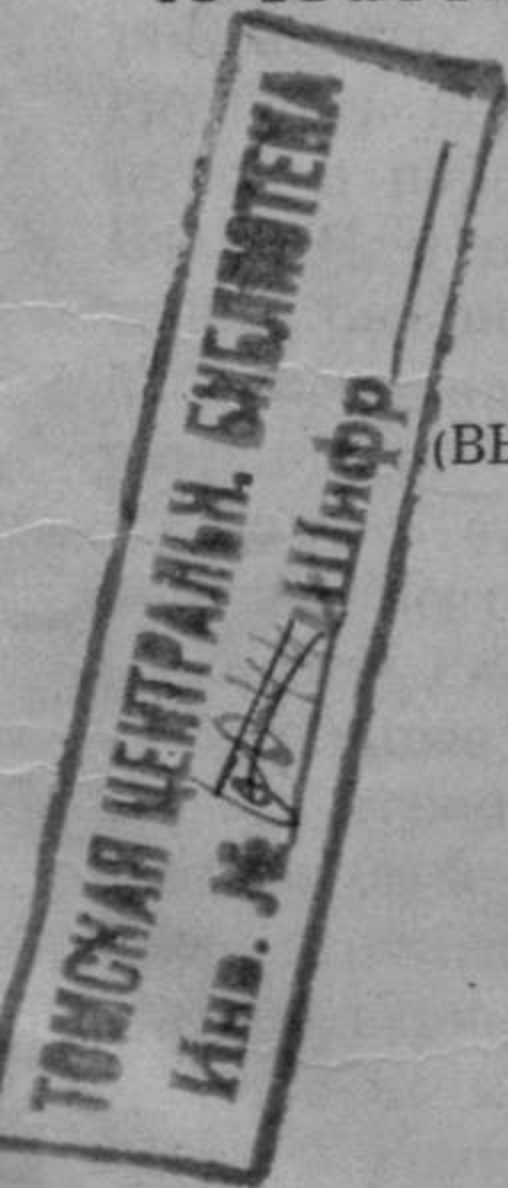
ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Томская Областная Библиотека
Инв. № 36366

ИТНÉРАИРЕ

A TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга I.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1900.

Содержаніе.

	Стр.
I. Туринскъ Тобольской губерніи, <i>А. Бахарева</i> .	1
II. Отъ Томска до Яренска, <i>К. Я—скаго</i> .	9
III. Сибирская желѣзная дорога, <i>Ю. О. Г—аго</i> .	16
IV. По Алтаю, <i>II. Дмитриева</i> .	21
V. Повѣсть о черной лисицѣ, рассказъ <i>А. К.</i>	28
VI. Изъ записной книжки, стихотв. <i>Всеволода Сибирскаго</i>	46
VII. На пути къ Томску изъ Тюмени, <i>Марка Квитки</i>	49
VIII. Александръ, возчикъ прокаженныхъ, рассказъ <i>А. Ключе</i> .	55
IX. Братья-писатели, рассказъ <i>Сибиряка</i> .	63
X. Изъ Сибирскихъ мотивовъ, стихотв. <i>II. К.</i>	75
XI. Сибирскіе чиновники былого времени, <i>Н. Гурьева</i>	76
XII. Замѣтки о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, <i>В. Д.</i>	81
XIII. Библиографія, <i>М. С. Кларина</i> .	84
XIV. Communications par eau de la Sibérie	1
XV. Une visite à de nouveaux placers d'or sur le Transiberien, <i>La Botte</i> .	3
XVI. Объявленія.	

Портреты, виды и типы (Portraits, vues et types):

1) Соборъ въ Березовѣ Тобольской губерніи. (Clôître dans la ville de Beresov, gouvernement de Tobolsk). 2) Орочены, инородцы, живущіе въ Амурской и Приморской области. (Orotschenes, indigènes—habitants de l'oblast d'Amour et de l'oblaste Primorskaïa). 3) Якутка въ праздничномъ нарядѣ (Iacoute). 4) Верхнеудинскъ на р. Селенгѣ Забайкальской области. (Vue de la ville Vêrkhnéoudinsk en Transbaïkalie).

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Дорожки

ПО СЛЕНЬИ И АСТАТОН РОССИ

Дозволено цензурою. Томскъ, 18 января 1901 года.

Книга I.

ТОМСКЪ.

Издана типографіи Н. Н. Макашова.

1900.

Туринскъ Тобольской губерніи *).

(О ЧЕРКЪ).

Небольшой, но съ виду чистенькій, съ прямыми улицами, г. Туринскъ расположенъ на р. Турѣ, въ 170 вер. отъ Тюмени, въ 65 вер. отъ Ирбита и въ 180 вер. отъ Верхотурья. Сѣверо-западная часть его занимаетъ низменную мѣстность, 5—6 саж. надъ уровнемъ р. Туры. Юго-восточная часть города расположена на горѣ и по склону ея, 11—12 саж. надъ Турой, въ обыкновенное время спада воды въ рѣкѣ.

Со стороны общій видъ города очень красивъ, особенно съ сѣверо-западной, откуда Туринскъ виденъ весь, какъ на ладони. Въ лѣтнее время видъ Туринска съ этой стороны, издали (хотя бы за версту), производитъ полную иллюзію большого европейскаго города, благодаря симметрично расположеннымъ группамъ церквей, каменнымъ зданіямъ, окрашеннымъ въ разные цвѣта и пересыпаннымъ густыми куртинами садовыхъ деревьевъ. Въ 1891 и въ 1893 гг. городъ выгорѣлъ почти на половину, но теперь онъ понемногу застраивается и за послѣднее время не мало построено каменныхъ домовъ, вмѣсто прежнихъ сгорѣвшихъ деревянныхъ.

Домовъ въ городѣ около 600, деревянныхъ и каменныхъ. Въ общемъ, все-таки, каменныхъ домовъ немного, не больше 10—12%, не считая складовъ и кладовыхъ. Полукаменныхъ домовъ только 6, остальные все деревянные и въ большинствѣ одноэтажные. Теперь строится на горѣ большой двухъэтажный домъ (такихъ еще не было въ Туринскѣ) 16×18 саж., чайнаго торговца Чиркова, туринскаго мѣщанина. Вообще, въ послѣднее время замѣтно у туринцевъ предпочтеніе строить каменные постройки.

Цѣны на квартиры: въ 2 комн. 3—4 р., въ 3—4 комн. 6—8 р., въ 4—5 комн. 10—15 р., въ 5 комн. 20—25 р. Квартиры съ водопроводами нѣтъ, за то всѣ съ мебелью, хотя неособенно высокаго качества. Центръ города ночью скудно освѣщается немногими фонарями, а окраины вовсе не освѣщаются.

*) Въ виду исполнявшагося въ 1900 г. трехсотъ-лѣтія со дня основанія Туринска, мы считаемъ не лишнимъ дать краткій очеркъ его.

Церквей въ гор. 7: Соборъ, Стрѣтенская, Покровская, Спасская, женскій монастырь, кладбищенская и тюремная. Послѣднія 2 церкви приходовъ не имѣютъ, а всѣхъ остальныхъ богатые приходы. Покровская церковь отличается своей архитектурой: высокая (22 саж.) и стройная, въ готическомъ стилѣ. Такихъ церквей только 2 еще въ Тобольской губерніи: въ селахъ Усенинскомъ и Усламенскомъ, послѣдняя Ишимскаго уѣзда. Покровская церковь — краса Туринска. На соборѣ есть громадныя желѣзные часы, которые когда то отбивали не только часы, но и минуты, причемъ для каждаго періода времени былъ устроенъ особый колоколъ. Теперь эти часы пришли въ полную негодность.

Общественныя зданія. 1) Городская управа — большой каменный 2-хъ этажный домъ съ каланчей на крышѣ. Вверху помѣщается управа и воинское присутствіе, а внизу почтово-телеграфная контора, съ квартирой для начальника. На оградѣ — большой деревянный корпусъ первой части пожарной команды, съ 6 машинами и обозомъ, причемъ 2 лошади постоянно стоятъ въ упряжкѣ, — съ машиной и бочкой. Вторая часть пожарной команды помѣщается на горѣ, при полицейскомъ управленіи. Тутъ же въ оградѣ и каланча, — въ этой части 4 пожарныхъ машины съ обозомъ.

2) Уѣздное приходское и уѣздное училище — большой 2-хъ этажный каменный домъ, съ квартирой для смотрителя. Въ обоихъ училищахъ до 70 учащихся.

3) Женская прогимназія — большой 2-хъ этажный каменный домъ, съ квартирой для начальницы прогимназіи, съ 40 учащимися.

4) Городская больница, — большое каменное зданіе, съ квартирой для врача. Больница очень хорошо поставлена, на 20 кроватей. Бѣднымъ лекарство выдается бесплатно; всѣмъ даются совѣты и рецепты, также бесплатно. На дворѣ больницы имѣется баракъ для заразныхъ больныхъ и анатомическій покой. При больницѣ врачъ и 2 фельдшера.

5) Казармы — большое каменное зданіе съ пристройками, на 200 чел. команды.

6) Богадѣльня (дерев.) на 20 чел. призрѣваемыхъ.

Всѣ эти зданія содержатся и ремонтируются на счетъ города.

Есть вольное пожарное общество, имѣющее двѣ машины новѣйшей кинструкціи. Команда состоитъ изъ 80 чел. добровольцевъ и почетныхъ членовъ.

На самомъ подъемѣ горы расположенъ гор. общественный садъ, окруженный „рѣзной рѣшеткой“ и густо усаженный деревьями хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Деревья такъ густо разрослись, что солнечные лучи не проникаютъ сквозь нихъ. Деревья въ саду не подрѣзаются и цвѣтовъ въ немъ не разводится. По срединѣ стоитъ небольшое зданіе — лѣтній клубъ, съ буфетомъ, билліардной, гостинной и танцевальнымъ заломъ. Въ лѣтнемъ клубѣ иногда устраиваются гулянья съ благотворительною цѣлю, иногда — танцы, а больше всего въ немъ играютъ въ карты.

Зимній клубъ помѣщается въ большомъ деревянномъ домѣ, на базарной площади. Членскій взносъ 6 р. въ годъ. При клубѣ имѣется библіотека, содержащаяся на счетъ пожертвованій тѣхъ же членовъ. Выписываются слѣдующіе журналы и газеты: „Рус. Мысль“, „Рус. Бог.“, „Вѣстникъ Европы“, „Міръ Божій“, „Истор. Вѣстникъ“, „Вѣстн. иностран. литературы“, „Нива“, „Стрекоза“, „Петерб. Вѣдомости“, „Рус. Вѣдомости“ и „Сиб. Листокъ“. Книгами и газетами пользуются только члены клуба. Плата за входъ въ клубъ на вечера и пр. для постороннихъ 30 к.

Почта въ Туринскъ приходитъ и отходитъ 2 раза въ недѣлю: приходитъ по вторникамъ и пятницамъ, отходитъ по средамъ и субботамъ.

На горѣ, за городомъ, за тюремнымъ замкомъ (большое кам. зданіе въ 3 этажа) стоитъ сельская больница (деревянная), безъ квартиры для врача. Больница построена на 10 кроватей и съ амбулаторіей. Лекарства и рецепты — бесплатно для деревни.

Р. Тура протекаетъ въ 20 саж. отъ города и подмываетъ берегъ, особенно самый крутой на которомъ стоитъ женскій монастырь. Тура иногда разливается по 2 и по 3 раза въ годъ. Если она разольется хотя бы и 2 раза, но если рано, то затопляетъ поля и луга, и тогда бываетъ хорошій урожай хлѣба и травъ. Но если она во 2-й, или третій разъ разольется и поздно, что, обыкновенно, бываетъ въ концѣ іюня, то вверху, въ Жуковской и Благовѣщенской волостяхъ, затопляетъ поля и луга, и тогда эти волости остаются безъ хлѣба и сѣна. Тура несудоходная,

потому что нѣтъ предпринимателя. На ней отъ Туринска до Тюмени только 2 переката въ 12—14 вер. глубины, и то въ засушливый годъ. Тура обильна рыбой; весной, во время разлива, каждая деревня у рѣки занимается рыболовствомъ и рыбы вылавливается очень много. Кромѣ того, устраиваютъ лзы, заводи, перегораживаютъ заливы и пр. Благодаря этому, весной рыба ужасно дешева, за то потомъ ее почти нѣтъ на базарѣ.—особенно нельмы.

Въ рѣкѣ водятся слѣдующія породы рыбъ: нельма, язь, щука, налимъ, ершъ и чебакъ; раковъ же въ Турѣ геперь вовсе нѣтъ, а назадъ тому 3—4 года ведро раковъ стоило 20—30 коп. Глубина рѣки крайне неравномѣрна: въ общемъ отъ 1 до 4 саж. глубины,—не считая 2 перекатовъ. Ширина ея въ среднемъ немного болѣе 100 саж.

Черезъ Туру, у самаго города, паромный перевозъ и идетъ дорога въ ближайшія деревни и въ Пелымскій край. Дорога идетъ волокомъ и ближайшее село отъ Туринска—Табары, 90 верстъ отъ города. Въ 40 верстахъ отъ гор. дача Поклевскаго, а отъ нея начинается Пелымскій край.

На Туринскомъ кладбищѣ стоитъ памятникъ на могилѣ декабриста Ивашева. Самый памятникъ обитъ листовымъ желѣзомъ и огороженъ чугуною рѣшеткой. Теперь памятникъ быстро разрушается: листы во многихъ мѣстихъ отодрало вѣтромъ, а рѣшетка почти развалилась.

Администрація города: исправникъ и его помощникъ, одинъ помощ. надзирателя и становой; два крестьянск. начальника,—одинъ пелымскій, но живетъ въ городѣ; тов. прокурора и 3 мир. сѣдья,—одинъ Пелымскій; живетъ въ городѣ; врачей 3,—одинъ тоже Пелымскій. Податной инспекторъ и акцизный чиновникъ. Два лѣсничихъ, одинъ Пелымскій, живетъ въ городѣ. Военскій начальникъ и офицеръ мѣстной воинской команды.

Въ Туринскѣ считается около 4527 жителей об. пола, но на лицо только 3416 чел.—остальные живутъ дальше въ Сибири, по паспортамъ, а ссыльные бродяжатъ. Ростъ населенія начался съ 60 годовъ, когда въ Туринскѣ коренныхъ жителей было только 600 чел.

Въ настоящее время населеніе въ гор. состоитъ, главнымъ образомъ, изъ пришлаго элемента: переселенцы изъ Пермской, Вятской губерній и ссыльные. Послѣдніе ссылались въ Туринскъ не только изъ Россіи, но и съ заводовъ, когда тамъ былъ каторжный трудъ. Теперь всѣ эти элементы состоятъ изъ мѣшанъ и крестьянъ. Въ городѣ есть мѣщанская управа и Туринская городовая волость. Въ Туринскѣ упрощенное городовое положеніе.

Почва подгорной части города черноземная, а нагорной суглинистая. Городъ имѣетъ нѣсколько сотъ дес. земли. пахатной и луговой, которую онъ сдаетъ въ аренду жителямъ Туринска. Всѣ жители Туринска занимаются, преимущественно, земледѣліемъ (какъ и весь уѣздъ) и только отчасти извознымъ промысломъ.

Крестьяне городской волости, кромѣ городской земли имѣютъ собственные наѣлы. Урожай обыкновенно бываетъ 50—60 пуд. съ десятины всякаго хлѣба.

Мѣстность всего Туринскаго уѣзда холмистая, изрѣзанная рѣчками, озерами и болотами. Лѣсу въ Туринскомъ уѣздѣ много, но строевого мало. Кромѣ того, въ южной части учреждено лѣсничество. Казна уже 3 года производитъ хозяйственныя заготовки лѣса для Уральской жел. дороги.

За эти 3 года лѣсу вырублено болѣе 100000 бревенъ,—да еще три года будутъ продолжаться хозяйственныя заготовки. За послѣднее время цѣна на лѣсъ поднялась на 50%.

Годовая температура Туринска $+1,5$ (Тобольска— $0,4$). Температура быстро мѣняется съ тепла на холодъ и наоборотъ; зимой холодъ не держится болѣе 2—3 недѣль, также и лѣтомъ жаркіе дни. Въ общемъ климатъ умѣренный и смягчается окружающими лѣсами. Сѣверныхъ вѣтровъ бываетъ очень мало, а преимущественно дуетъ южный почти весь годъ. Климатъ Туринска надо признать здоровымъ и эпидемическихъ болѣзней въ немъ почти нѣтъ, какъ, напр., въ южной части Тобольской губерніи. Кромѣ того, близко отъ города есть хвойные лѣса (хотя и не крупные), гдѣ можно желающимъ проводить лѣто.

Въ 3 верстахъ отъ города есть желѣзистый ключъ, но имъ почти никто не пользуется.

Туринскъ стоитъ въ сторонѣ отъ промышленныхъ центровъ, промыслы развиты слабо, поэтому весь уѣздъ исключительно занимается хлѣбопашествомъ и въ малыхъ размѣрахъ-извознымъ промысломъ. Кромѣ того, по всему уѣзду, по деревнямъ есть кустари—посудники: дѣлаютъ чаны, кадки, ведра и пр. Съ проведеніемъ жел. дор. Туринскъ навѣрно оживится, но за то, вѣроятно, падетъ извозный промыселъ, который теперь служить большимъ подспорьемъ мѣстному населенію и даетъ ему хорошій заработокъ

Годовой бюджетъ Туринска:

П Р И Х О Д Ъ на 1900 г.

Сборъ съ недвиж. имущ.	1357 р. 45 к.
„ съ торговли и промысловъ	1106 р. 57 к.
„ съ лошадей, экипажей и собакъ	23 р. — к.
Пошлины разныхъ наменов.	129 р. 50 к.
Съ гор. имущ. и оброч. статей	4013 р. 55 к.
Съ сооружений и предпріятій	603 р. — к.
Пособіе гор. и возвратъ расходовъ	5647 р. — к.
Разныхъ поступленій	102 р. — к.

ИТОГО . 12982 р. 7 к.

Р А С Х О Д Ъ:

Участіе по сод. правит. учреждений	156 р. — к.
Содерж. общ. гор. упр. и сир. суда	2255 р. 90 к.
Воинская кварт. повинность	587 р. 85. к.
Содержаніе гор. полиціи	1353 р. — к.
„ пожарн. командъ	2042 р. 23 к.
Благоустройство города	245 р. — к.
Содержаніе городскихъ сооружений	266 р. — к.
Народное образованіе	1154 р. 50 к.
Общ. призрѣніе (богадѣльня)	251 р. — к.
Медицинская и ветер. части	2230 р. 94 к.
Содержаніе и устр. принадл. гор. недв. имуществъ	1742 р. 83 к.
Уплата долговъ казнѣ	289 р. 64 к.
Разные расходы	107 р. 68 к.

ИТОГО . 12982 р. 7. к.

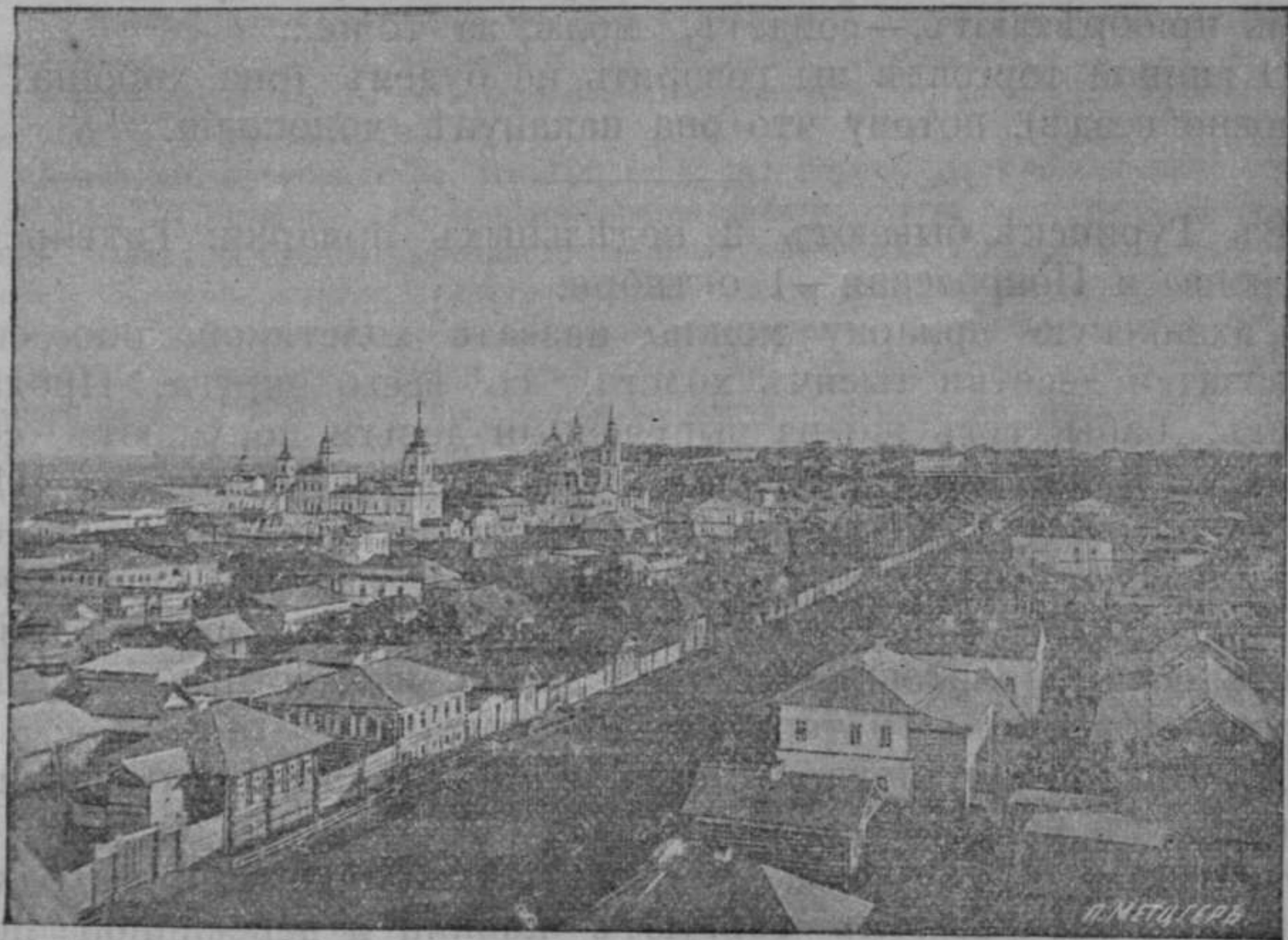
Если ѣхать изъ Туринска въ Тюмень, то первая волость будетъ Коркинская, вторая Пушкиревская и третья—Туринская слобода. Этой волостью кончается Туринскій уѣздъ и начинается Тюменскій. На Ирбитъ и Верхотурье сначала одна дорога идетъ изъ Туринска, черезъ Шухруповскую волость и до Усениновской волости. Здѣсь, въ дер. Урасовой, дорога въ Ирбитъ идетъ на лѣво, на югъ, а дорога въ Верхотурье идетъ прямо, черезъ волости: Дымковскую, Благовѣщенскую и Санкинскую. Этой послѣдней волостью кончается Туринскій уѣздъ и начинается Верхотурскій,—Пермской губ.

Если ѣхать въ Туринскъ по Тюменскому тракту, то городъ почти не видно, пока не въѣдете въ него. За то по Ирбитскому и Пелымскому—Туринскъ виденъ далеко и производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Торговля. Годовой оборотъ всей торговли собственно въ Туринскѣ около 500,000 р. Болѣе половины этой суммы падаетъ на мануфактурный и бакалейные товары. Вообще, спросъ на колоніальные товары въ Туринскѣ больше всѣхъ остальныхъ. Послѣ ко-

лоніальныхъ товаровъ слѣдуютъ (въ смыслѣ спроса) кожевенные. Крупныхъ торговцевъ, съ тысячными оборотами нѣтъ. Большинство торговцевъ съ годовымъ оборотомъ въ 10-15 тыс. руб.

Хлѣбная торговля развита слабо, за отсутствіемъ капитала; она не превышаетъ 30,000 р. въ годъ. А между тѣмъ, при наличности капитала и приспособленій, хлѣбная торговля могла бы быть довольно значительна. За хлѣбомъ пріѣзжаютъ въ Туринскъ не только изъ Пермской губ., но и изъ Пелымскаго края, гдѣ земледѣліе развито очень слабо, благодаря лѣснымъ промысламъ.

Видъ города Туринска.

(Vue de la ville de Tourinsk).

Такъ какъ въ городѣ нѣтъ крупнаго покупателя, то изъ многихъ деревень мужики лично увозятъ излишекъ хлѣба въ заводы: въ Тагиль, Алапаиху и др. Нѣкоторые увозятъ свой излишній хлѣбъ также въ Пелымскій край и тамъ вымѣниваютъ его на пушнину, на рыбу, дичь, орѣхи и ягоды.

Замѣчательно то, что хотя Туринскъ находится и близко отъ заводовъ (200 в.) и Ирбитской ярмарки, тѣмъ не менѣе—въ городѣ желѣза почти нѣтъ. Если и есть желѣзо, то въ высшей степени недоброкачественное, а о выборѣ сортовъ говорить нечего—приходится довольствоваться „подходящимъ“. Изъ купленнаго изъ туринскихъ лавокъ желѣза кузнецы ничего не могутъ сдѣлать: оно пленится или мочалится, а послѣ вара (точка кипѣнія) ломается. Цѣна же на

это желѣзо, какъ за хорошее: 2 и 2 р. 40 к. запудъ сортоваго, а листового 2 р. 80 и 3 запудъ. Да и это желѣзо „двойное“—съ краевъ какъ слѣдуетъ, но ежели листъ разрѣзать, то въ срединѣ его окажется нѣсколько слоевъ, т. е. желѣзо пленоватое.

Причина такого страннаго явленія заключается, во-первыхъ, въ косности и алчности торговцевъ и, во-вторыхъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что русскіе фабриканты, огражденные протекціонизмомъ, не боясь конкуренціи, имѣютъ обыкновеніе дѣлать всякую дрянъ, лишь бы походило на желѣзо. И вотъ туринскіе торговцы, жадные до барышей, эту самую желѣзную дрянъ приобрѣтаютъ,—сойдетъ, молъ, за тоже...

О винной торговлѣ мы говорить не будемъ (она хороша безусловно вездѣ), потому что она наканунѣ монополіи.

Въ Туринскѣ бываютъ 2 недѣльных ярмарки: Тихвинская (26 іюня) и Покровская—1 октября.

Тихвинскую ярмарку можно назвать холстяной, ибо сюда привозится десятки тысячъ холста, со всего округа. Продавъ холстъ, бабы тутъ же на вырученныя деньги покупаютъ себѣ „обновъ у пріѣзжихъ купцовъ“ изъ Ирбита и Тюмени. Цѣны холста отъ 3 до 5 к. за аршинъ. Такъ какъ эта ярмарка бываетъ передъ страдой, то изъ Ирбита и Тюмени пріѣзжаютъ торговцы съ желѣзнымъ товаромъ и, главнымъ образомъ, привозятъ серпы и литовки. Въ тоже время и мѣстные торговцы „строятъ балаганы“ и торгуютъ.

Въ Покровскую ярмарку, какъ и въ Тихвинскую, наѣзжаютъ торговцы съ краснымъ товаромъ. Но больше всего въ эту ярмарку торгуютъ капустой: десятки тысячъ вилокъ ея расходуется по всему уѣзду. Потомъ торгуютъ конями и деревянной посудой. Цѣна капусты 1—2 р. за сотню. Цѣна лошадей отъ 10 до 40 р., а жеребята—2—5 р. Цѣна деревянной посуды слѣдующая: ведро 10—12 к., кадушка въ 2 ведра 10—15 к.; въ 3 ведра 30—40 к., въ 4 ведра—45—55 к., въ 5 в.—60—70 к., въ 6 в. 70—80 к., въ 7 в. 80—90 к., въ 8 в. 90 к. и 1 р., въ 10 в. 1 р. 20 к. и до 1 р. 50 к., въ 20 в. 2—3 р.—кедровая.

Пушной товаръ изъ Пелымскаго края почти не привозится на ярмарки, потому что его скупаютъ на мѣстѣ и, кромѣ того, охотники стараются сами свезти его въ Ирбитъ,—лично продать.

Оборотъ орговли на обѣихъ ярмаркахъ не болѣе 25-30 т. р.

Производство Туринска. Самое крупное производство кожевенное. За городомъ у р. Туры выстроено полдюжины кожевенъ, бр. Кудашевыхъ, Лемана, Рысева и Морозова. Производство зиждется на примитивныхъ началахъ: кожи (сырье) вымачиваются, вызоливаются въ чанахъ, очищаются отъ шерсти, просушиваются и идутъ въ отдѣлку. Отдѣльщики обыкновенно работаютъ у себя на дому: выкрашенные кожи вытягиваютъ, сострогиваютъ на нихъ мездру и смазываютъ жиромъ.

Выдѣланные кожи продаютъ въ Ирбитской ярмаркѣ, но главнымъ образомъ—въ Крестахъ и, отчасти, въ Тюмени. Не малый спросъ на кожи и въ Уральскіе заводы.

Часть кожевенного товара продается и на мѣстѣ, въ видѣ издѣлій мѣстнаго производства: бродней и голяшекъ къ нимъ, чирковъ, ремней и лоскутьевъ кожъ. Цѣна на цѣльные кожи 7—8 р. за кожу. Бродни стоятъ 2—2 р. 50 к.; чирки 80 к. и 1 р. 20 к. Голенища къ броднямъ 70—90 к.

Сыромятныя кожи выдѣлываются для рукавицъ, которыхъ изготовляется въ Туринскѣ больше 100 000 паръ въ годъ. Выдѣлка ихъ производится такъ: кожи мочатъ, срѣзаютъ съ нихъ шерсть „тупиками“, мнутъ ихъ въ „мялкахъ“, просушиваютъ, стружутъ, снова мочатъ, просушиваютъ, смазываютъ жиромъ и сдаютъ „въ крояльню“. Тамъ кожи рѣжутся на рукавицы, связываются въ десятки и разносятся по домамъ шить.

Шитьемъ рукавицъ обыкновенно занимаются бѣдныя дѣвушки и женщины. Заработокъ ихъ довольно скудный: за каждую сшитую пару они получаютъ по 1 к., а лучшая мастерица, при 16—18-часовомъ трудѣ, сшиваетъ 12—15 паръ въ сутки.

Рукавицы продаются тамъ же, гдѣ и остальной кожевенный товаръ. Цѣна за каждую пару 45—50 к. яловыхъ и отъ 80 к. до 1 р. лосиныхъ.

Около кожевенъ же есть еще клейныя заведенія, но клею выдѣлывается не болѣе 1500 пуд. въ годъ.

Кузнечное производство. Въ 100 саж. отъ города, на юго-западной сторонѣ, стоятъ до 20 кузницъ, гдѣ приготавливаются разные плуги: сошники, сабаны, перьянки, лемеха и пр. Это производство послѣ кожевеннаго самое большое въ Туринскѣ. Годовой оборотъ кузнечнаго производства всецѣло зависитъ отъ спроса въ Сибирь и продажи во время Ирбитской ярмарки; въ среднемъ онъ выразится въ 50—60 тысячъ рублей въ годъ. Это производство зиждется на капиталистическихъ началахъ: 3—5 человекъ берутъ подрядъ на сошники и отдаютъ его для исполненія кузнецамъ. Если кузнецъ работаетъ въ кузницѣ подрядчика готовымъ инструментомъ и готовыми углями, то онъ получаетъ „отъ хозяина“ 35—40 к. за пудъ сдѣланныхъ сошниковъ или сабановъ и пр.; молотобоецъ же получаетъ 15—18 к. съ пуда, отъ хозяина же. Но есть кузнецы, имѣющіе собственныя кузницы и инструменты. Такіе мастера берутъ работу на свой страхъ: работаютъ своими углями и сами платятъ молотобойцамъ. За такую работу платится 90 к. и 1 р. за пудъ. Эти кузнецы, имѣющіе собственныя кузницы, последнее время стали брать непосредственно отъ заказчиковъ небольшіе подрады, въ 300—500 пуд. и исполняютъ ихъ добросовѣстно. Кромѣ сошниковъ, въ этихъ кузницахъ еще дѣлаютъ топоры, ножи (неточеные), зубья боронныя, потяги (цѣпи) для боронъ, вилы и пр. Цѣны на сошники 2 р. 50 к. пудъ, сабаны 3 р. и дороже, а лемеха до 4 р. пудъ. Топоры крупные 40—45 р. за сотню; ножи 9—10 р. за сотню; вилы (крупныя) 35—30 р. за сотню, мелкіе 25—30 р.; зубья 80—90 к. за борону въ 20 зуб.; потяга съ длинными звеньями 35—40 к. шт., а съ круглыми звеньями 50—55 к. за шт., потяги дѣлаются съ вертлюгами.

Кромѣ того, дѣлаются еще якоря, но только на заказъ, а не на продажу. Цѣна на якоря 6—8 р. за пудъ, — якоря хорошіе.

Желѣзо пріобрѣтается на Уральскихъ заводахъ.

Кузнечное производство въ Туринскѣ не развивается и не падаетъ, — стоитъ на одной нормѣ. Туринскіе кузнецы народъ смысленный и могутъ дѣлать всякую крупную работу.

Въ доброе старое время въ туринскихъ кузницахъ работали исключительно только сошники—двойчатки. Но за послѣдніе 5—6 лѣтъ появились довольно серьезные конкуренты сошникамъ. Сперва появился спросъ на сабаны, потомъ на перьянки и въ настоящее время явилась потребность для Сибири въ лемехахъ. Увеличеніе съ каждымъ годомъ спроса на лемеха и сабаны объясняется наплывомъ переселенцевъ изъ южн. губерній. Сошниками и перьянками нельзя такъ глубоко пахать землю, какъ сабанами и лемехами. Въ Туринскомъ же уѣздѣ пахутъ не глубоко, а потому употребляются преимущественно сошники и мелкіе въ 10—15 ф. сабаны. За послѣднее же время и здѣсь сошники начинаютъ вытѣсняться сабанами и перьянками.

Гончарное и кирпичное производства существуютъ лишь для мѣстныхъ потребностей и годовою оборотъ ихъ не превышаетъ 5000—6000 р. Назадъ тому 5—6

лѣтъ кирпичъ въ Туринскѣ стоилъ 3 р. 50 к. и 4 р. за тысячу, а теперь цѣна на него поднялась 7 и 8 р за тыс. Цѣны же на гончарныя произведенія прежнія. Гончары сбываютъ свой товаръ въ городѣ и на мѣстныхъ торжкахъ по уѣзду. Гончарный товаръ хорошаго качества.

Иконостасное и иконописное производство. Назадъ тому 10—15 лѣтъ это производство было съ годовымъ оборотомъ въ 50,000—60,000 р., но за послѣднее время сократилось болѣе чѣмъ на половину. Теперь же этимъ дѣломъ занимаются только два мастера и одинъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, занимается постройкой и ремонтомъ церквей, а иконостаснымъ дѣломъ только отчасти. Годовой оборотъ, по иконостасному дѣлу обоимъ мастерамъ 10,000—15,000 р. Иконостасы и церковная утварь дѣлаются хорошо. Иконостасы дѣлаютъ на всю Тобольскую губ. Раньше въ Туринскѣ еще лили колокола, но теперь это производство въ полномъ упадкѣ: есть только одинъ мастеръ и то льетъ мелкіе колокола, не больше 1 пуда вѣсомъ.

Золотошвейное производство. Этимъ дѣломъ занимаются въ женскомъ монастырѣ: вышиваютъ подушки, потрфели, альбомы и пр. Нѣкоторыя работы исполняются довольно художественно. Сколько монастырь зарабатываетъ на этихъ издѣліяхъ, опредѣлить почти невозможно.—но, вѣроятно, не болѣе 1,000 р. въ годъ.

Въ городѣ имѣются слѣдующіе ремесленники: кузнецовъ 42, слесарей 4, мѣдяковъ 2, кровельщиковъ 3, каменщиковъ 16, печниковъ 8, штукатуровъ 3, плотниковъ 8, портныхъ 4, сапожниковъ 7, кожевниковъ 22, рукавишницъ около 100 ч, шьющихъ чирки и бродни 8 и трубочистовъ 2. У кожевниковъ и рукавишницъ работа круглый годъ, а у остальныхъ—весной, лѣтомъ (каменщики и плотники) и осенью.

Культурная и общественная жизнь Туринска. О степени культурности общества можно судить потому, что оно читаетъ и что выписываетъ для чтенія. Напр., въ Туринскѣ выписываются слѣдующія изданія: „Вѣстн. Европы“, „Рус. Мысль“, „Русск. Богатство“, „Міръ Божій“, „Истор. Вѣстн.“, „Вѣстн. иностранной литературы“, „Вѣстн. словесности“, „Жизнь“, „Журналъ для всѣхъ“, „Недѣля“, „Родникъ“, „Нива“, „Живописное обозрѣніе“, „Русскія Вѣдомости“, „Сѣверный курьеръ“, „Россія“, „Петербургск. Вѣдомости“, „Бирж. Вѣд.“, „Новое время“, „Свѣтъ“, „Уралъ“ и „Уральск. жизнь.“—не считая мелкихъ изданій, вродѣ „Петерб.“, „Торг. газ.“ и пр. Изъ юмористическихъ журналовъ въ фаворѣ „Стрекоза“ и „Будильникъ“. Надо замѣтить, что изъ перечисленныхъ изданій большинство выписывается по нѣсколькимъ экземпляровъ. Изъ этого перечня видно, что туринцы консервативныхъ органовъ не читаютъ, а читаютъ больше либеральные и газеты и журналы.

Кромѣ приведеннаго перечня органовъ печати, въ Туринскѣ еще у частныхъ лицъ имѣются не одна тысяча томовъ разныхъ авторовъ: Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Щедринъ, Бѣлинскій, Писаревъ, Скабичевскій и пр. и пр. Есть также и выдающіеся иностр. авторы, какъ, напр., Викторъ Гюго, Додэ и пр. Надо полагать, что въ Туринскѣ найдутся всѣ русскіе писатели (и много иностранныхъ)—какъ здравствующие донынѣ, такъ и умершіе. Кромѣ того, всякая литературная новинка исправно пріобрѣтается въ Туринскѣ.

Однако, не смотря на такое обиліе всевозможныхъ книгъ, въ Туринскѣ до сихъ поръ нѣтъ общественной бібліотеки, хотя есть громаднѣйшій спросъ на чтеніе,—особенно среди народа. Нѣтъ

Соборъ въ Березовѣ Тобольской губ.
(Clôître dans la ville de Berezov, gouvernement de Tobolsk).

Орочены, инородцы, живущіе въ Амурской и Приморской области.
(Orotschenes, indigènes — habitants de l'oblaste d'Amour et de l'oblaste Primorskaia).

также ни воскресныхъ школъ, ни народныхъ чтеній. Если въ клубѣ и есть библіотека, то она носитъ замкнутый характеръ: кромѣ членовъ клуба, какъ и было говорено выше, книгами никто изъ постороннихъ пользоваться не можетъ.

Въ силу такого положенія вещей, въ Туринскѣ нѣтъ и общественной жизни въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать, потому что нѣтъ точки соприкосновенія на какомъ либо общемъ дѣлѣ, или интересѣ, нѣтъ связующаго звена. Вся общественная жизнь туринской интеллигенціи замкнута въ тѣсный кругъ—картежной игры: въ клубѣ карты и въ гостяхъ тоже самое...

Цѣны на Туринскомъ рынкѣ. Среднія постоянныя цѣны на базарѣ въ Туринскѣ слѣдующія: мука рж. 50—60 к., мука пшев. 70—80 к., овесъ 25—35 к., ячмень 20—40 к., крупч. 1 р. 20 к. 1—40, 1—60 и 2 р. пудъ, просо 1 р. 20 к. п., гречиха 1—20 и до 2 р. п., масло скор. 8 р. п., постное 6—7 р. п., конопл. нѣтъ, мясо 1—60 до 2 р. п., свинина 2—40 и 3 р. п., баранина 2 р. п., телятина 1 р. 60 к. и 2 р. п., куры 15—20 к., ш., гуси 40—50 к., поросята 20—30 к., рябчики 35—40 к. п., тетерева 25—30 к. п., рыба 2—3 р. п., ягоды 1—40 и 2 р. п., лукъ 1 р. 20 к. п., картофель 8 к. п., яйца 80 к. и 1 р. сотня; молоко 5 к. кр., сметана 15—20 к. кр., сѣно 1 р. и 2 р. возъ, дрова берез. 2 р. саж., сосновые 1 р. 50 к. саж., тесъ 2 р. дес. 4 саж., а длиннѣе—дороже, дровни 1 р. и 1 р. 20 к. шт., столы 40—60 к. шт. простые, стулья 30—40 к. шт. Керосинъ 2 р. п., сало 4 р. п., кожи сырыя 3—4 р. шт. Желѣзо сортъ 2 р. п., листовое до 3 р. п. Это среднія, постоянныя цѣны, на продукты первой необходимости.

Надо замѣтить, что дичь до заморозковъ гораздо дешевле. Такъ, на примѣръ, рябчики 15—20 к. пара и тетерева тоже. Утки 20—25 к. пара, крошневны 15—20 к. пара, а валцшневовъ въ продажѣ вовсе нѣтъ. Цыплята весной продаются 7—8 к. за шт. Рыба также весной дешевле, напр. нельма зимой до 30 к. ф., а весной она 10—15 к. ф. Язи и пр. сорта рыбы продаются поштучно и въ общемъ цѣна 4—5 к. ф., а зимой вдвое дороже.

А. Бахаревъ.

Отъ Томска до Яренска.

(Дорожныя наблюденія и встрѣчи).

12 сентября.

Извозчикъ, все время дергавшій возжами и тщетно понукавшій хилую лошаденку по кривымъ и грязнымъ улицамъ Томска, —къ вокзалу примчался лихо и быстро, точно желая доказать этимъ, что и онъ „не лыкомъ шить“ и если требуется, то „не ударить лицомъ въ грязь“. Бѣдный, онъ не сообразилъ того, что у подъѣзда стояли только два жандарма да носильщики, которыхъ врядъ ли есть расчетъ обвораживать добрыми качествами гнѣдого.

Одинъ изъ носильщиковъ подхватилъ мои вещи и, сгорбившись, потащилъ въ I классъ. Публики здѣсь было немного; вид-

нѣлись офицерскія шинели, дамскія шляпки, штатскія пальто. Одни пили пиво, другіе чай, третьи вино, всѣ говорили нехотя и зѣвали. Гдѣ то въ углу пищаль ребенокъ.

Не смотря на то, что путь мнѣ предстоялъ далекій и утомительный. (Челябинскъ, Пермь, Котласъ и Яренскъ, Вологод. губ., — вотъ мой маршрутъ), я рѣшилъ ѣхать въ третьемъ, плебейскомъ классѣ. Въ залѣ III класса, гдѣ я бралъ билетъ, было душно, пахло потомъ и табакомъ, и грязно. И на полу, и на скамьяхъ, и даже на подоконникахъ валялись котомки, узлы, чемоданы, сундуки..

Прозвучалъ первый звонокъ. Всѣ, и сидѣвшіе, и стоявшіе, сорвались съ мѣстъ и, захвативъ вещи, «сломя голову» понеслись на платформу и столпились у дверей вагоновъ, толкая и давя одинъ другого и ропща на такое „безобразіе“. Картина была, дѣйствительно, безобразная. Каждый разъ, какъ мнѣ случается быть на вокзалѣ, я становлюсь свидѣтелемъ этой суетни, удивляюсь ей и думаю: неужели она существуетъ и на благоустроенныхъ дорогахъ? (Разумѣю заграничныя. Благоустройство русскіихъ ж. д. общеизвѣстно и въ иллюстраціяхъ не нуждается).

Я думаю, что публика самымъ желѣзнодорожнымъ вѣдомствомъ приучена къ такой суетѣ. Кому не случалось бывать въ такомъ положеніи, когда пройдешь всѣ вагоны класса взятаго билета и не найдешь свободнаго мѣста? Такъ что, въ собственныхъ интересахъ, каждый стремится занять хорошее мѣсто, ставя тѣмъ въ какое то „военное положеніе“ другихъ, дѣлая непріятное и себѣ, и другимъ.

Дзинь... Дзинь.. Я уже въ поѣздѣ. Въ вагонѣ шумъ и споръ изъ за мѣстъ. Все упоминаются оберъ и жандармъ, которымъ, вѣроятно, икается. Наконецъ, всѣ устроиваются кое какъ, вступаютъ въ мирную бесѣду и приходятъ въ подобающее случаю настроеніе.

Дзинь... Дзинь... Дзинь... Фррь!!!.. Вслѣдъ за звонкомъ свиститъ оберъ. У—у!—отвѣчаетъ машинистъ. Фр—ррь. У—гу—у...

Паровозъ тронулся, запыхтѣлъ, отдуваясь, какъ опроставшая полуведерный самоваръ купчиха. Колеса заverteлись, все чаще и сильнѣе громыхая, вмѣстѣ съ тѣмъ въ вагонѣ становится шумнѣе. Вотъ вокзалъ скрылся отъ взоровъ и въ окнахъ виднѣются томскія постройки, долина Ушайки, пригорки, овраги. Вѣтеръ обвѣваетъ пожелтѣвшіе листья съ понурыхъ березъ и треплетъ ихъ въ воздухѣ. Прощай, Томскъ!..

Проходитъ нѣсколько минутъ и мы на второмъ томскомъ вокзалѣ, на Степановкѣ. Здѣсь пережидаетъ насъ встрѣчный почтовый поѣздъ.

Вотъ мы опять въ пути. Пассажировъ въ нашемъ вагонѣ еще прибыло, стало „биткомъ набито“. Вблизи со мною два торговца и одинъ въ служительской же-

лѣзнодорожной формѣ. Интересуясь бытомъ мелкой рабочей сошки, незамѣтнымъ образомъ я вызываю послѣдняго на разговоръ.

— Я смазчикомъ служилъ на московско-курской желѣзной дорогѣ, рассказываетъ онъ мнѣ. — По случаю билизации командированъ былъ начальствомъ на сибирскую дорогу. Когда отправляли насъ, то обѣщали выдать двойное жалованье, подъемные и обмундировку, а потомъ надули. Жалованья только немного прибавили противъ тамошняго, а подъемныхъ вовсе не дали. Обмундировку тоже не дали, — конечно, потому, какъ знали, что мы долго не прослужимъ здѣсь, а она дается на во все...

— Теперь истекъ, значитъ, срокъ и васъ возвращаютъ? — спросилъ тутъ же сидѣвшій торговецъ.

Нѣтъ, другіе еще служатъ, а я поѣхалъ домой. Видите ли, что тутъ вышло. Приѣхалъ я сюда, послужилъ маленько, и жду, когда выдадутъ что обѣщано. Нѣдѣля проходитъ — ничего нѣту; другая тоже. Я къ начальству. Оісказалъ все: такъ и такъ, молъ, деньги и форму долженъ получить я — когда выдадутся. Мнѣ отказали. Прослужилъ я маленько и опять по начальству. Пожалуйте мнѣ, что слѣдуетъ по условію или я поѣду на свою дорогу, говорю. Начальникъ говоритъ: ты не можешь отказываться отъ службы, теперь военное время. Я не отказываюсь, — отвѣчаю, — дайте мнѣ, что положено, я буду служить. Прошло такъ еще сколько то времени. Вчера прихожу въ управленіе по тому же дѣлу. Дали мнѣ билетъ, жалованье за 42 дня изъ 30 руб. за мѣсяцъ и отправили обратно. По рублю на день пришлось получить; чуть не всѣ деньги были пропиты еще на мѣстѣ, а въ дорогѣ теперь остальные проживу. Такъ, зря, сѣзидилъ, никакой даже выгоды, одна непріятность.

Онъ тяжело вздохнулъ, какъ бы говоря тѣмъ: „вотъ какова служба нашего брата“.

— Что же вы думаете теперь дѣлать? — спросилъ я.

— Что? Да жаловаться буду. Такъ дѣло не оставлю. Я имъ покажу. Получу все, что слѣдуетъ. Это ужъ вѣрно. Сами то они не стѣсняются, берутъ, надо и не надо; зачѣмъ же нашего брата обижать? Мнѣ чужого не надо, а мое отдай... Что они съ меня взяли? Не захотѣлъ служить — и не сталъ.

Попутчика моего охватилъ справедливый гнѣвъ и онъ много „пожеланій“ послалъ по адресу своего желѣзнодорожнаго начальства.

Въ 10 часу прибыли въ „Тайгу“. Суета и давка здѣсь происходила ночью и, понятно, ужаснѣе, чѣмъ въ Томскѣ. Красноярскій поѣздъ ждали около 2 часовъ. Пользуясь этимъ временемъ, я занесъ въ свой дневникъ все то, что записано подъ 12-ымъ сентября.

13 сентября.

Усѣвшлсь въ вагонъ, я тотчасъ же предался въ объятія Морфея и, не смотря на грохотъ поѣзда, стукъ дверьми, шумъ и говоръ людей и другія неудобства — спалъ хорошо. Когда я проснулся, веселое солнце уже заглядывало въ окна, разстилая свои ласковые лучи по вагону. Я пытался открыть окно, но было свѣжо: дулъ рѣзкій вѣтеръ и отчаянно рвался къ намъ. Точно съ какой то злостью гналъ онъ обрывки сѣрыхъ тучъ, какъ будто очищая отъ нихъ синее небо.

Передъ нами раскидываются широкія поля; на однѣхъ торчитъ короткая солома, на другихъ зеленѣетъ озимое, кое гдѣ виднѣются снопы и суслоны. Въ оврагахъ выются ручейки и маленькія рѣчки, и лучи солнца купаются въ ихъ игривыхъ

струяхъ. Но какъ то мало разнообразія въ этой мѣстности; природа не приковываетъ взгляда проѣзжающаго, не волнуетъ его, не уноситъ мечтой, не доставляетъ эстетическаго наслажденія даже человѣку, любящему природу и поэзію.

Въ Тайгѣ со мною помѣстилось 3 переселенческихъ ходока. Я разговаривалъ съ ними. Они были изъ Могилевской губерніи, Оршинскаго уѣзда, откуда уѣхали въ Сибирь еще ранней весной. Гдѣ то въ Боготольской волости. Маріинскаго уѣзда. у одного изъ нихъ жилъ дядя. Всѣ трое поѣхали къ этому земляку, при содѣйствіи его приписались тамъ, получили надѣлы и нынѣшней осенью уже засѣяли озимое.

— По 15 десятинъ на душу отвели намъ, — рассказывалъ одинъ ходокъ, — тутъ и пахотная, и сѣнокосная земля. Работать будетъ хорошо, — черноземъ четверти на 2—2½. Одно только худо — мошки сильно много. Въ сѣткахъ работать можно еще, а то хоть пропадай.

— Сколько же вы засѣяли?

— Я-то? Я засѣялъ полторы десятины. Десятина большая, сибирская, 40 и 80 сажень.

— Значитъ, у васъ и скотъ рабочій купленъ теперь.?

— Нѣтъ, не купленъ еще. Я нанималъ рабочихъ и за обработку десятины заплатилъ 15 рублей.

Онъ говорилъ это и широко улыбался отъ удовольствія. Повидимому, его радовало то, что онъ такъ хорошо устроился на новомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, дома жилъ плохо, — подумалъ я, и съ моей стороны былъ и естественъ и необходимъ вопросъ о земельномъ надѣлѣ у него на родинѣ.

И мой собесѣдникъ, и оба его товарища разсмѣялись.

— Смѣшно и сказать-то, — отвѣтилъ первый. — У насъ вотъ семья 11 душъ, а земли надѣлено 3¼ десятины. Вотъ тутъ и живи! Теперь то, конечно, будетъ хорошо. Даже сравненія никакого нѣтъ. У насъ безъ удобренія не посѣешь, небось, а тутъ только вспахалъ, — и сѣй. Сибиряки такъ дѣлаютъ даже: снимутъ хлѣбъ осенью, да опять прямо на жнитво и посѣютъ, и не пашутъ, вѣдь, вовсе, а только проборонятъ. И то родится самъ-пять, самъ-семь, лучше чѣмъ у насъ. То еще неловко, будто, что далеко отъ деревни; да это ничего: дойти или доѣхать недолго. Слава Богу, хоть землю то хорошую нашли. Картошка тоже хорошо родится; нынѣ у дяди вонъ какая была. (Онъ показалъ руками объемъ уродившейся картошки.)

— Когда же вы думаете окончательно переѣзжать? Зимой? — спросилъ я.

Они переглянулись.

— Зимой надо бы. да не знаемъ, удастся ли, — сказалъ одинъ изъ нихъ — Запрещено, вѣдь, по случаю китайскаго бунта пере-

селенцамъ ѣздить. А непременно надо бы зимой переѣхать. Потому теперь въ Сибири мы посѣяли хлѣбъ, понадѣялись весной тамъ быть, а дома не сѣяли. Если не пустятъ, значить, вовсе безъ хлѣба останемся. И расходы на обработку зря потратили.

— Много народу въ такомъ положеніи окажется, сказалъ первый ходокъ.—Одно горе народу съ этой войной. Сколько переселенцевъ вернули обратно съ дороги домой,—страсть. Разоренье, чистое разоренье....

Много разъ и подолгу вели мы разговоръ на различныя темы, но что составляетъ квинтъ-эссенцію и имѣетъ общественное значеніе—я занесъ выше. Особенно важны опасенія ходочковъ, что ихъ зимой и весной не пустятъ уѣхать въ Сибирь; опасенія эти важны и справедливы и на нихъ слѣдуетъ обратить вниманіе....

За Кривошековымъ характеръ прилегающей къ дорогѣ мѣстности еще болѣе однообразенъ и унылъ. Степь испещрена полянами, озерами, встрѣчаются болотца и, какъ оазисы среди пустыни, мелкіе березняки, сливающіеся вдали въ желто-зеленую полосу. Поѣздъ съ грохотомъ и лязгомъ мчится впередъ, локомотивъ тяжело дышетъ, выбрасывая клубы дыма. Какъ то пусто и глухо кругомъ, не на чемъ остановить взора и вниманія, и безсознательно отдаешься во власть скуки, такъ какъ картина унылой природы гармонируетъ грустному настроенію.

Поневолю приходится проводить время въ пустыхъ разговорахъ, иногда совершенно не интересныхъ. Въ Кривошековѣ въ нашемъ вагонѣ помѣстился новый пассажиръ, какой-то сельскій торговецъ, высокій, мускулистый, съ густой растительностью, мужчина лѣтъ подъ 45. Онъ говорилъ такъ, какъ будто не могли не довѣрять его словамъ,—съ достоинствомъ и вѣсомъ, — живо и для него красно, чѣмъ сразу обращалъ на себя вниманіе. Какъ это часто бываетъ въ дорогѣ, мы—я, два какихъ то чиновника и онъ—скоро разговорились. Разговоръ, по обыкновенію, былъ непослѣдователенъ и, переходя съ одного предмета на другой, мы коснулись и ссылки въ Сибирь. Когда тема была исчерпана и возстановилось молчаніе, — торговецъ сказалъ:

— Не хотите ли, господа, я вамъ расскажу, какъ я оказался въ Сибири?

Мы, конечно, согласились, и онъ началъ:

— Родина моя, господа, Тамбовская губернія, село Чертополохо. Въ то время, когда я попалъ въ Сибирь, у меня были еще живы родители. Семейю нашу составляли они двое, старшій братъ съ женой, да я съ женой. Мнѣ было тогда 23 или 24 года. Жили мы порядочно. Отецъ и старшій братъ дома по хозяйству управлялись, а я работалъ въ городѣ по кровельной части: сперва мальчикомъ, потомъ мастеромъ. Но дома бывалъ, все-таки, нерѣдко: лѣтомъ—въ страдное время, а окромѣ того—на

большіе праздники наѣзжалъ. Хоть мало я жилъ дома, а сельское хозяйство любилъ. Натура крестьянская, оттого, видно...

— Хорошо... Работалъ я въ городѣ и одинъ разъ получилъ — не помню хорошенько — то-ли 70, то-ли 80 рублей. У насъ въ крестьянствѣ это большія деньги. Получилъ отъ подрядчика, купилъ своимъ по подарку и поѣхалъ домой. Приходитъ разъ къ намъ нашъ чертополоховскій лавочникъ. То да се, размѣняй, грить, Филиппъ Григорьевичъ 25 рублей. Я размѣнялъ. Отчего, молъ, не размѣнять, если есть чѣмъ? На другой день послѣ этого пошелъ я въ сосѣдную деревню къ тестю. Прихожу вечеромъ обратно — домашніе говорятъ: „иди, говорятъ, къ становому; онъ сейчасъ изъ города пріѣхалъ, вмѣстѣ съ лавочникомъ, на земской остановился. Десятскій, дескать, два раза ужъ приходилъ“. Отецъ мой встревоженный такой ходитъ, у матери слезы на глазахъ, жена фартукомъ утирается, плачетъ. Извѣстно, бабы, имъ бы только повыть. Никто ничего не знаетъ, а всѣ думаютъ, что стряслось что нибудь дурное... Пошелъ я къ становому. Въ земской у него нашъ лавочникъ, дасятскіе, староста. Становой спрашиваетъ лавочника и записываетъ на бумагу, на столѣ передъ нимъ деньги лежатъ.

— Вхожу. Становой на меня пристально таково посмотрѣлъ. — Кончилъ спрашивать лавочника, меня подозвалъ.

— Ты, — спрашиваетъ, мѣнялъ вчера Федору Кострюлину 25 рублей? — Какъ, говорю, не мѣнять, — мѣнялъ. — Какими, — спрашиваетъ опять, — ты мѣнялъ? Эти бумажки ты давалъ? — Показываетъ мнѣ пять пятирублевокъ. У меня изъ ума вонъ всякое соображеніе и память: забылъ. То кажется, будто далъ я лавочнику восемь трешницъ и рублевку, то — пять пятишницъ. Отуманился со страху умъ, да и только. — Не помню, говорю, какіе, можетъ и эти. И пошла писать губернія. Начались допросы да обыски. Обыскивали подрядчика и лавочника нашего; ничего не нашли. А у меня въ тѣхъ деньгахъ, которыя далъ подрядчикъ, нашлась фальшивая рублевка. Послѣ того судили и приговорили меня къ ссылкѣ въ Сибирь... Вотъ какъ!

Онъ подавилъ тяжелый вздохъ и продолжалъ:

— Господи, — думалъ я тогда, въ Сибирь! Съѣдятъ меня тамъ медвѣди, пропаду ни за что, ни про что! Какіе, вѣдь, у насъ въ народѣ рассказы идутъ о Сибири, — представить себѣ не можете! А особенно тогда, 20 лѣтъ назадъ. Да, надо правду сказать, хватилъ я горя. Слава Богу, теперь ужъ много прожито и старое помаленьку забывается, а то, бывало, какъ вспомнишь, ажно дрожь пробираетъ!.. Ну, поселили меня въ с. П., — скаго округа. И сталъ я невольный сибирякъ! (эти слова рассказчикъ произнесъ съ грустной улыбкой и качая головой). Скучно и боязно было жить сначала; народъ незнакомый, сибирскій. Однако, такъ ли, эдакъ

ли, а жить надо. Сталъ я приглядываться къ тамошней жизни. Люди, какъ люди, живутъ не худо, лучше нашего, потому земли много, только не лѣнись. работай. Сытъ будешь. Сначала я нанимался къ крестьянамъ на поденную работу косить, пахать, молотить, дрова рубить. Потомъ пріѣхала ко мнѣ жена. Она нанялась въ *строка* *). Прожили мы года два съ небольшимъ, взяли паспортъ и поѣхали въ уѣздный городъ. Она нанялась въ житѣе, я сталъ искать своей работы, значить, по кровельной части. Долго такъ безъ дѣла болтался. Захожу разъ въ одну лавку табаку купить; слово за слово—разговорились съ лавочникомъ. Спросилъ онъ меня, чѣмъ занимаюсь я и другое прочее. Я рассказалъ.

— Вотъ что,—говорить онъ.—Я дамъ тебѣ записку, сходи ты къ моему брату въ магазинъ. Братъ мой,—говорить,—здѣшній городской голова. Онъ строитъ домъ, ему надо хорошаго кровельщика. Я обрадовался, конечно, взялъ записку и пошелъ въ магазинъ. Отыскалъ хозяина. Спросилъ онъ меня прямо о томъ, сколько я хочу жалованья. Я запросилъ 25 рублей за мѣсяць.—Ладно, говоритъ, работай хорошенько, въ долгу не останешься. Поработалъ я два мѣсяца и получилъ около 100 руб. Въ два мѣсяца 100 рублей! У насъ на родинѣ за нихъ надо было чуть не полгода служить! Послѣ этого пригласили меня дѣлать крышу на церкви,—тогда строилась церковь въ городѣ. Я понялъ, что мастера дороги въ Сибири, и выторговалъ 50 руб. въ мѣсяць, и въ праздники отдыхъ. Тутъ дѣла мои совсѣмъ поправились. Сняли мы квартиру, обзавелись хозяйствомъ и зажили припѣваячи. Прошло, эдакъ, годика три; сильно потянуло меня въ деревню; такъ и хочется, бывало, въ поле, на покосъ, въ лѣсъ, руки чешутся, право! Подумали мы съ женой и порѣшили переѣхать на житѣе въ одно пригородное село. Снялъ я земли, построилъ домъ, обзавелся хозяйствомъ, одно слово,—хорошо устроился и зажилъ хорошо. Лѣтъ черезъ восемь, когда стали строить желѣзную дорогу,—а она проходила мимо города нашего,—нанялся я въ десятники, а позднѣе немного снялъ подрядъ. Тогда пришлось познакомиться мнѣ со многими хорошими людьми. Бывалъ я у нихъ, и они мной не брезговали. Три года тому возвратили мнѣ права; можно бы вовсе уѣхать родину, да не хочется пока. Въ третьемъ годѣ ѣздилъ я съ родными повидаться; въ прошломъ году—жена. Теперь по дѣламъ въ Москву ѣду; опять домой придется ненадолго завернуть. Тянетъ другой разъ на свою сторону, даже оба съ женой скучаемъ по родинѣ, —да куда терпимъ...

Разсказчикъ помолчалъ нѣсколько секундъ.

*) Т. е. на срокъ, напр., на лѣто, на зиму и т. п.

— Такъ то вотъ я попалъ въ Сибирь и обжился въ ней. Жиль, слава Богу,—не могу роптать на него. А, всетаки, зря сослали меня. Ну, да и лавочнику не пофартило: скоро онъ попалъ въ какое то дѣло и теперь гдѣ то въ Восточной Сибири живетъ, если не умеръ еще. Изъ каторги ссыльно-поселенцемъ выпущенъ былъ.

По моему мнѣнію, рассказчикъ составляетъ почти исключительное явленіе, что, будучи ссыльнымъ и пройдя массу всевозможныхъ мытарствъ, не потерялъ себя.

Впрочемъ, я знакомъ съ нимъ только по его словамъ и судить по поводу его рассказа могу лишь съ большою осторожностью. Во всякомъ случаѣ, приведенный рассказъ не говоритъ за пользу ссылки и рассказанъ былъ не въ доказательство этого положенія.

К. Я—скій.

(Продолженіе будетъ)

Сибирская желѣзная дорога и ея роль въ колонизаціи края.

Въ предыдущей статьѣ *) мы разсмотрѣли главнѣйшія положенія переселенческаго дѣла въ Сибири, выработанныя совмѣстными усиліями Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и комитета Сибирской желѣзной дороги. Какъ мы видѣли, переселенческій вопросъ до тѣхъ поръ, пока на помощь ему не пришелъ комитетъ Сибирской желѣзной дороги, находился, такъ сказать, въ состояніи зарожденія. Волна переселенческая въ неудержимомъ потокѣ катилась въ новый край, но край этотъ, благодаря своему неустройству, не въ состояніи былъ удерживать въ своихъ скромныхъ берегахъ постепенно усиливавшійся напоръ колонизаціоннаго потока. Для того, чтобы переселенческое дѣло поставить на прочную ногу и для того, чтобы колонизація отдаленной окраины шла увѣреннымъ шагомъ, нужны были люди, нужны были матеріальныя средства, а какъ первые, такъ равно и вторые далеко не удовлетворяли выдвигаемымъ въ этомъ направленіи самою жизнью вопросамъ; чувствовался крайній недостатокъ и въ людяхъ, и въ матеріальныхъ средствахъ, сознавалась неудовлетворительность постановки самаго дѣла. Такимъ образомъ, какъ видно изъ первой нашей статьи, ближайшей задачей двухъ ведомствъ, взявшихъ на себя заботу по урегулированію переселенческаго дѣла въ Сибири, явились пересмотръ существовавшихъ

*) См. V кн. „Дорожника“ за 1900 годъ.

законоположенія, и дополненія къ нимъ новыхъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ болѣе успѣшному развитію переселенія, къ отводу свободныхъ казенныхъ земель, къ огражденію интересовъ старожилаго населенія, къ увеличенію личного состава переселенческихъ партій, къ строгому разграниченію обязанностей мѣстныхъ органовъ, завѣдывавшихъ этимъ живымъ дѣломъ—устройствомъ окраины въ земельномъ отношеніи и устройствомъ прибывавшихъ все новыхъ и новыхъ колонизаторскихъ массъ.

Настоящую статью мы намѣрены посвятить бѣглому обзору того, какъ всѣ эти мѣропріятія воплощались въ жизнь, какими результатами увѣнчался переселенческій вопросъ въ своемъ обновленномъ видѣ, какъ необъятныя пространства желѣзно-дорожной полосы постепенно превращались въ цѣлые ряды поселковъ въ продолженіи семилѣтняго періода, т. е. съ 1893 года. Въ зависимости отъ характера колонизаціонной площади, работы по заготовленію земель для переселенцевъ распадаются, главнымъ образомъ, на два періода—первый періодъ нужно считать съ 1893 по 1895 годъ, второй—съ 1896 г. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ для колонизаціонныхъ потребностей отводились земли, легко доступныя для заселенія и сельско-хозяйственной культуры; въ послѣдующіе же годы, составляющіе второй періодъ работъ, за истощеніемъ земельного запаса въ области земледѣльческо-культурной, образованіе переселенческихъ участковъ все болѣе и болѣе подвигалось прежде въ притаежныхъ пространствахъ, а затѣмъ въ глухой, первобытной тайгѣ, которая въ настоящее время положительно превратилась въ колонизаціонные районы. Сдѣлавъ указанное выше подраздѣленіе сибирской колонизаціи на два періода, мы остановимся на каждомъ изъ этихъ періодовъ въ отдѣльности болѣе подробно, придерживаясь порядка, изложеннаго въ неофициальномъ изданіи Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ за 1900 годъ.

Для образованія переселенческихъ участковъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4 марта 1893 года положенія комитета Сибирской желѣзной дороги, было привлечено къ дѣлу четыре временныхъ партіи въ составѣ 81 межевого техника и 19 поземельно-устроительныхъ чиновъ (старшихъ производителей работъ, производителей работъ и ихъ помощниковъ); кромѣ того этимъ-же дѣломъ занимался и западно-сибирскій переселенческій отрядъ. Партіи эти были распредѣлены слѣдующимъ образомъ по губерніямъ Тобольской, Томской, Енисейской и Акмолинской области. Наплывъ переселенцевъ въ Енисейскую губернію, вслѣдствіе послѣдовавшаго распространенія на эту губернію дѣйствія переселенческаго закона 1889 г., поставилъ въ затруднительное положеніе и мѣстную администрацію, и существовавшую тамъ

переселенческую партію. Такъ уже къ концу лѣта 1893 г. въ Енисейской губ. насчитывалось свыше 10000 однихъ только легальныхъ переселенцевъ, прибывшихъ по проходнымъ свидѣтельствамъ, съ разрѣшенія мѣстныхъ властей; кромѣ того, въ предѣлахъ Енисейской губ. находилось много переселенцевъ либо самовольныхъ, либо случайно задержавшихся въ предѣлахъ означенной губерніи. Обстоятельство это не могло не обратить на себя вниманія, и явилась настоятельная необходимость въ образованіи новой партіи и, такимъ образомъ, личный составъ чиновъ, занимавшихся образованіемъ участковъ, увеличился еще на одну партію.

Обращаясь къ результатамъ дѣятельности упомянутыхъ выше партій за описываемый періодъ, мы можемъ выразить ихъ слѣдующими цифрами: по Тобольской губерніи было образовано 234 переселенческихъ участка и 52 запасныхъ съ общемою площадью въ 848000 десятинъ одной удобной земли; считая-же и неудобныя земли, площадь эта достигаетъ 1160000 десятинъ, рассчитанныхъ на 54242 души мужскаго пола, полагая на каждую душу по 15 десятинъ удобной земли; въ Томской губерніи было образовано 132 переселенческихъ участка и 48 запасныхъ и общая площадь обращенныхъ въ участки земель, считая въ томъ числѣ и неудобныя, достигла 761000 десятинъ съ 41935 душевыми долями; въ Енисейской губерніи было образовано 132 переселенческихъ участка и 49 запасныхъ съ общемою площадью, включая въ это число и неудобныя земли, 631000 десятинъ на 38210 душъ мужскаго пола; по Акмолинской области переселенческихъ участковъ было заготовлено 65, запасныхъ—19, колонизаціонная площадь достигла 567000 десятинъ съ 32632 душевыми долями. Общіе же итоги приводятъ къ такимъ даннымъ: переселенческихъ участковъ было заготовлено 569, запасныхъ—168, общая колонизаціонная площадь равняется 3173000 десятинъ, число душевныхъ долей достигло 167019. При такой широкой постановкѣ дѣла, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ со стороны климата, строенія почвъ, ихъ химическаго состава, топографіи мѣстностей, гидрографическихъ условій, растительныхъ покрововъ почвъ, при весьма различныхъ правовыхъ отношеніяхъ старожилаго населенія къ землѣ, ихъ экономическихъ условіяхъ и проч., при разнообразіи взглядовъ и выводовъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу колонизаціи желѣзно-дорожной полосы, естественно должны были возникнуть нѣкоторыя осложненія и затрудненія, должна была получиться и нѣкоторая качественная разница.

Выдѣленіе колонизаціонной площади по Тобольской губерніи началось съ 1893 года—съ Ишимскаго уѣзда, при чемъ работы Тобольской партіи охватили 20 волостей—всю южную, большую часть уѣзда, общемою площадью болѣе двухъ милліоновъ

десятинъ; но образовать участки партіи удалось только въ 15 волостяхъ уѣзда, частью изъ земель, находившихся въ пользованіи старожилаго населенія, частью изъ казенно-оброчныхъ статей. Въ слѣдующемъ 1894 году образованіе участковъ распространилось на Тюкалинскій уѣздъ и, наконецъ, въ 1895 году открылись работы и въ Тарскомъ уѣздѣ. Въ Томской губерніи въ первый годъ открытія работъ—1893 г.—участки образовывались по тремъ уѣздамъ губерніи (Томскому, Каинскому и Мариинскому), а въ 1894—1895 году работы по выдѣленію колонизаціонной площади ограничились Каинскимъ уѣздомъ. Въ Енисейской губерніи за отчетный періодъ съ 1893 по 1895 годъ участки образовывались въ Красноярскомъ, Ачинскомъ и въ Канскомъ уѣздахъ. Въ Акмолинской области—въ Омскомъ, Кокчетавскомъ, Акмолинскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ.

Остановливаясь на изученіи условій выдѣла колонизаціонной площади перваго трехлѣтія, нельзя не замѣтить того, что подъ переселенческіе участки обращались, главнымъ образомъ, земли крестьянскаго пользованія и лишь ничтожное меньшинство участковъ было образовано изъ земель казенно-свободныхъ. И это понятно: въ послѣдовательномъ ходѣ дѣла естественно было идти отъ лучшаго къ худшему, какъ говоритъ по этому поводу упомянутое нами департаментское изданіе. Прежде всего должны были остановить вниманіе лицъ, занятыхъ образованіемъ участковъ, тѣ пространства, гдѣ участки могли возникать съ наименьшею затратою труда и капитала, болѣе удовлетворяя въ то же время потребностямъ переселенческой массы, а затѣмъ уже долженъ былъ совершиться переходъ къ тѣмъ остальнымъ пространствамъ, гдѣ самый успѣхъ заселенія представлялся болѣе затруднительнымъ. А лучшими въ томъ и другомъ отношеніи являлись, безусловно, излишнія земли старожилаго пользованія, худшими—тѣ необъятныя пустопорожнія пространства—урманы и тайги, которые со всѣхъ сторонъ охватываютъ заселенную полосу Сибири, и, вообще, земли единственнаго владѣнія казны. Сдѣланныя въ первомъ трехлѣтіи попытки къ использованію для цѣлей колонизаціи земель, причисленныхъ къ разряду худшихъ, необѣщающихъ на первыхъ порахъ колонизаціоннаго успѣха, привели къ весьма печальнымъ количественнымъ результатамъ. Лучшимъ доказательствомъ чего могутъ служить Тобольская, Енисейская и Томская губерніи, гдѣ среди мѣстныхъ дѣятелей сложился твердый взглядъ о тасжныхъ и вообще сплошь покрытыхъ лѣсомъ пространствахъ, какъ о непригодныхъ для массоваго водворенія переселенцевъ, и что колонизаторами ихъ должны явиться совершенно другіе элементы, сравнительно съ тѣми, какими по преимуществу заселяются переселенческіе участки. Взглядъ этотъ находилъ себѣ весьма яркое подтвержденіе, хотя

бы, напр., въ Енисейской губерніи, гдѣ переселенцы уклонялись устраиваться на некультурныхъ и удаленныхъ отъ старожильческихъ селеній подтаежныхъ участкахъ. Наконецъ, взглядъ этотъ проникъ и въ центральныя учрежденія, которыя рекомендовали не назначать подъ участки такихъ площадей, которыя болѣе или менѣе сплошь покрыты крупнымъ лѣсомъ, и въ составѣ которыхъ нѣтъ достаточнаго, на первое время, количества земель, непосредственно удобныхъ, безъ предварительной расчистки, для земледѣлія и сѣнокошенія. А такъ какъ огромныя казенно-свободныя пространства полосы сибирской желѣзной дороги представлялись даже и мѣстнымъ людямъ сплошь состоящими изъ дремучихъ лѣсовъ, то, очевидно, такое указаніе было равносильно закрытію доступа въ эти пространства. Хотя, какъ мы убѣдимся впослѣдствіи (изъ третьей нашей статьи), пространства эти въ послѣдующемъ періодѣ заняли очень видное мѣсто въ исторіи колонизаціи Сибири и, при болѣе подробномъ знакомствѣ съ ними путемъ изслѣдованія, оказались вполне пригодными и для массовой колонизаціи.

Подводя качественные итоги нашей колониальной политики, выразившіеся, главнымъ образомъ, въ дѣятельности мѣстныхъ органовъ, стоявшихъ непосредственно у дѣла сибирской колонизаціи, какъ-то переселенческихъ партій, содержимыхъ на средства фонда вспомогательныхъ предпріятій сибирской желѣзной дороги, и временныхъ комиссій, дѣйствовавшихъ въ силу Высочайшаго повелѣнія, приходится сказать, на основаніи департаментскаго отчета, что итоги эти не вездѣ получаются достаточно утѣшительные. Лучше другихъ дѣло было поставлено въ періодъ перваго трехлѣтія въ Енисейской губерніи. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ отчетѣ Директора Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ: „Дѣятельность 1-й восточно-сибирской партіи заслуживаетъ самой высокой похвалы: каждая изъ тѣхъ отдѣльныхъ операцій, изъ которыхъ слагалась эта дѣятельность, ведется съ тщательностью. Учетъ старожилаго населенія производится лично производителями работъ, съ примѣненіемъ приѣмовъ статистической регистраціи; въ особыхъ описаніяхъ излагаются данныя для характеристики проектируемыхъ переселенческихъ участковъ; въ докладахъ, вносимыхъ производителями работъ во временную комиссію, выясняется размѣръ ущерба, наносимаго старожиламъ отрѣзкою участковъ, причемъ производители работъ опираются какъ на данныя, добытыя личнымъ обслѣдованіемъ, такъ и на результаты производившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ хозяйственно статистическаго изслѣдованія“... Изъ дѣятельности временныхъ комиссій точно также видно, что они оставались на высотѣ своего призванія и принимали переселенческіе участки съ особой осторожностью:

за 1893 и 1894 г.г. по Красноярскому уѣзду было проектировано всего 36 участковъ, по Ачинскому 34, изъ этого числа 7 участковъ было комиссіей не принято. Въ 1895 г. строгость комиссіи въ этомъ направленіи еще болѣе возросла: изъ 50, представленныхъ на ея обсужденіе участковъ, было отвергнуто 12. Гораздо хуже обстояло дѣло въ Тобольской и Томской губерніяхъ и Акмолинской области, въ особенности въ послѣдней. Какъ видно изъ того же „отчета“, дѣйствія Томской партіи и Западно-Сибирскаго переселенческаго отряда опредѣлялись, главнымъ образомъ, стремленіемъ образовать возможно большее количество участковъ. Учетъ старожилаго населенія велся слишкомъ поверхностно. Въ погонѣ за количественнымъ успѣхомъ, работы въ двухъ Западно-Сибирскихъ губерніяхъ обставлялись далеко не такъ полно и велись не такъ обстоятельно, какъ было-бы желательно въ видахъ достиженія лучшихъ качественныхъ результатовъ.

(Окончаніе будетъ).

Ю. О. Г—ій.

По Алтаю.

I.

Отъ Сузопъ до Телецкаго озера.

1) Сузопъ.

Сузопъ, прежде аиль *), а нынѣ село и резиденція миссіонера Макарьевскаго станка, лежитъ на 57° сѣверной широты и 106° восточной долготы отъ г. Бійска, на тракту въ резиденцію приисковъ „Асташевъ и К°“, находящуюся на старинномъ, работанномъ еще казною Спасскомъ приискѣ, въ 108 верстахъ.

Жители Сузопъ, кромѣ небольшого количества русскихъ, поселившихся въ немъ со времени устройства храма и переѣзда въ него миссіонера, крещеные алтайцы изъ племени комундинцевъ.

Комундинцы (или кумандинцы)—это едвали не лучшее племя между алтайцами. Народъ здоровый, крѣпкій, довольно благообразенъ, далеко чистоплотнѣе своихъ сосѣдей, носящихъ тоже названіе алтайцевъ; предприимчивъ и способенъ культивизироваться. Мужчины, кромѣ звѣроловства, которое падаетъ годъ отъ году все болѣе и болѣе, пчеловодства, которое ведется у нихъ довольно успѣшно (у нѣкоторыхъ появляются даже рамчатые

*) Аиль—тоже, что ауль.

ульи) и скотоводства, присущаго всѣмъ алтайцамъ, начинаютъ заниматься и земледѣліемъ, и притомъ землю распахиваютъ не заступомъ и мотыгой, какъ ихъ родичи, а сохой и бороной, какъ сибиряки—ихъ сосѣди. Сѣютъ комундинцы, кромѣ ячменя и овса, пшеницу и ярицу, соломѣ не жнутъ, а молотятъ цѣпами.

Женщины комундинки, кромѣ огородничества и птицеводства, мастерицы прясть и ткать. Холстомъ своей работы они одѣваютъ не только самихъ себя и мужей своихъ, но и всю семью, т. е. дѣтей и холостыхъ братьевъ. Заношенное бѣлье и грязное платье

Комундинцы.

(Indigènes de gouvernement de Tomsk.—Komoundintsis.)

стираютъ часто, равно какъ довольно часто топятъ бани и моются въ нихъ, въ противоположность своимъ родичамъ алтайцамъ.

Вообще, комундинцы, какъ мужчины, такъ и женщины, не только народъ способный, но и можетъ перенимать отъ другихъ все полезное. Напримѣръ, поселившійся у нихъ священникъ у своего дома развелъ небольшой садикъ и цвѣтникъ; понравилась алтайцамъ эта новинка и они, подражая ему, около своихъ домиковъ начали тоже садить деревья и цвѣты. Священникъ устроилъ при своемъ домѣ ледникъ; узнали комундинцы пользу ледника и сами, на первый разъ—болѣе зажиточные, стали строить у себя погреба.

Одно у комундинцевъ плохо: любятъ больно выпить, какъ и всѣ, вообще, алтайцы; пьяный комундинецъ становится, положительно, дикимъ звѣремъ. Чуть что не по немъ—и примется лупить своего прстивника по чемъ попало, и притомъ всѣмъ, что ему попадетъ подъ руку. Попалъ ему колъ, полѣно, ножъ, топоръ—ихъ и пустить въ дѣло, не разбирая послѣдствій, какія бы они тамъ не были. Но зато хорошо то, что какъ бы они не подрались, какъ бы одинъ другого не изувѣчили—проспятъ, помирятся и ни жалобъ, ни разбирательствъ никакихъ нѣтъ.

Кабацкое вино въ инородческихъ селеніяхъ, конечно, открыто не продается, потому что торговля имъ воспрещена закономъ; но тайно торгуютъ большинство русскихъ, поселившихся между инородцами; да, кромѣ того, здѣсь между комундинцами сильно развито тайное винокурение, не *арачьки*, которую сажаютъ, вообще, инородцы изъ чигиню (квашенаго молока), а прямо самосѣдки изъ хлѣба, и потому вино, добываемое комундинцами, далеко крѣпче арачьки и напиться имъ до пьяна весьма легко; къ тому же комундинцы курить самосѣдку мастера и курятъ ее при помощи трубъ и льду. Вблизи села курить самосѣдку нельзя, такъ какъ „чортъ носить акцизныхъ“, а потому они собираются нѣсколько человѣкъ и отправляются въ *чернь*, верстъ за 15—20. „Тамъ хорошо и безопасно“—ну, и благодушествуютъ по нѣскольку дней. Сегодня курить одинъ, а пьютъ всѣ; завтра другой и т. д. И хорошо, и весело. За то очень часто пріѣзжаютъ домой съ пустою посудой—значить, гдѣ курили, тамъ же все и выпили.

Село Сузопъ стоитъ на лѣвомъ берегу небольшой рѣчушки того же имени, впадающей въ рѣчку Ниню, а эта послѣдняя изливается въ Бію. Какъ ни мала рѣчушка Сузопъ, но лѣтомъ ни въ какую засуху не высыхаетъ, а зимой никакой морозъ ее не въ силахъ заморозить до того, чтобы она промерзла насквозь, и потому она поить жителей своихъ круглый годъ чистой и холодной водой.

На правомъ берегу рѣчушки поднимается высокій и крутой уваль, покрытый лѣсомъ, которымъ и начинается чернь съ ея дѣвственными, хвойными лѣсами; лѣвый же берегъ на сѣверъ и западъ открытъ верстъ на 30, какъ степь, вплоть до самой гряды горъ, пересекающей плоскогорье между Абаканомъ и Западнымъ Алтаемъ подъ острымъ угломъ со своими каменистыми сопками, между которыми особенно замѣчательны по своей величинѣ „*Кегды*“ (быль здѣсь) и „*Кесне*“ (не рѣжь).

Видъ съ вершинъ этихъ сопкъ (на той и на другой проложены колесныя дороги, хотя и очень трудныя, но, тѣмъ не менѣе, доступныя), какъ на Западный, такъ Восточный и Южный Алтай великолѣпенъ, а въ особенности—въ ясную, солнечную погоду лѣтомъ, когда въ туманной дали бѣлѣютъ снѣжныя сопки Абакана.

По преданію алтайцевъ, эта гряда горъ обозначаетъ *путь*, по которому бѣжалъ Борбычанъ, укравши дочь у Абакана, и несъ ее на себѣ и по которой послѣдній преслѣдовалъ похитителя. Гора „Кегды“ (быль здѣсь)—это калъ Борбычана, который онъ, споткнувшись, сгибаясь подъ бременемъ тяжести, выронилъ нечаянно, и Абаканъ, преслѣдовавшій Борбычана, когда увидѣлъ этотъ калъ, сказалъ: „Кегды“ (быль здѣсь) т. е. онъ, значитъ, дѣйствительно напалъ на слѣды похитителя его дочери.

2) Дороги на озеро Телецкое.

Въ началѣ іюня мѣсяца 1896 года мнѣ изъ Сузопы довелось ѣхать съ семьей къ Телецкому озеру и съ семьей не маленькой, а состоящей изъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ пятеро было дѣтей—старшему 7 лѣтъ, а меньшему 7 или 8 мѣсяцевъ.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что изъ Сузопы къ Телецкому озеру я могъ ѣхать четырьмя путями.—Первый путь, изъ Сузопы на Бійскъ (108 верстъ), обыкновенный телѣжный — трактомъ чрезъ крестьянскія селенія, трактомъ, положимъ, довольно гористымъ; но, тѣмъ не менѣе, очень сноснымъ; затѣмъ — изъ Бійска на Улалу 90 верстъ, тоже, сносною колесною дорогою; а отъ Улалы до Телецкаго 140 верстъ — горами, не иначе какъ верхомъ, потому что о колесной дорогѣ тутъ и помину нѣтъ.

Такимъ образомъ, черезъ Бійскъ и Улалу я долженъ былъ сдѣлать 338 верстъ, изъ которыхъ 140 верстъ верхами, что продѣлать съ малыми дѣтьми нелегко, да и рискованно.

Второй путь тоже на Бійскъ, а изъ него телѣжнымъ путемъ на Сроски, Березовку, Кара-Гужъ, Тайну, Нижне и Верхне-Пьянковы и, затѣмъ, къ перевозу на Біѣ у Камболина, всего 150 верстъ. Отъ перевоза-же Камболина до Телецкаго остается всего 27 или 29 верстъ, которыя нужно непременно сдѣлать верхомъ.

Этотъ путь и короче перваго, верстъ на семьдесятъ, и удобнѣе тѣмъ, что, вмѣсто 140 верстъ верхомъ, нужно сдѣлать только 27; за то онъ очень гористъ; въ долинахъ же болотистъ и всѣ рѣчушки, лежащія на немъ, нужно переѣзжать бродомъ, потому что мостовъ нѣтъ.

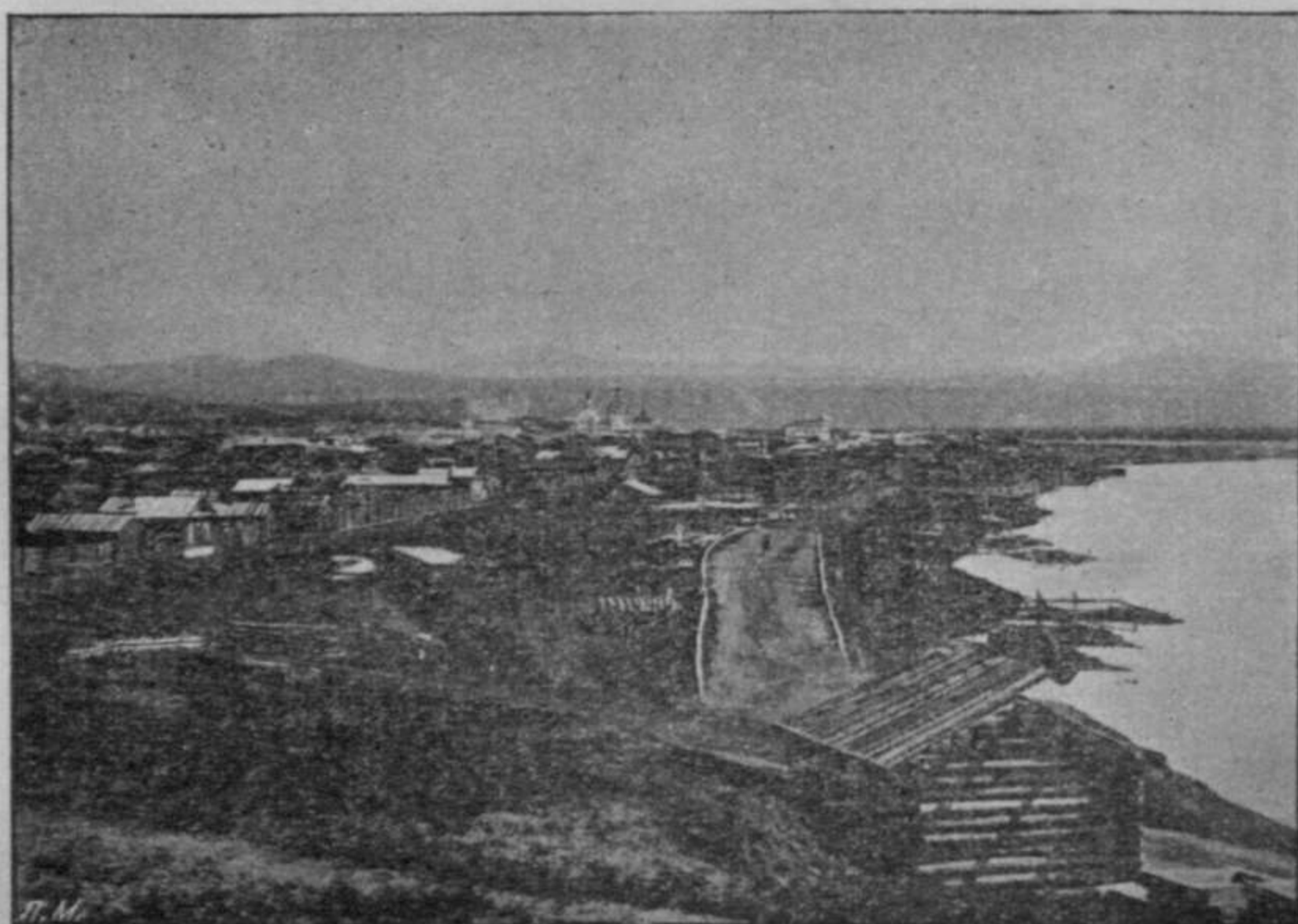
Третій путь — изъ Сузопы нужно ѣхать на Кубію (аилъ) Сайлапъ, въ которомъ и перевалить Бію; затѣмъ въ Балыксу, Приселокъ, Кожу на Нижне и Верхне Пьянковы до Камболина. Этотъ путь короче даже и втораго, верстъ на 40, и, пожалуй, удобнѣе первыхъ двухъ, но пролегаетъ чрезъ долину р. Иша, ее-же нужно переѣзжать бродомъ на одной станціи шесть разъ и притомъ броды эти доступны только въ ведренную погоду, а весной, осенью и въ ненастье ихъ переѣхать нельзя. Иша — рѣчушка горная, поднимается быстро, и потому чуть ненастье — переѣхать ее бродомъ невозможно до тѣхъ поръ, пока не настанетъ хорошая погода.

Четвертый путь — изъ Сайлапа, не переваливая Бію, можно ѣхать правымъ ея берегомъ черезъ горы: Ожи, Большой и Малый Иконоставъ съ ихъ отрогами; затѣмъ, огибая Турочакъ и Салопъ, можно пріѣхать прямо къ Телецкому. Путь этотъ короче первыхъ трехъ и имъ отъ Сузопы до Телецкаго будетъ всего не болѣе 190 верстъ. — вмѣсто 338 верстъ черезъ Улалу; но за то, начиная отъ Осинниковъ (аилъ), вся дорога пойдетъ перевалами черезъ высокія каменистыя горы, и потому для проѣзда, не только въ экипажахъ, но и на простой телѣгѣ — почти невозможна. Дорога эта, конечно, безусловно хороша для людей привычныхъ, или, по крайней мѣрѣ, способныхъ къ верховой ѣздѣ; пускаться же другимъ по ней — болѣе, чѣмъ рискованно.

Изъ четырехъ золь я, конечно, долженъ былъ выбрать меньшее. Я и выбралъ третій путь. Изъ Сузопы черезъ Кубію, Сай-

Якутка въ праздничномъ нарядѣ.
(Iacoute).

Верхнеудинскъ на р. Селенгѣ Забайкальской области.
(Vue de la ville de Vérkhnéoudinsk en Transbaïkalie).

лапъ, Балыксу, Приселокъ, Кожу и т. д. на Нижне-Пьянкову, а затѣмъ долиною р. Иши къ перевозу Камбалина на Біѣ, откуда до Телецкаго верхомъ остается всего 27 верстъ, а до Кебезеня, куда я ѣхалъ, 106. Путь этотъ я призналъ болѣе удобнымъ, во 1-хъ, потому что онъ короче двухъ первыхъ; во 2-хъ, верхомъ до Кебезеня съ дѣтьми мнѣ нужно было проѣхать всего 10 верстъ и, въ 3-хъ, потому что мы изъ Сузопы отправлялись въ сухую погоду, а слѣдовательно—броды черезъ Ишу и болота въ ея долинѣ намъ страшны не были.

Зная хорошо, какъ по Алтаю трудно найти лошадей, не смотря ни на какія подорожныя, я, собравшись ѣхать съ семьей на трехъ экипажахъ (два небольшіе казанскіе тарантасы и третій—простая короткая крестьянская телѣга), подъ два тарантаса нанялъ протяжныхъ ямщиковъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать Ишей-дорогой, имъ болѣе или менѣе знакомой; брать же обывательскихъ лошадей, по бланку съ платежемъ прогоновъ, рѣшилъ только подъ одну телѣгу.

Изъ Сузона мы выѣхали 4 іюля въ 1-мъ часу дня. Погода стояла сухая, теплая, отличная, и до станціи Кубіи (Татарскій айлъ), гдѣ мы должны были переѣздить подъ телѣгою лошадей, 20 верстъ мы ѣхали всего полтора часа.

Въ Кубіи, пока мы пили чай, а татары искали и запрягали лошадей, погода быстро измѣнилась, начало морочать и на юго-востокъ показалась порядочная тучка. Не обращая, однако, на это вниманія, потому что для засѣдующихъ въ тарантасахъ бояться непогоды было нечего, а у насъ, телѣжниковъ, кромѣ непромокаемыхъ накидокъ и кожана, было еще два большихъ зонта, мы, какъ только запрягли лошадей, и отправились въ путь. Отъ Кубіи мы отъѣхали не болѣе пяти верстъ, какъ пошелъ такой сильный дождь, что въ теченіе не болѣе получаса промочилъ насъ, не смотря на наши непромокаемыя накидки и зонты, что называется, до костей. Дорога ослизла, лошади не кованные; такъ что мы съ великимъ трудомъ спустились съ плоскогорья, по которому ѣхали, направляясь въ долину Біи. Спускъ и крутъ и длиненъ (не менѣе полуверсты), а до Сайлапа, гдѣ намъ нужно было мѣнять лошадей и перевалить Бію, осталось еще десять верстъ. Эти несчастныя десять верстъ мы ѣхали не менѣе двухъ часовъ.

Когда мы пріѣхали въ Сайлапъ, было уже совсѣмъ темно. Мы остановились на земской квартирѣ. О томъ, чтобы перевалить Бію ночью, конечно, нечего было и думать, и мы остались въ Сайлапѣ ночевать.

Переѣздивъ на себѣ все мокрое, мы принялись за чаепитіе и приготовленіе ужина, такъ какъ дорогой нигдѣ не ѣли. Пить чай пришелъ къ намъ и хозяинъ дома—старикъ, очень разго-

ворчивый, вообще, какъ видно, любящій поболтать. Началь говорить о томъ, о другомъ и, наконецъ, свернулъ на погоду.

— Да, — говорилъ хозяинъ, — нужно сѣно убирать, трава высохла; а погода то измѣнилась — заненастьятъ!

Подобное предположеніе, высказанное тѣмъ болѣе такъ увѣренно, мнѣ показалось страннымъ, и я спросилъ старика: „почему онъ знаетъ, что заненастьятъ“?.

— У меня есть ворожей, сказалъ хозяинъ, который въ этихъ случаяхъ мнѣ никогда не вретъ.

При словѣ „ворожей“ сынъ мой засмѣялся, а хозяинъ, посмотрѣвши на него, замѣтилъ.

— Не шутя, у меня есть ворожей, по которому я узнаю погоду и которому вѣрю.

— Вѣроятно, барометръ? спросилъ я. — Какой барометръ! гдѣ нашему брату, мужику неграмотному, возиться съ подобными вещами; у меня мой ворожей: просто-напросто столбъ съ сучкомъ; ну и не уступить ни одному вашему барометру, да и не изломается и не испортится. Не угодно ли посмотрѣть?

Онъ всталъ и пошелъ къ дверямъ...

Я съ сыномъ и двумя зятьями, которые ѣхали со мной, тронулись за нимъ.

Придя на крыльцо, обшитое и покрытое тесомъ, хозяинъ, указывая на столбъ съ сучкомъ (къ этому столбу былъ пришить тесъ), сказалъ:

— Вотъ мой ворожей!

Тщательно осматривая этотъ тесъ, мы нашли, что это листовица вершковъ трехъ въ отрубѣ, не только не оструганная, хотя безъ коры, но и не отесанная. Пovyше середины столба оставленъ сучекъ, длиною вершковъ девяти или десяти; на тесовой стѣнѣ, противъ сучка, вырѣзаны ножомъ три черточки: одна пovyше, другая пониже и третья еще ниже, такъ что послѣдній надрѣзъ приходился какъ разъ противъ сучка.

Вотъ и все.

На вопросъ мой, какъ же онъ по этому столбу узнаетъ погоду?

— А вотъ какъ, отвѣчалъ хозяинъ, показывая на черточки, — видишь — эти черточки?

— Вижу.

— Ну, такъ вотъ: если этотъ сучекъ поднимается до средней черточки, онъ поднимается и опускается самъ собою, смотря по погодѣ, такъ это значить, что погода будетъ переменная, а если онъ поднимется до верхней черты, то это значить къ хорошей сухой погодѣ. Теперь онъ стоитъ на самой нижней черточкѣ и болѣе этого къ низу не пойдетъ. Такъ это, значить, будетъ ненастье и ненастье на нѣсколько день, потому что су-

чекъ опускался медленно; иногда бываетъ, что онъ и поднимается и опускается скоро; ну, это значить, что и погода, на которую онъ показываетъ, будетъ непродолжительна. Вотъ ты попримѣть, — обратился онъ ко мнѣ, — и увидишь, что я тебѣ говорю правду.

Предсказаніе старика крайне насъ обезпокоило. А что если въ самомъ дѣлѣ будетъ ненастье? Какъ мы будемъ тогда переправляться черезъ Ишу и какъ поѣдемъ по болотистой доли-
линѣ? Рѣченка горная, дикая; въ другой разъ, какъ говорятъ алтайцы, дурить отъ одного хорошаго дождя; положимъ, дурить не долго, только нѣсколько часовъ; но за то въ ненастье дурить и по недѣлѣ и болѣе.

Что дѣлать? попиваемъ чаекъ, а у самихъ — кошки на сердцахъ скребутъ. Пришелъ перевощикъ, за которымъ посылали, чтобы попросить его перевезти насъ завтра по утру, по раньше въ Балыксу.

Пригласили и его попить чайку; поразговорились, и когда онъ узналъ, что мы переваливаемъ Бію, затѣмъ чтобы ѣхать Ишой къ Телецкому, то сказалъ намъ.

— Да что же вамъ за неволя: во первыхъ, дѣлать лишнихъ, по крайней мѣрѣ, верстъ 60 или 70, а во вторыхъ — два раза переваливать Бію, когда вы этихъ переваловъ избѣжать можете? Ну, здѣсь мы васъ перевеземъ и съ повозками, и съ лошадьми, и со всѣмъ, а какъ вы сдѣлаетесь у Комболина, подъ Кебяземъ? Тамъ, вѣдь, вамъ не только повозки, а и телѣгу то доведется оставить на томъ берегу. Вѣдь, тамъ парому то нѣтъ, а есть только лодки, да и тѣ немудренскія; даже лошадей то нужно будетъ переправлять вплавь, да, наконецъ, чѣмъ дорога Ишой лучше нашей дороги этимъ берегомъ? Нынѣ дорогу то эту до Тондошки, посмотри ко, какъ исправилъ Григорій Герасимовичъ?

— Кто это такой Григорій Герасимовичъ? спросилъ я.

— На, вотъ! да Григорій то Герасимовичъ Немольха, Тондошинскій то купецъ, смотри богатѣй мужикъ да и заботливой. Вишь, онъ по этой дорогѣ то возить свои товары, ну и исправилъ, да, вѣдь, посмотри-ко, какъ исправилъ то. На Ожи подъемъ сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ; старый то подъемъ былъ ужъ больно крутъ, а новой то, говорятъ, хорошъ: гдѣ скопалъ, гдѣ камнемъ завалилъ и Мальцевскіе, слышь, помогали (золотопромышленная К^о по Лебедю). Ну, и сдѣлалъ, что подъемомъ хоть въ тарантасѣ поѣзжай. А тамъ, за Турочакомъ то къ Тондошкѣ, на болотѣ мостъ, слышь, братецъ ты мой, версты полторы сдѣлалъ. Да чего и говорить: дорога хоть куда! Да, вотъ, впрочемъ, дня три назадъ, вернулись изъ Тондошки Трифонъ Бабинъ съ Матюшкой Свинцовымъ; они возили кладъ къ Григорію то Герасимовичу и дорогу больно хвалятъ.

А что, думаю себѣ, если онъ говоритъ правду, тогда, вѣдь, дѣло то будетъ совсѣмъ хорошо. Тутъ всего до Телецкого то 120 верстъ, а Ишой будетъ на худой конецъ 200. Попросилъ хозяина послать за Трифономъ и Матвѣемъ, чтобы пораспросить ихъ самому хорошенько. Мужики явились живо; они тутъ на дворѣ были и уже о дорогѣ разсуждали съ нашими проходными ямщиками — Розаевымъ и Филатовымъ. Смотрю—съ Трифономъ и Матвѣемъ явились и наши ямщики.

Трифонъ и Матвѣй подтвердили все сказанное перевозчикомъ отъ слова до слова, дорогой не нахваляясь...

Думаю себѣ, какъ быть? Ямщиковъ я порядилъ ѣхать Ишей, дорогой, которую они знаютъ. А тутъ дорога имъ незнакомая, положиться на слова перевозчика съ Матвѣемъ и Трифономъ,—кто его знаетъ какъ? а, можетъ, они и врутъ. Слѣдовательно, ѣхать этой дорогой Филатовъ и Розаевъ могутъ и не согласиться; неволить же ихъ я и не могу, и не хочу.

Но Розаевъ и Филатовъ сами разсѣяли мое недоумѣніе.

— А что, баринъ, началъ Розаевъ, не лучше ли намъ и въ правду ѣхать черезъ Ожи, чѣмъ тянуться Ишой съ ея бродами? Вѣдь, тутъ то ближе верстъ на 80 будетъ. Ну, а если будетъ и потруднѣе лошадушкамъ, такъ чего подѣлаешь! Конечно, на Ожи тарантасъ на тройкѣ не поднимешь, это нечего и говорить; ну, такъ въ Осинникѣ принаймемъ лошадей, по двѣ по три, для подъему то только. Ужъ не Богъ знаетъ, что возмутъ татары то!

П. Дмитріевъ.

(Продолженіе будетъ).

Повѣсть о черной лисицѣ.

(Разсказъ изъ жизни полярныхъ окраинъ Сибири).

I.

На Омолонъ *) пріѣхалъ купеческій прикащикъ якутъ Дыда и юкагирь Василій (какъ онъ называлъ самъ себя на своемъ русскомъ жаргонѣ) выпилъ цѣлыхъ двѣ бутылки водки. Теперь онъ былъ на самомъ дѣлѣ пьянъ, а не воображалъ себя пьянымъ, какъ это часто случалось раньше. Выпивъ одну, двѣ рюмки водки, а иногда ополоски посудинъ, въ которыхъ купцы и приказчики привозили водку для чукчей, Василій, обыкновенно, напускалъ на себя хмѣль, хотя на самомъ дѣлѣ былъ совсѣмъ трезвъ. Онъ, такъ сказать, предвосхищалъ событія. Имъ овладѣвала страш-

*) Омолонъ — притокъ полярной рѣки Колымы.

ная жажда пить еще, но пить было нечего; тогда онъ убѣждалъ себя, что онъ уже напился, притворялся пьянымъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ по избѣ, любезничалъ, а иногда переругивался съ бабами и всѣмъ этимъ, до извѣстной степени, вознаграждалъ себя за отсутствіе столь страстно любимой „огненной воды“.

У юкагира Василя было очень пылкое воображеніе, какъ у всѣхъ его сородичей, олонскихъ юкагирей. Въ противоположность своимъ сосѣдямъ, жителямъ пріозерныхъ полянъ, якутамъ, тяжелымъ, неповоротливымъ, незнающимъ пѣсенъ, риѣмъ и музыки, изливающимъ свои чувства въ грубыхъ, скрипучихъ звукахъ, однообразныхъ, какъ видъ ихъ озеръ и полянъ; въ противоположность другимъ близкимъ сосѣдямъ чукчамъ, у которыхъ пѣсни замѣняются меланхолическимъ мычаніемъ, печальнымъ, унылымъ, какъ уныла тундра въ зимніе дни,—юкагиры одарены воображеніемъ, живостью темперамента, богатой фантазіей и очень любятъ музыку и пѣніе. Они сами складываютъ, сочиняютъ пѣсни, черпая сюжеты и содержаніе ихъ въ окружающей природѣ и въ своей простой, монотонной, по временамъ, скучной, но уже не дикой, жизни. Русскіе, обрусившіе ихъ и оставившіе имъ въ наслѣдіе свой языкъ, свои нравы, свои пѣсни, обратили ихъ изъ бродящихъ звѣролововъ въ осѣдлыхъ рыбаковъ. Олонскіе и Нижнеколымскіе юкагиры обрусѣли болѣе всѣхъ другихъ. Они переняли все отъ русскихъ: вѣру, обычаи, языкъ; почти совсѣмъ забыли языкъ своего племени; отъ предковъ имъ остался только шаманскій культъ. Принявъ новую вѣру, они не совсѣмъ забыли боговъ, которымъ поклонялись отцы, и сами служатъ имъ потихонку отъ священника, разъ въ годъ пріѣзжающаго къ нимъ „собирать грѣхи и дани“ *). Шаманскій культъ давалъ фантазіи юкагирь богатую пищу и они не только не забыли его, но и подчинили ему своихъ побѣдителей, съ которыми такъ хорошо и легко ассимилировались въ языкѣ, одеждѣ, образѣ жизни. Безъ культа шаманства, безъ вѣры въ таинственныхъ духовъ ихъ пустынная земля, быть можетъ, была бы и для нихъ мертва, дика и угрюма, какою она представляется культурному европейцу; съ этимъ культомъ—она полна для нихъ живыхъ, но невидимыхъ могучихъ, злыхъ и добрыхъ существъ. Она не мертва, ея молчаніе только кажущееся; въ ней есть жизнь, но жизнь чужая, непонятная, веселая, никогда не надоѣдающая; среди этой чужой жизни можно отдохнуть фантазіей отъ невзгодъ собственной, понятной, унылой и подчасъ надоѣдающей жизни! Право, тяжело бы было юкагирамъ лишиться своихъ таинственныхъ сосѣдей, потерять вѣру въ другую, лучшую жизнь, невидимо

*) Дѣло идетъ объ исповѣди.

совершающуюся вокругъ нихъ въ нѣдрахъ пустынныхъ, повидимому, молчаливыхъ лѣсовъ.

Пылкой фантазіей юкагиры напоминаютъ каменныхъ ломутовъ, кочующихъ по горамъ, на рубежѣ юкагирской земли, по верховьямъ рѣки Омолона. Первые такіе-же легкомысленные, увлекающіеся, беззаботные, какъ послѣдніе; такъ же легко забываютъ несчастія, невзгоды жизни, не думаютъ о будущемъ, живутъ безпечно; всѣ у нихъ умѣютъ промыслять и трудиться, но никто не умѣетъ богатѣть трудомъ и промысломъ другихъ,—заставить другихъ промыслять и работать за себя... Оттого и будущее принадлежитъ не имъ; рано или поздно они уступятъ свою землю болѣе сильной расѣ... Будущее принадлежитъ ихъ сосѣдямъ якутамъ, обладающимъ болѣе положительными и устойчивыми качествами, перенявшимъ отъ русскихъ не языкъ и нравы, а новые приемы борьбы за существованіе, научившимся угнетать ближнихъ. Юкагиры же переняли только языкъ, нравы и пѣсни, но не умѣли перенять новыхъ формъ экономическихъ отношеній торговли, барышей, батрачества и др.

Омолонскіе юкагиры быстро вымираютъ. Пройдетъ два, три десятка лѣтъ и, быть можетъ, только въ легендахъ останется память о веселыхъ беззаботныхъ юкагирахъ, любившихъ веселіе, музыку и пѣсни...

Василій былъ среди пѣвцовъ пѣвецъ. Онъ обладалъ хорошей памятью и помнилъ всѣ старинныя пѣсни, нѣкогда принесенныя русскими удалцами на берега Колымы и не вытѣсненные еще новыми, болѣе современными; онъ зналъ всѣ,—сложенныя мѣстными „пѣсенниками“ здѣсь и въ Нижнемъ. Съ большимъ презрѣніемъ относился онъ къ пѣснеспособности, такъ сказать, якутовъ, у которыхъ останавливался по дорогѣ, когда возилъ кладъ въ Средній (т. е. Средне-Колымскъ) и чукчей, у которыхъ жила по долгу, закупаая оленей.

— Якутъ поетъ, говорилъ онъ, все равно, какъ желѣзомъ по желѣзу кто нибудь водигъ, чукча поетъ все одно, что скотъ мычить, а наша пѣсня все одно, какъ лебединый крикъ въ воздухѣ переливается... Говорятъ бывалые люди:—есть птица такая—соловей, что лучше всѣхъ птицъ поетъ; хотѣлъ бы я услышать этого соловья... хорошо о немъ въ пѣсняхъ поется. Иногда такъ хочется услышать его и думаешь, какова то его пѣсня хорошая да сладкая?... а не можешь его голоса себѣ придумать иначе, какъ во снѣ...

И на яву Василій, казалось, видѣлъ многое изъ того, о чемъ пѣлъ. Когда онъ пѣлъ, глаза его горѣли и лицо принимало какое то вдохновенное выраженіе. Онъ глядѣлъ на темный, закопѣлый потолокъ своей избы такъ, какъ будто бы видѣлъ тамъ что то веселое и ясное, какъ то чувство, которое возбуж-

дала въ немъ пѣсня. Въ особенности онъ любилъ старинныя пѣсни, протяжныя, грустныя.

У зори. у зореньки
Много ясныхъ звѣздъ,
А у темной ночки
Имъ и счету нѣтъ...

Пѣль онъ и предъ его глазами проходила зоря-зоренька, какая бываетъ надъ рѣкою Омолономъ ранней весною: рѣка гладкая и тихая; небо синее наклонилось надъ нею и дремлетъ; вдругъ оно какъ бы вздрогнуло отъ утренней прохлады и проснулось одною улыбкой... Это заря! У ней губы алыя, очи свѣтлыя, думы ясныя, но не такія, какъ у людей, а огромныя, безпредѣльныя; очи глядятъ ласково сквозь невѣдомый просторъ свѣта, а улыбка видна отъ моря до моря... Въ ней радость и красота, какія то непонятныя думы... Отчего сердце такъ радостно бьется при видѣ улыбки, которой ласкаетъ землю заря?... Только таинственные лѣсные духи знаютъ эти думы и все, что въ нихъ заключается, и иногда объясняютъ это людямъ, влагая имъ въ сердца безпричинное чувство радости и счастья и звучныя пѣсни въ уста...

На одну изъ звѣздочекъ
Пристально гляжу;
Въ ней я вижу милую,
Глазъ не отвожу...

И глаза пѣвца загораются нѣжнымъ огнемъ... въ нихъ свѣтятся мечты и слезы! Еще минута, и они польются изъ глазъ... И кажется ему, что, сквозь закоптѣлый потолокъ, онъ видитъ звѣздочку, среди темной ночи, звѣздочку, олицетворяющую его милую; хотя на небѣ звѣздъ нѣтъ, а воетъ буря, гонитъ тучи по небу; съ нею прилетѣли съ Ледовитаго моря таинственные духи; въ клубахъ снѣжной пыли проносятся они надъ землею и стонуть, и плачутъ въ темной мглѣ; вѣтеръ гудитъ жалобно, взметая сугробы, точно поетъ похоронную пѣсню.. Кого оплакиваетъ онъ? Должно быть, солнце, которое спряталось на зиму за невѣдомыя горы и цѣлый мѣсяцъ не будетъ свѣтитъ надъ юкагирской землею; цѣлыхъ два мѣсяца будетъ только украдкой глядѣть изъ за горъ и лѣсовъ, опоясывая ихъ красной лентой съ золотою каймою... Огненный глазъ сверкнетъ на краю горизонта, лучи свѣта разсыплются по небу, трепетными тѣнями пробѣгутъ по землѣ, подъ сводами деревъ, покрытыхъ снѣгомъ; багровый столбъ появится на западѣ и протянется вверхъ надъ лѣсами... небо запылаетъ пожаромъ и померкнетъ, и потухнетъ огненный глазъ... и скроется солнце. Такъ поддерживаетъ солнце

въ сердцахъ людей надежду на тепло, свѣтъ и радость, которыми все трепещетъ и бьется на берегахъ Омолона въ короткое полярное лѣто...

Въ длинные, скучные зимніе вечера Василій игралъ на бала-лайкѣ и пѣлъ пѣсни, и юкагиры собирались къ нему слушать его. Всѣ веселились и никто не думалъ о серьезныхъ сторонахъ жизни. Нужды нѣтъ, что черезъ два—три десятка лѣтъ исчезнетъ съ лица земли все это беззаботное племя, умѣющее только охотиться на рыбъ, звѣрей и птицъ, пить, пѣть, плясать и веселиться, но не умѣющее вести борьбу за существованіе съ другими людьми. На дворѣ воетъ буря, поетъ свои похоронныя пѣсни, а беззаботные юкагиры пляшутъ въ избѣ, освѣщаемой ярко пылающимъ каминомъ, кружатся подъ звуки самодѣльной балабайки, весело пиликающей въ умѣлыхъ рукахъ Василія. Да, Василій (говорили про него) умѣлъ пѣть, умѣлъ развеселить народъ!

Въ тотъ вечеръ, когда пріѣхалъ Дыда, Василій собирался ѣхать въ тайгу смотрѣть свои луки, поставленные на лисицъ по зарослямъ.

Предвидя выпивку, онъ остался, отпрегъ собакъ отъ нарты, но привязалъ ихъ въ полной упряжкѣ на впряговомъ ремнѣ около амбара, чтобы чуть свѣтъ тронуться въ путь. „Лисицъ всегда успѣю посмотрѣть, а такой дорогой гость какъ Дыда, бываетъ не часто“, подумалъ онъ, „завтра успѣю“. Вслѣдъ за Дыдой пріѣхалъ Трофимъ Ивановичъ, а это былъ прекрасный человѣкъ; онъ любилъ побесѣдовать, пошутить „съ народомъ“.

Узнавъ о пріѣздѣ Трофима Ивановича, всѣ сосѣди сбѣжались въ домъ, гдѣ жилъ Василій вмѣстѣ съ семействомъ своего двоюроднаго брата. Яркое запылалъ каминъ, засверкали отраженія пламени на мѣдныхъ чайникахъ, поставленныхъ къ огню, загорѣлись глаза людей, повеселѣли и оживились лица. На столѣ появилось угощеніе для дорогого гостя, все чѣмъ были богаты убогіе рыбаки: рыба струганина, нельменная юкола *). олений бокъ, вареный гусь. Трофимъ Ивановичъ, съ своей стороны, подчивалъ всѣхъ своихъ омонскихъ друзей чаемъ, сахаромъ, табакомъ. Всѣ эти друзья Трофима Ивановича собрались въ избу Василія и даже глупый Егорша, коренной горожанинъ, застрявшій на Омолонѣ, куда онъ пріѣхалъ лѣтомъ на поправку, приплелся принять участіе въ разговорахъ съ Трофимомъ Ивановичемъ и во всемъ, чѣмъ онъ будетъ угощать друзей и чѣмъ его будутъ угощать друзья.

При видѣ знакомаго человѣка, въ нѣкоторомъ родѣ, земляка, Егорша разчувствовался, вспомнилъ про городъ, гдѣ зимою жи-

*) Юкола—вяленая, а иногда копченая рыба, кости обыкновенно вынуты.

вется лучше, чѣмъ на Омолонѣ, и забылъ, что лѣтомъ онъ здѣсь ѣлъ безъ счету рыбу, юколу, птицу и пилъ ковшами рыбій жиръ...

— Братъ, взмолился онъ къ Трофиму Ивановичу, будешь ѣхать назадъ, возьми меня съ собою въ городъ.

— Что соскучился за своими крестниками и крестницами, шутилъ Трофимъ Ивановичъ. — Егорша былъ полуидіотъ и потому всѣ мѣстные богачи, считая его несчастнымъ, приглашали его воспріемникомъ при крещеніи своихъ дѣтей; они вѣрили, что это принесетъ счастье ихъ дѣтямъ. Таково было повѣрье.

— Братъ, а вѣдь скучаю, жаловался Егорша, рубашки нѣту, вся порвалась... вошка меня заѣла.

Но когда всѣ сѣли за столъ, и Егорша пересталъ скучать. Съ кускомъ сахару, который далъ ему Трофимъ Ивановичъ, онъ ухитрился выпить 11 чашекъ чаю. Онъ сдѣлался разговорчивъ и веселъ, какъ и всѣ. Его неестественно оттопыренная нижняя губа, придававшая его лицу смѣшное выраженіе, еще болѣе оттопырилась, лицо покраснѣло и покрылось каплями пота.

Когда же по отъѣздѣ Трофима Ивановича, останавливавшегося на Омолонѣ не надолго кормить собакъ, — юкагиры напились „огненной воды“ и начали пѣть и плясать подъ балалайку, на которой игралъ Василій, — Егорша совершенно забылъ про своихъ крестниковъ, про скуку, про то, что у него на тѣлѣ рубашки нѣтъ. Онъ самъ не плясалъ, потому что не умѣлъ; за него плясали его лицо, глаза и оттопыренная губа. Егорша, котораго богачи считали несчастнымъ, былъ счастливъ: онъ беззаботно веселился въ то время, какъ они терзались мыслями о барышахъ и наживѣ.

Всю ночь веселились юкагиры. Какихъ только пѣсенъ не пѣли они? И про Ермака, объятаго думой, и про кручину — подколодную змѣю; пѣли и такія пѣсни, которыхъ совсѣмъ не понимали. Василій затянулъ старинную пѣсню, Богъ знаетъ какъ занесенную на берега Колымы и сохранившуюся тамъ въ то время, какъ въ остальномъ мірѣ она уже была забыта. Въ этой пѣснѣ воспѣвались герои... семилѣтней войны!

...Измѣняетъ Апраксинъ генераль,
Продаетъ онъ нашу вармію
Да прущкому королю...

жалобно выводилъ Василій, очень смутно понимая, что значитъ генераль и „вармія“, и совсѣмъ не понимая, что значилъ „пруцкій король“. Но это не мѣшало пѣвцамъ быть веселыми.

Самъ Дыда — плотный, скуластый якутъ, — котораго юкагиры напоили водкой, купленной у него же, развеселился, на мигъ сдѣлался беззаботнымъ, пересталъ торговать и высчитывать барыши.

Онъ пробовалъ даже затянуть, полную гортанныхъ, скрипучихъ звуковъ пѣсню, но юкагиры подняли его на смѣхъ и онъ долженъ былъ перестать. Самъ Егорша огорчился за него и сдѣлалъ ему замѣчаніе.

— Братъ, экую, какую пѣсню ты поешь!..

Онъ укоризненно покачалъ головою и прикусилъ нижнюю губу, что было у него знакомъ неудовольствія.

— Съ нами пой, сказалъ Василій, ударяя по струнамъ балалайки привычною рукою и затянулъ плясовую пѣсню:

...Улетай голубь мой.

Распрощаемся съ тобой..

При звукахъ этой пѣсни всѣ взялись за руки и съ бѣшенымъ увлеченіемъ закружились по избѣ. И казалось этимъ взрослымъ дѣтямъ, юкагирамъ, что все пляшетъ вмѣстѣ съ ними: пляшутъ стѣны, и потолокъ, и каминъ, обдававшій ихъ потоками лучистаго свѣта и тепла, и скуластое лицо Дыды, и оттопыренная губа Егорши.

Хорошо провели этотъ вечеръ Омолонскіе юкагиры; остатокъ ночи прошелъ въ пѣніи и пляскѣ и только подъ утро хмѣль и усталость одолѣли ихъ беззаботныя головы.

II.

Василій легъ на полъ на оленью шкуру, но не могъ спать. Въ головѣ у него стучало, точно кто то плясалъ тамъ подъ звуки пѣсенъ, еще гудѣвшихъ у него въ ушахъ. Рядомъ съ нимъ храпѣлъ почетный гость Дыда. Онъ скрежеталъ зубами во снѣ и „шаманилъ“, т. е. затягивалъ сквозь сонъ свою скрипучую пѣсню, иногда садясь на постель съ закрытыми глазами. Въ углу избы работалъ носомъ Егорша, свистя и храпя во весь свой сонный духъ. Его носовую пѣсню подхватывали хоромъ другіе юкагиры, лежавшіе на полатахъ, а Ѳедотъ промышленникъ подражалъ рычанью медвѣдя.

Василій считалъ грѣхомъ такъ дразнить грознаго „Иглы-ингуль“ *), который, можетъ быть, теперь ворочается въ свой берлогѣ и сердится и клянется отмстить Ѳедоту за то, что онъ дразнитъ его. Но Ѳедотъ это дѣлаетъ неумышленно, да и медвѣдя то онъ не очень боится; не одного уже изъ нихъ упрямилъ Ѳедотъ съ „пальмой“ **) или только съ однимъ ножомъ въ рукахъ! Когда онъ встрѣчался съ медвѣдемъ, то, обыкновенно, приводилъ его въ смущеніе тѣмъ, что перепрыгивалъ черезъ

*) Медвѣдь по юкагирски.

**) Пальма—нѣчто въ родѣ ножа, но тяжелѣе и толще; насаживается на древо, длиною аршина 1½—2.

него разъ, два, три, а потомъ, сбивъ медвѣдя съ толку, вонзалъ ему въ сердце ножъ, ловко уклоняясь отъ его прощальныхъ, предсмертныхъ объятій.

Знаменитый промышленникъ былъ Оедотъ! Въ Средне-Колымскѣ ходило о немъ повѣрье, что онъ самъ медвѣжей породы, что его мать, собирая морошку въ тайгѣ, очутилась во власти царя лѣсовъ и была принуждена жить съ нимъ, какъ жена. Когда она ему надоѣла, тогда онъ вывелъ ее на знакомую ей тропу и отпустилъ домой. Плодомъ этого необыкновеннаго приключенія—было рожденіе на свѣтъ, знаменитаго въ юкагирахъ, промышленника Оедота. Оттого послѣдній и обладаетъ медвѣжьей силой. Но это были пустые рассказы. Василій зналъ своего двоюроднаго брата Оедота съ дѣтства и не замѣчалъ въ немъ ничего медвѣжьяго. Оедотъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ юкагирь; онъ былъ веселъ и безпеченъ ничуть не меньше, чѣмъ другіе.

Если бы черезъ руки какого нибудь купца, или хоть Дыды, прошло столько медвѣжьихъ, лисьихъ, песцовыхъ шкуръ, сколько прошло черезъ руки Оедота, то они были бы богачами, а Оедотъ не имѣлъ ничего. Онъ пропивалъ все, что ни добывалъ въ тайгѣ; и къ чему ему могли пригодиться деньги, или другое какое либо богатство? Жены и дѣтей у него не было; торговать онъ не умѣлъ, прятать денегъ тоже. За то онъ обладалъ такимъ богатствомъ, какого не имѣютъ ни купцы, ни Дыда—умѣньемъ промыслять звѣрей. Всѣмъ извѣстно, что Оедота любятъ духи лѣсовъ и тундръ и всегда посылаютъ ему добычу. Другой промышленникъ ходитъ два три дня, недѣлю по тайгѣ и ничего не встрѣчаетъ. А Оедотъ лишь покажется въ лѣсу—звѣри сами бѣгутъ ему на встрѣчу. Идя домой съ добычею на плечахъ, Оедотъ поетъ старинныя юкагирскія пѣсни (онъ одинъ только и зналъ хорошо юкагирскій языкъ), а покровительствующіе ему духи откликаются ему изъ чаши тѣнистыхъ перелѣсковъ, изъ ущелій прибрежныхъ Колымскихъ горъ...

Такъ размышляя о Оедотѣ, подъ звуки носовыхъ пѣсенъ своихъ товарищей, Василій припомнилъ, что онъ вчера хотѣлъ ѣхать смотрѣть свои луки, поставленные въ тайгѣ на звѣрей. Кто знаетъ, можетъ быть, тамъ уже лежить лисица или песецъ, пронзенные стрѣлой. Надо бы поспѣвать взять ихъ, пока Дыда гостить у нихъ съ огненной водой. Ему, съ нихъ, съ голытьбы пожива не велика и онъ завтра уѣдетъ къ чукчамъ, кочующимъ по Омолону. Надо бы поспѣвать, да лѣнь Василю было встать и ѣхать въ тайгу. Онъ пытался заснуть, но не могъ.

Обрывки пѣсенъ носились въ умѣ, звучали въ ушахъ. Вотъ припоминается одна пѣсня, которой сегодня онъ вовсе не пѣлъ. Одно слово онъ вспомнилъ, а другого, слѣдующаго слова, онъ

не можетъ припомнить... Въмѣсто нужнаго слова показывается оттопыренная губа Егорши, а Дыда оскалилъ зубы и схватилъ ими Егоршу за губу, а Ѳедоть думаетъ, что Дыда медвѣдь и прыгаетъ черезъ него разъ, два и хватается за ножъ. „Эй, Ѳедоть! опомнись! это не медвѣдь, а любезный человѣкъ Дыда, который за 7 песцовъ и 30 зайцевъ продалъ намъ сегодня водку. Сколько веселія мы купили себѣ за 7 песцовъ и 30 зайцевъ! Сколько огорченій купилъ себѣ Дыда за водку. Въдѣ песцы то онъ бралъ по 2 руб., а купцамъ будетъ предлагать по 4 руб. Купцы не дадутъ этой цѣны и вмѣсто товара, даннаго ему въ долгъ, будутъ требовать денегъ, будутъ грозить отнять у него лошадей, его единственное богатство“...

„Эхъ, все пустяки! А славно бы было упромыслить еще одного песца или лисицу, еще повеселиться одну ночь!“ Василій припомнилъ нужное слово пѣсни, а конца, все-таки, не можетъ припомнить; вмѣсто конца пѣсни, ему представляется лукъ: тетива спущена, а стрѣла пронзила лисицу. Онъ хочетъ поднять лисицу, но вдругъ выскакиваетъ изъ кустовъ Дыда и тоже тянется къ ней.

„Не тронь!“ кричитъ Ѳедоть, „давай сначала водку“. Но вдругъ лисица и Дыда загораются бѣлымъ свѣтомъ и ослѣпляютъ Василю глаза.

Онъ очнулся. „Правда—свѣтъ“!. На дворѣ свѣтила луна. Значить, прояснило, а съ вечера была муть. Прозрачныя льдины, вставленныя въ окна избы, сверкали, какъ обсыпанныя серебряной и золотой пылью. Луна наводила на нихъ свой свѣтъ; онъ проходилъ сквозь ледъ и освѣщалъ лица спавшихъ.

„Въ лунную ночь ѣхать веселѣе будетъ“... Но лунная ночь исчезла. Какая то огромная темная тѣнь набѣжала на прозрачныя льдины и освѣщенные лица Дыды и Ѳедота погрузились въ мракъ. „Какой же это духъ шалить, играетъ съ луною, закрываетъ ее ладонью? Надо пойти посмотреть“... Но пока Василій вышелъ на дворъ, духъ, закрывшій луну, выпустилъ ее вновь; темное облачко бѣжало за ней по прояснившемуся небу, но не могло настигнуть ее и само таяло. Кто то невидимый рвалъ его на части и разбрасывалъ по небу. Вызвѣздило совсѣмъ. Загорѣлись, засвѣтились огненными точками очи, что горятъ вѣчно надъ землею юкагирской. Кто то невидимый взглянулъ ими на свои владѣнія.. Что же „онъ“ видитъ? Тоже самое, что видѣлъ Василій. Луна плыла надъ горой, на дальнемъ берегу Колымы надъ займой Дуванной, гдѣ по преданію чукчи нѣкогда разбили казаковъ. Дальше къ востоку висѣла надъ землею темная стѣна облаковъ; она выплывала на средину неба и таяла, звѣзды прорывались сквозь нее дрожащими блѣдными огоньками, какъ концы какихъ то свѣтящихся стрѣлъ. Лѣса, всегда непод-

вижные, теперь, казалось, сами двигались въ даль, какъ бы желая уйти совсѣмъ изъ земли юкагирской и превратить ее въ унылую тундру: то тѣнь отъ стѣны облаковъ двигалась по лѣсамъ.

У подножья крутого берега, гдѣ стоялъ Василій, змѣилась рѣка Омолонъ, окаймленная густыми зарослями тальниковъ. Они чернѣли, сбѣгая внизъ, къ самой рѣкѣ по разсѣлинамъ и серебрились, залитыя луной, на вершинахъ „угоровъ“ *). Не бѣдна наша земля (подумалъ Василій): много въ ней золота и серебра; солнце обливаетъ ее золотомъ, луна—серебромъ. Зачѣмъ же искать еще золота въ глубинѣ земли, какъ дѣлаютъ это жадные люди въ другихъ земляхъ? „Огромная длинная тѣнь отъ Василія шла по землѣ, ломалась у стѣны дома и снова показывалась на льдинѣ, вставленной въ окна. Собаки, лежавшія смирно по сторонамъ впряговаго ремня, проснулись, поднялись и смотрѣли на то же, на что смотрѣлъ Василій: какъ ходятъ невидимые духи подъ небомъ, надъ тундрой и надъ лѣсами; какъ глядятъ они на землю огненными очами и гонятъ облака въ воздушномъ просторѣ; какъ свѣтится земля въ трепетныхъ отраженіяхъ свѣта, а луна величаво горитъ въ небѣ, озаряя неизмѣримыя небесныя поляны. Еще недавно темныя, онѣ синѣютъ ясною лазурью, точно на землѣ уже наступило лѣто... Василій приласкалъ собакъ: „умные товарищи—собаки“! Онъ взглянулъ еще разъ на рѣку. Она уходила на востокъ, гдѣ, казалось, двигались лѣса и двигались тѣни по нимъ, и ему вдругъ захотѣлось догнать уходившіе лѣса. „Поѣду“, рѣшилъ онъ, и вернувшись въ домъ, накинулъ на себя „парку“—рубашу изъ оленьихъ, пыжиковыхъ шкуръ, взялъ приколъ **) въ руки и, подведя собакъ къ нартѣ, запрегъ. Потомъ онъ перекрестился (хоть онъ и вѣрилъ въ то, что духи ему будутъ покровительствовать, да перекреститься все же надежнѣе). Онъ взялся за дугу, тронулъ нарту и сѣлъ. Услышавъ знакомый сигналъ—скрипъ полозьевъ, собаки рванулись и понеслись внизъ по угору.

Спустившись съ угора, Василій соскочилъ съ нарты и бѣжалъ рядомъ съ собаками, пока переѣзжали извилистое ложе Омолона. Выѣхавъ на гладкую дорогу и направивъ собакъ, онъ усѣлся на нарту поудобнѣе, положилъ поперекъ приколъ и нахлобучилъ шапку. Стѣна облаковъ разорвалась, разошлась по небесному своду; лѣса перестали двигаться вдаль, остановились и приковали къ себѣ взоръ Василія. Вглядываясь пристально въ камень, высовывающійся изъ чащи на краю лѣса, Василій замѣ-

*) Угоръ крутой берегъ.

**) Приколъ—палка съ острымъ желѣзнымъ оконечникомъ, которая помогаетъ останавливать сани и вообще управлять ими.

тиль нѣчто, чего раньше не замѣчалъ никогда: ему показалось, что подъ камнемъ стоитъ какая то черная фигура и машетъ рукою, какъ бы манить его къ себѣ. Онъ протеръ глаза и быстро взглянулъ на камень: фигура исчезла; опять сталъ пристально всматриваться и вновь увидѣлъ ее. „Это онъ знакъ по-даетъ; къ дурному или хорошему? Все равно никуда не убѣ-жишь отъ него, нигдѣ не скроешься, надо ѣхать дальше“. На свѣжемъ чистомъ воздухѣ его стало клонить ко сну. Умолкли въ тишинѣ лѣсовъ обрывки пѣсенъ, жужжавшіе у него въ ушахъ какъ назойливыя мухи; исчезли обрывки образовъ: смѣющіяся лица, залитыя краснымъ отраженіемъ пламени, улыбающіеся глаза, пляшущія ноги—все, что мелькало и носилось у него въ глазахъ, въ умѣ, отуманенномъ винными парами—все разошлось въ безпредѣльности, заключенной въ синія стѣны неба, уходив-шаго назадъ передъ нимъ и убѣжавшаго впередъ вслѣдъ за нимъ. Онъ задремалъ и грезилъ. Онъ видѣлъ странный сонъ, ко-торый еще болѣе, чѣмъ явленіе черной фигуры подъ камнемъ, укрѣпилъ его въ томъ, что онъ находится во власти таинствен-ныхъ духовъ лѣсовъ и тундръ. То, что происходило съ нимъ во снѣ, не бываетъ никогда на самомъ дѣлѣ—ни на яву, ни въ мысляхъ.

Ему снилось лѣто на берегахъ Омолона, ясный тихій день; вода и тальникъ, и небо, позолоченные солнцемъ, тихи и спокойны. Рѣка похожа на зеркало—гораздо лучше и красивѣе тѣхъ зер-калъ, которыя онъ видѣлъ въ домѣ богатаго купца Иннокентія Николаевича... Все въ необъятной, пустынной землѣ юкагирской, въ лѣсахъ до границъ тундры, въ тундрахъ до границъ моря, дышетъ весельемъ и довольствомъ. Посреди всего этого онъ, Ва-силь, также веселъ и доволенъ... Но въ немъ живутъ какъ бы два Василія, или, вѣрнѣе, онъ живетъ сразу въ двухъ Василіяхъ... Одинъ Василій—человѣкъ плыветъ въ челнокѣ надъ водою и промысляетъ рыбу сѣтьми; другой Василій—рыба, плаваетъ подъ водою, на днѣ рѣки и боится, чтобы его не промыслилъ Василій человѣкъ. И надъ водой и подъ водой очень хорошо, но подъ водой лучше. Василій человѣкъ думаетъ о томъ, какъ бы промыслить рыбу, птицу, звѣря, какъ продать или вымѣнять за водку свой промыселъ, а Василій рыба ни о чемъ не думаетъ, ни о чемъ не беспокоится... На днѣ рѣчномъ еще лучше, чѣмъ на землѣ. Солнце сквозь воду кажется маленькимъ, какъ серебряный рубль, но даетъ свѣта очень много. Оно освѣщаетъ привольныя поляны рѣчного дна, посыпанныя золотымъ пескомъ, усѣянные пестрыми камешками. Дно озера, куда Василій рыба попадаетъ по вискѣ *), соединяю-щей озеро съ рѣкой, еще лучше. По краямъ оно заросло водя-ной травой, какъ зеленымъ кудрявымъ лѣсомъ; зеленые, розовые,

синеватые стебли высокихъ озерныхъ камышей, — гораздо красивѣе, чѣмъ сѣрые стволы тѣхъ деревьевъ, которыя растутъ надъ водою. Какія-то прекрасныя лодки плаваютъ на поверхности воды между верхушками травъ, колебля и волнуя ихъ. Это не лодки, а утки: пестрыя бѣлобоки, чирки съ зелеными шейками, красноногіе, черноперые турпаны, „свиси“ съ разноцвѣтными головками — плаваютъ и промышляютъ мелкую рыбу, не подозрѣвая того, что Василій-человѣкъ ѣдетъ промышлять ихъ самихъ. Посрединѣ озера торчатъ огромные, черные стволы росшаго когда-то на землѣ, но потомъ Богъ вѣсть какимъ образомъ и когда проваливашагося въ водную пропасть лѣса; между ними застряли въ пластахъ чернаго, какъ сажа, ила мамонтовые клыки, похожіе на обломанныя вѣтви гигантскихъ деревьевъ.

Если бы Василій-человѣкъ зналъ, что на днѣ озера, гдѣ онъ промышляетъ рыбу и утокъ, лежитъ такое богатство, онъ ужъ какъ нибудь, да ухитрился бы вытянуть хоть одинъ клыкъ и пропить его купцамъ: цѣлую зиму можно было бы пить за два, за три клыка. Но Василій-рыба проплываетъ мимо нихъ равнодушно. Въ черномъ потопленномъ лѣсу мрачно и темно, какъ въ тайгѣ глубокой осенью. Онъ спѣшитъ выбраться изъ лѣсу, гдѣ такъ темно и мрачно, на привольныя полянки, освѣщенныя солнцемъ сквозь воду. „Не забыть бы сказать Василію-человѣку о томъ, что на днѣ озера лежатъ мамонтовые клыки, подумалъ онъ и ему представилось все, что сдѣлалъ бы Василій-человѣкъ, если бы зналъ объ этомъ. Онъ собралъ бы всѣхъ юкагирь и поплыли бы они всѣ на озеро, и стали бы умомъ раскидывать, какъ бы выудить хоть одинъ клыкъ и пропить его всѣмъ обществомъ. Они позвали бы и ближнихъ сосѣдей якутовъ, чтобы и тѣ приняли участіе въ промыслѣ мамонтовыхъ „роговъ“, потому что юкагиры не завистливы, а озера, рѣки, лѣса и горы и все, что есть въ нихъ, принадлежить равно всѣмъ людямъ, какъ воздухъ и свѣтъ. Но вотъ бѣда: юкагиры болтливы и прежде чѣмъ отпра- виться добывать мамонтовую кость, они разболтали бы обо всемъ купцамъ. А купцы не такъ думаютъ, какъ юкагиры; они думаютъ, что рѣки и озера и все, что въ нихъ есть — не для всѣхъ людей, а только для нѣкоторыхъ. Они непременно схитрятъ; будутъ просить юкагирь уступить имъ на время озеро такъ, чтобы никто не смѣлъ, кромѣ нихъ, купцовъ, промышлять въ немъ. Юкагиры, пожалуй, пропьютъ имъ озеро.

Купцы ихъ же наймутъ доставать клыки; и будутъ мучиться и мокнуть юкагиры, а клыки возьмутъ себѣ. Такъ пропьютъ, дешево и безтолково, юкагиры свое озеро, потому что они глупы

*) Виска — рѣчка, идущая отъ рѣки къ озеру; обыкновенно, лѣтомъ высыхаетъ, а въ половодье полна водой.

и не понимаютъ, что лучше проливать всю жизнь клыкъ за клыкомъ, чѣмъ сразу пропить пѣлое озеро, со всѣмъ, что въ немъ есть, и пропить за пустякъ. Но купцы умны, хитры и сильны. Какъ же не сильны они? Сколько флягъ спирту везутъ съ собою и ни капли сами не выпьютъ, все берегутъ для дикихъ людей, чтобы вымѣнять у нихъ на него мѣха. А юкагирь человѣкъ слабый: дай ему флягу водки, онъ забудетъ все въ мірѣ и начнетъ не только пить самъ, но и угощать всѣхъ встрѣчныхъ; а потомъ, пропивъ флягу, долженъ будетъ отвѣчать за нее самъ, будетъ промышлять на купца всю жизнь...

Во снѣ онъ припомнилъ свои разговоры съ Трофимомъ Ивановичемъ; все, что рассказывалъ тотъ, встало въ памяти у Васи́лія-рыбы (не забыть—сказать бы объ этомъ Васи́лію-человѣку?) Тамъ далеко, откуда пріѣхалъ Трофимъ Ивановичъ—чудные порядки: земля и лѣса, рѣки и озера не для всѣхъ людей, а только для тѣхъ, которые успѣли завладѣть ими. Люди тамъ, на далекой родинѣ Трофима Ивановича, не думаютъ, что только одинъ Богъ владѣтель всего, что есть на землѣ, что онъ только на время далъ все это всѣмъ людямъ, какъ добрый отецъ дѣтямъ, никого не обдѣляя; они думаютъ, что всякій, кто успѣлъ завладѣть чѣмъ нибудь—будетъ владѣть вѣчно... Тамъ всякое завладѣніе дѣлается не по божескому праву, которому споконъ вѣку повинуются дикіе люди: „что ты добылъ трудомъ, то—твое, не отнимай того, что добылъ твой братъ“, а по людскому праву: „что ты отнялъ у другого—то твое, отнимай же то, что добылъ твой братъ“... И все тамъ, всѣ права на промыселъ, на лѣса, луга и рыбныя уголья основано не на божескомъ правѣ, а на бумагахъ съ печатями... Кто имѣетъ бумаги на право владѣть лѣсами, горами, рѣками—тотъ выгоняетъ всѣхъ прочихъ людей съ земель, лѣсовъ, рѣкъ и озеръ или заставляетъ ихъ платить себѣ ясакъ, или работать на себя... За то тамъ богато живутъ люди. „Какъ не богато? у насъ-то купцы какъ живутъ?“ подумалъ бы Васи́лій-человѣкъ и позавидовалъ бы купцамъ, но Васи́лій-рыба твердо стоялъ на своемъ: „мы на это не согласны, потому не весело вѣчно враждовать съ другими людьми. Лучше я съѣмъ рыбій хвостъ безъ ссоры и драки, чѣмъ ихній хлѣбъ, сахаръ, пряники и все, за что они грызутся межъ собой, какъ волки за кусокъ падали... Нехорошо это, нехорошо! Земля для всѣхъ и вода для всѣхъ; что ты добылъ въ нихъ—все твое, не мѣшай и другимъ промышлять вмѣстѣ съ тобой. У насъ на Омо́лонѣ вольно... Приходите всѣ, и городскіе, и якуты, и поселенцы, становите невода и промышляйте... Еще веселѣе будетъ всѣмъ-то, будемъ водку пить, пѣть и веселиться. Но въ водѣ еще вольнѣе и лучше, чѣмъ на берегахъ Омолона“. Онъ махнулъ хвостомъ и выплылъ изъ лѣсу черныхъ стволовъ и мамонтовыхъ

кыковъ и приблизился къ зеленой рошицѣ тальничныхъ зарослей, затопленныхъ водою. Зеленые листья ихъ, сплетаясь вверху надъ водою, образовали сводъ; по немъ пробѣгаютъ трепещущія тѣни колеблемыхъ вѣтромъ вѣтвей, сквозь него сѣтся, какъ сквозь сито, прекрасный золотисто-зеленый свѣтъ; внизу на затопленномъ краю берега трава и цвѣты, а дальше надъ водою, надъ краемъ виски, стоитъ лѣсъ; на вѣтвяхъ лѣса дремлютъ глухари, а на водѣ сидятъ ихъ тѣни въ обратномъ видѣ... Сизая бѣлка пробѣжала по стволу дерева. „Хорошо и надъ водою“. А въ водѣ между тальниками уже рѣзвятся рыбки и пляшутъ, барахтаются на зеленой травкѣ, а кругомъ звенить что-то, какъ колокольчики, свѣтитъ и звонить и играетъ... Это играютъ лучи солнышка, проходя сквозь воду и лаская рыбокъ, не знающихъ о томъ, что Василій человѣкъ уже замечываетъ сѣти на нихъ. Но развѣ онъ поймаетъ всѣхъ?

За то между собою рыбки живутъ дружно и согласно, не знаютъ вражды и гнѣва. Замелькали золотистыя чешуйки, заискрились; рыбки закружились въ веселомъ хороводѣ подъ музыку, которую даетъ имъ доброе солнышко. Но вдругъ порывисто зашевелились тальники и замутили воду надъ зеленою травкой; безобразная голова щуки показалась надъ мутью, уставила на пляшущихъ золотистыхъ рыбокъ свои жадные, тусклые, какъ олово, глаза, и раскрыла пасть... Съ другой стороны, гдѣ желтый песокъ и камешки, показывали настоящее, обыкновенное ложе виски, изъ за ствола наноснаго лѣса, торчавшаго въ днѣ, выглянула другая, еще болѣе безобразная голова налима. Онъ шевелилъ отростками, похожими на усы, пучилъ глаза на щуку; челюсти его вздрагивали. Василій притаилъ дыханье и смотрѣлъ; его занималъ вопросъ, кинутся хищники одинъ на другого, или начнутъ сообща ловить веселящихся рыбокъ, не замѣчающихъ опасности. Вдругъ онъ вспомнилъ, что онъ самъ рыба; большая или маленькая—онъ самъ не могъ сообразить. Налимъ и щука могутъ его проглотить, если онъ—маленькая; сѣти Василія человѣка могутъ его поймать, если онъ—большая. Лица щуки и налима показались ему знакомыми: щука походила на купца Ивана Лукича, а налимъ на купца Константина Николаевича. Вдругъ стало темно; солнце померкло, какъ бы потухло, поднялась муть, вода смѣшались съ иломъ, желтые пески замутились, травы почернѣли, цвѣты испуганно пригнули къ землѣ свои головки; щука и налимъ произвели этотъ всеобщій переполохъ въ тихомъ уголкѣ озернаго дна. Оба хищника бросились глотать маленькихъ рыбокъ, злобно и бѣшено поглядывая одинъ на другого. Каждый изъ нихъ старался проглотить побольше и оставить своему сопернику поменьше. „Непремѣнно бросятся одинъ на другого, когда проглотятъ рыбокъ.“

То то будетъ возня“, подумалъ Василій и бросился бѣжать. Но тутъ онъ почувствовалъ, что кто то держить его за бока... Это онъ попался въ сѣти Василія человѣка. Господи! и вездѣ то и на землѣ, и въ водѣ все живое промышляетъ другъ друга!.. Все происходитъ именно такъ, какъ рассказываетъ Трофимъ Ивановичъ!.. все такъ!..

Василій проснулся; онъ лежалъ въ сугробѣ; тальничный кустъ зацѣпилъ его парку и тянулъ ее, желая выпрямить свои прутья. Собаки ныряли въ сугробахъ, желая бѣжать дальше, но опрокинутая нарта уперлась о стволъ валежника и не пускала ихъ. „Какъ же я это сбился съ дороги“. Оглядылся кругомъ: знакомый лѣсъ! Онъ былъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ были поставлены его луки. Небо было ясно, но лучи луны не могли пронизать густыхъ вершинъ, усыпанныхъ снѣгомъ, какъ бѣлымъ лебяжьимъ пухомъ, и нависшихъ въ этомъ мѣстѣ надъ землей. Онъ поднялъ нарту, направилъ собакъ, своротилъ на тропинку, освѣщенную луной, и поѣхалъ дальше. „Видно собаки, почуявъ звѣря, бросились въ сторону. Надо не спать больше. Экіе чудные, право, сны посылаютъ людямъ таинственные и невидимые обитатели лѣсовъ!“.

IV.

Мѣсто, гдѣ были поставлены луки, было уже близко и Василій, въѣхавъ въ чащу, напрягалъ зрѣніе, чтобы не сбиться съ дороги, но его не оставляло желаніе спать и отношеніе ко всему, что онъ видѣлъ, было какое то сонное. Ему показалось, что онъ въѣхалъ въ бѣлую чащу какихъ то причудливыхъ деревьевъ-узоровъ, какіе рисуетъ морозъ на льдинахъ, вставленныхъ въ окна. Лунный свѣтъ, въ свою очередь, рисовалъ на нихъ сверкающіе узоры блесковъ и переплеталъ деревья вѣнками и лентами, расшитыми серебромъ.

Знакомая примѣта, переломленная листовница, указывала поворотъ въ то мѣсто, гдѣ часто бѣгали лисицы и гдѣ были поставлены луки. Василій остановилъ собакъ, привязалъ ихъ къ „лѣсинѣ“ и пошелъ пѣшкомъ, такъ какъ безъ дороги, въ глубокомъ снѣгу, между торчащихъ пней нельзя было проѣхать на собакахъ. Онъ закрылъ голову волчьимъ „кукулемъ“ (капюшономъ), чтобы сыпавшійся съ задѣваемыхъ на ходу кустовъ и деревьевъ, снѣгъ не попадалъ ему за воротникъ, и зашагалъ бодро по владѣнностямъ лѣсныхъ духовъ, пославшихъ ему необычныя мысли, отуманивавшія его разгоряченную голову роемъ странныхъ видѣній. Вотъ знакомый кустъ и кочка, тутъ долженъ быть лукъ. Вотъ онъ! Тетива спущена; подъ кочкой что то чернѣетъ; чернѣетъ и серебрится, какъ бобровый мѣхъ. Это

лисица! Василій поднялъ свою добычу и обомлѣлъ: чернобурая! Да не такая, какія попадаются теперь, а такая, какихъ ловили въ старину дѣды. Ужъ не духи-ли подшутили надъ нимъ, ослѣпили его, разрисовали лисицу луннымъ свѣтомъ, прокрадывающимся сквозь вѣтви деревьевъ и кустовъ, и онъ принялъ простую красную лисицу за чернобурую? Онъ протеръ глаза и опять взглянулъ на лисицу, выпучивая ихъ, что есть силъ. Нѣтъ, чернобурая! Онъ прижалъ всю добычу къ груди и пустился бѣгомъ назадъ къ нартѣ; ему казалось, что духи хотятъ отнять у него добычу. За плечами у него кто то засмѣялся, но не такъ, какъ смѣются люди, а такъ, какъ трещать деревья; подъ ногами у него точно кто то выстрѣлилъ: земля съ глухимъ трескомъ раскололась отъ мороза; страннымъ звенящимъ эхомъ повторился этотъ трескъ въ лѣсу; надъ головой его кто то потрянулъ вершиной дерева и обсыпалъ его и лисицу, прижатую къ груди, ворохомъ снѣга. Кто-то схватилъ его лѣвую ногу за пяту и щипнулъ, правую—потянулъ въ яму, толкнулъ его въ спину и бросилъ въ сугробъ. „Ну, что тебѣ стоитъ подарить мнѣ хоть одну изъ лисицъ, которыхъ у тебя столько, какъ песку на днѣ Омолона?“ взмолился Василій къ мѣстному духу. „Довольно ты дразнилъ меня на нартѣ, чуть налимомъ не скормилъ во снѣ... пусти!“ Но духъ не пускалъ его: то тянулъ его сзади за парку, то заступалъ ему дорогу и толкалъ въ сугробъ. Онъ закрылъ луну горою и стало темно.

„Послушай-ка (убѣждалъ Василій духа): полно шутить; будемъ говорить дѣло. Развѣ я не почиталъ тебя, какъ учили меня шаманы? не лилъ тебѣ въ огонь водку? Хочешь, сейчасъ же какъ пріѣду домой, налью цѣлую чашку? Теперь меня Дыда и даромъ угостить. Развѣ я не приносилъ тебѣ жертвъ вездѣ, гдѣ ты обитаешь? не бросалъ тебѣ въ воду монеты, не вѣшалъ на деревья куски ситцу и порванныхъ сѣтей? Я почиталъ и другого Бога, сильнаго Бога русскихъ, съ которымъ ты навѣрно знакомъ“. Луна вышла изъ за горы и освѣтила весь обширный домъ лѣсного духа. Василій подумалъ, что это случилось оттого, что онъ вспомнилъ о Богѣ. „Вотъ у кого надо просить помощи“. И онъ мысленно началъ обращаться къ русскому Богу, во храмахъ котораго онъ бывалъ рѣдко, когда пріѣзжалъ въ „Нижно“ и то тогда, когда не напивался пьянъ.

«Защити меня! Я все исполнялъ, что приказывалъ мнѣ батюшка отъ твоего имени. Батюшкѣ, когда тотъ пріѣзжалъ къ намъ, я несъ лучшую рыбу къ столу; матушкѣ дарилъ весь лебяжій пухъ, какой добывалъ лѣтомъ. Каждый годъ по маленькой подушкѣ и то сколько наберется за всю жизнь, считай-ка! Можетъ, нехорошо, что я бралъ отъ нея „на заварку“ чаю,—такъ на предки не буду брать. Припомни-ка, какъ я од-

нажды, когда „пофартило“ мнѣ у друзей моихъ чукчей, подарилъ батюшкѣ на шапку бобра, а матушкѣ выдру! Потомъ я угождалъ всѣмъ, кого ты любишь, возилъ на своихъ собакахъ даромъ начальство и даже за казенный порохъ и свинецъ, кромѣ платы, дарилъ начальству лисицъ; кромѣ царскаго ясака, давалъ добровольный ясакъ камандеру и камандершѣ; всегда бывалъ почтителенъ къ купцамъ, о которыхъ батюшка говоритъ, что ты любишь ихъ больше, чѣмъ другихъ людей, оттого и благословилъ ихъ богатствомъ...

Правда, Трофимъ Ивановичъ совсѣмъ иначе объяснялъ намъ о тебѣ, чѣмъ батюшка. Онъ говорилъ, что ты любишь бѣдныхъ и несчастныхъ, что ты велишь любить всѣхъ и помогать всѣмъ людямъ, никого не обижать и всѣмъ прощать обиды. Такъ, право же, я такъ и поступалъ. Былъ ли случай, чтобы я отказалъ кому нибудь въ пищѣ, если упрямлю что нибудь? А если не упрямлю, то чѣмъ подѣлюсь? Самъ къ чукчамъ ѣду просить оленей въ долгъ. Всѣхъ проѣзжающихъ, останавливающихся у меня, я кормлю всѣмъ, что есть лучшаго у меня... А Егорша?... Вотъ бѣдный человѣкъ, ничего не имѣетъ, а мы кормимъ его. Я, въ свою очередь, кормилъ его двѣ недѣли. А что на немъ рубахи нѣтъ, такъ гдѣ же я возьму? А надо будетъ какъ нибудь купить ему рубаху, всего 3 рубля стоитъ. Не отнимай у меня лисицу, оставь ее у меня, тогда куплю Егоршѣ рубаху и буду дѣлать все, что ты велишь.. Все, что ты велишь, такъ просто и хорошо записано въ маленькой книжкѣ, которую разъ читалъ намъ Трофимъ Ивановичъ и никогда не читалъ батюшка... Но ты не умудрилъ меня разумомъ понять все это, а Трофимъ Ивановичъ у насъ бываетъ такъ рѣдко. Я право не грѣшу“.

Но тутъ Василю сдѣлалось не ловко; онъ сознавалъ, что онъ совралъ. Развѣ не грѣшилъ онъ? Грѣшилъ и противъ тѣхъ заповѣдей Божьихъ, о которыхъ говорилъ Трофимъ Ивановичъ, и противъ тѣхъ, которымъ училъ батюшка. Хотя онъ и помогалъ ближнимъ, такъ за то онъ всегда готовъ скорѣе пропить свой промыселъ, чѣмъ помочь вдовѣ, сиротѣ... Онъ пропивалъ свой промыселъ первому встрѣчному купцу, не разбирая, кто онъ: и Инокентію Николаевичу, котораго благословилъ Богъ богатствомъ, и Дыдѣ, котораго Богъ еще не благословилъ. А пьянство грѣхъ, большой грѣхъ... Но, вѣдь, и батюшка пьетъ, и всѣ, которыхъ по словамъ батюшки любить Богъ, и матушки пьютъ, а миссіонеры возятъ водку къ чукчамъ и мѣняють ее на песцовъ. Еслибы пьянство былъ такой грѣхъ, какъ говоритъ Трофимъ Ивановичъ, то святые люди, которые въ церкви разговариваютъ съ самимъ Богомъ, не пили бы водки и не давали бы ее другимъ. „Что ты скажешь на это?“ уже смѣлѣе обратился мысленно къ Богу Василій, довольный, что путемъ столь неопровержимыхъ

аргументовъ доказалъ себѣ, что пьянство пустячный грѣхъ. Онъ повеселѣлъ въ увѣренности, что Богъ защититъ его отъ козней злого лѣснаго духа, шедшаго за нимъ по пятамъ. Вдругъ онъ припомнилъ свой другой грѣхъ. Этотъ грѣхъ одинаково осудили бы батюшка и Трофимъ Ивановичъ; этотъ грѣхъ — обманъ. Да, онъ обманывалъ; онъ не могъ отрицать этого. Часто онъ ухитрялся незамѣтно сдавать купцамъ ушкана *) за песца, пришивъ ушкану песцовый хвостъ; отъ лисицы сиводушки **) онъ отрѣзывалъ лапы, продавалъ ихъ отдѣльно, а къ сиводушкѣ пришивалъ лапы красной лисицы. Такой грѣхъ нельзя было оправдать никакъ; въ особенности батюшка долженъ осуждать этотъ грѣхъ, потому что онъ наносилъ вредъ купцу Инокентію Николаевичу, котораго благословилъ Богъ. Открывъ въ себѣ страшный грѣхъ, Василій почувствовалъ себя пристыженнымъ, подавленнымъ; онъ не могъ такъ ловко оправдаться, какъ оправдался въ первомъ грѣхѣ, а вратъ стыдно было; развѣ имѣло смыслъ вратъ тому, кто все видитъ, все знаетъ?

Въ это время луна опять скрылась за горой или за облакомъ, которое бросилъ духъ на небо, опять сучья схватили его за парку; кто то сверху, съ дерева засыпалъ его ворохомъ снѣга, кто то потянулъ его за правую ногу въ сугробъ, за лѣвую въ яму, среди кочекъ. Это лѣсной духъ догоняетъ его, хочетъ отнять добычу. Вотъ онъ схватилъ его за горло и сжалъ сильно..

Вмѣстѣ съ тѣмъ Василій почувствовалъ, что его жжетъ въ желудкѣ. Его затошнило... Лисица выпала изъ рукъ на снѣгъ. Онъ зашатался, въ изнеможеніи оперся о дерево. Съ нимъ началась рвота. Онъ испытывалъ страшныя муки: что то какъ бы сверлило въ желудкѣ, толкало въ грудь, тыкало иголками въ горлѣ и ноздряхъ.

Но онъ былъ радъ этому. «Лучше возьми себѣ все, что я выпилъ въ эту ночь, чѣмъ отнимать лисицу», обращался онъ мысленно къ духу.

Отдавъ духу все, что онъ выпилъ, Василій сѣлъ на землю и сѣлъ нѣсколько горстей снѣгу. Это его освѣжило. Онъ поглядѣлъ кругомъ. Кустъ, къ которому была привязана его нарта, былъ недалеко. Какъ же онъ его не видѣлъ раньше? Духъ, боровшійся съ нимъ, ослѣплялъ его, закрывалъ знакомыя примѣты причудливыми бѣлыми тѣнями. Онъ поднялся съ земли и почувствовалъ себя легче. Схвативъ лисицу, онъ пустился почти бѣгомъ къ нартѣ, бережно завернулъ добычу въ ровдужный

*) Ушканъ — заяцъ Полярные зайцы бѣлые пушистые и большіе; такъ, что бываютъ случаи, что купцы принимаютъ ихъ за песцовъ, по ошибкѣ, въ темной избѣ и проч.

**) Сиводушка — низшій сортъ чернобурой; красивая лисица съ чернымъ крестомъ на спинѣ, съ чернымъ какъ смоль брюшкомъ — (стоитъ руб. 15 — 20).

чумъ, покрывавшій нарту, наладилъ собакъ и пустился назадъ къ рѣкѣ Омолону. Луна поблѣднѣла; края неба поблѣднѣли и опоясались розовой лентой. Однѣ звѣзды погасли, другія еще свѣтились, догорая, точно кто то живущій тамъ, въ воздушномъ просторѣ, жмурилъ свои безчисленные глаза и вновь открывалъ ихъ, борясь съ дремотой... Чей то лобъ (казалось суеѣрному юкагиру) просвѣтлѣлъ, чьи то очи улыбнулись, чьи то щеки покрылись румянцемъ... Это зоря, зоренька, о которой поется въ пѣснѣ!

Начался день; приключенія этой страшной ночи кончились. Василій вырвалъ добычу изъ рукъ коварнаго лѣснаго духа. Онъ былъ счастливъ; его воображеніе рисовало ему заманчивыя картины. Сколько пирушекъ, хороводовъ, „вечерокъ“ добылъ онъ себѣ и своимъ товарищамъ въ эту ночь! Онъ улыбнулся, окинулъ глазами родную землю, раскинувшуюся вокругъ него на необозримый просторъ, гикнулъ на собакъ, чтобы бѣжали рѣзвѣе, и запѣлъ:

У зори, у зореньки

Много ясныхъ звѣздъ,

А у темной ноченьки—

Имъ и счету нѣтъ!

Кто то, невидимый, парившій надъ нимъ въ высотѣ, подхватывалъ его пѣсню и разносилъ ее звучнымъ эхомъ по лѣсамъ, горамъ и ущельямъ юкагирской земли....

А. К.

(Продолженіе будетъ).

Изъ записной книжки.

Дорожные арабески.

1.

Убрано сѣно въ стога;

Осень иль позднее лѣто;

Но вся окрестность живетъ,

Зеленую яркой одѣта.

Бдемъ. Мелькаютъ кругомъ

Съ дѣтства родныя картины:

Села убогія, храмъ,

Рѣчки, поросшія тиной...

Вонъ собрались въ хороводъ
 Парни и дѣвки гурьбою;
 Праздничный день на селѣ;
 Пѣснь понеслася волною.

Звуки до сердца дошли,
 Дрогнуло вновь ретивое;
 Вспомнились юности сны,
 Время, давно прожитое...

Тѣ же ли пѣсни теперь,
 Тѣ-же-ль больные мотивы,—
 Удадь, въ которой порой
 Слышны тоски переливы?

Еслибъ мотивъ былъ иной,—
 Сердце-бъ, какъ встарь, не щемило.
 Нѣтъ еще силы такой,
 Чтобъ наше горе избыло!

II.

Ѣдемъ. Мелькаютъ кругомъ
 Съ дѣтства знакомыя лица:
 Вонъ неосѣдланный конь,—
 Баба на немъ иль дѣвица,—

Ухарски, лихо сидить—
 Любо смотрѣть. Стороною—
 Странникъ иль нищій—бредеть,
 Старый, въ лаптяхъ и съ сумою.

Тамъ вотъ чумазый народъ;
 Смѣхъ заразительно звонкій;
 Рожицъ замасленныхъ рядъ,
 Въ грязныхъ худыхъ рубашенкахъ.

Ноги босыя въ пыли...
 Но все наивностью дышетъ;
 Чисты желанья, мольбы;
 Богъ, имъ внимая, ихъ слышитъ.

Дѣтства священные дни,—
 Съ ними простился я рано,—
 Но вырастаютъ они
 Ярko опять изъ тумана.

Какъ были святы тогда
И помышленья, и грезы...
Вѣчно царила весна.
И распускалися розы...

Что-же теперь? Небосводъ
Тучи покрыли въ сплошную...
Душу-бъ найти хоть одну,—
Чистую душу, живую!

III.

Бдемъ. Иная страна,
Типы порядка иного:
Смуглая лица вокругъ—
Дѣти приволья степного.

Были когда-то они
Въ этомъ краю господами,
Но—прогнѣвился Аллахъ:
Судъ совершилъ надъ рабами.

И подчинились они
Волѣ пришельца-народа,
И позабыта давно
Ими былая свобода.

Только преданье одно
Память хранить иноземца:
Ждутъ появленья они
Въ мірѣ „святого“ младенца.

Въ немъ воплотится душа,
Будто-бъ, вождя Чингизъ-хана.
Сказка—преданье; но ей
Вѣритъ монголь—какъ ни странно...

.....

„Время придетъ—и оно
Будетъ, подобное чуду,
И водрузитъ Чингизъ-ханъ
Знамя побѣдное всюду!“

Всеволодъ Сибирскій.

На пути къ Томску изъ Тюмени.

(Изъ воспоминаній поверхностнаго туриста).

Вотъ уже десятый день, какъ мы на пароходѣ. Всюду,—въ каютахъ, на палубѣ, на рубкѣ,—чувствуется усталость, какое-то изнеможеніе, чуть не апатія. Не знаю, отъ утомленія-ли это продолжительностью пути или отъ жары, которая все усиливается по мѣрѣ приближенія полдня? Вѣроятно, отъ „всего вмѣстѣ“. Сажу на рубкѣ „въ тѣни“, за капитанской будкой, и оглядываю пассажировъ, лѣсистые берега, остеклѣвшую Обь. Кругомъ тишина, и только слышенъ ритмическій рокотъ водъ подъ колесами. Вдругъ свистокъ и—словно встрепенулась вся окрестность. Это вдали показалось село Калпашево, послѣдняя пристань на пути къ Томску. Минуть черезъ двадцать мы пристаемъ къ возвышенному берегу, на которомъ расположено село. Узнавъ, что здѣсь будетъ пріемка дровъ,—пароходъ, стало быть, простоятъ не мало,—я спускаюсь съ „Курбатова“ съ цѣлью пошататься по Калпашеву. Село оказалось чистенькимъ и, повидимому, зажиточнымъ. По крайней мѣрѣ, меня поразило въ немъ наружный достатокъ крестьянъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ убогихъ избушекъ, лачугъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ селеніяхъ Тобольской губерніи. Дома, въ большинствѣ, изъ прекраснаго толстаго лѣса, построены въ 4—5 и даже въ 6 комнатъ. Въ Колпашевѣ есть церковь и сельское училище, дворовъ—около 125-ти, занятіе населенія—хлѣбопашество и рыболовство.

По случаю страды въ селѣ почти иикого не было видно. Какихъ-то двѣ красныхъ рубахи плотничали на улицѣ, да какой-то старикъ велъ лошадь на водопой. Тамъ и сямъ изъ оконъ высовывались головы старухъ и долго глядѣли на мѣ вслѣдъ. Кое-гдѣ копались въ пыли ребятишки. Жара, однако, давала о себѣ чувствовать, и я, пройдя „улочку—другую“, поспѣшилъ возвратиться на берегъ и растянулся на пожелтѣвшей травѣ подъ сѣнью деревьевъ, гдѣ было и не такъ душно, какъ въ селѣ, и не такъ томительно, какъ на пароходѣ. И лежалъ, наблюдалъ сутолоку на пристани и вдыхалъ ароматъ лиственнаго лѣса, до тѣхъ поръ, пока „Курбатовъ“ не далъ знать свисткомъ, что пора отправляться. Минуть черезъ пятнадцать мы покинули Калпашево, съ его раскинувшимися въ окрестности лѣсами, лугами и нивами. Спустившись въ каюту, я оглядываю четырехъ новыхъ пассажировъ, сѣвшихъ въ Колпашевѣ и приготовляющихся играть въ карты. Возлѣ нихъ суется нашъ ветеринарный фельдшеръ.

— Не поддержите-ли компанію? обратился ко мнѣ какой-то франтъ:—отъ нечего дѣлать въ винтикъ по маленькой думаемъ сразиться.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не играю въ карты.

— Можетъ, закусите съ нами за компанію? Не угодно-ли коньяку рюмочку?

— Спасибо и за коньякъ. Положительно ничего не пью.

— Экій, право! Ну, рюмочку-то можно!..

Я категорически отказываюсь, и „любезный“ пассажиръ досадно чмокаетъ языкомъ. Черезъ нѣкоторое время оказывается, что за его „любезностью“ скрывались далеко не „любезныя“ цѣли. Когда я поднимаюсь въ „столовую“, ко мнѣ подходитъ одинъ изъ пассажировъ-томичей и говоритъ, что предлагавшій мнѣ играть въ карты—извѣстный въ Т—кѣ шулеръ, по прозвищу „Монашка“, который неоднократно высылался изъ Т—ка въ Н—мъ и который постоянно объегориваетъ въ карты пассажировъ.

— А кто-же тѣ, что сейчасъ винтятъ съ нимъ,—не знаете-ли?

— Это служащіе въ одномъ округѣ. Они этого шулера прекрасно знаютъ.

— Почему-же они съ нимъ въ карты играютъ?

— А ужъ объ этомъ нужно у нихъ спросить.

Въ то время, какъ я уничтожаю такъ вкусно приготовляемую на „Курбатовѣ“ стерляжью селянку, въ столовую вваливается человѣкъ десять съ „Монашкой“ во главѣ. и компанія принимается за штось.

— А что-же вашъ винтъ? спрашиваю фельдшера.

— Да роберъ сыграли и плюнули! Продуль шесть цѣлковыхъ! Теперь въ штосикъ попробую, авось повезетъ!

Поднимаюсь съ мѣста, давши глазами понять фельдшеру, чтобы онъ шелъ за мной. Фельдшеръ догоняетъ меня на палубѣ. Говорю ему, что рыжебородый франтъ—шулеръ, и совѣтую перестать играть въ карты, ибо этотъ шулеръ можетъ облапошить его и навѣрняка облапошить до послѣдней копѣйки. Но подвыпившій фельдшеръ только смѣется мнѣ въ отвѣтъ и, махнувъ рукой, торопится въ столовую, куда возвращаюсь за нимъ и я. Не проходитъ и десяти минутъ, какъ фельдшеръ проигрываетъ 50 руб., какой-то пиджакъ—10 руб., какая-то сѣдая борода изъ палубныхъ пассажировъ—6 руб. Деньги выигрываетъ банкометъ—шулеръ. Вдругъ въ столовую влетаетъ, какъ бомба, капитанъ и, не говоря худого слова, съ какимъ то остервѣненіемъ схватываетъ карты и бросаетъ ихъ чрезъ окошко въ рѣку. И давай кричать, что на пароходѣ азартныя игры воспрещены, и что онъ составить протоколъ на игравшихъ въ штось. Очевидно, капитану „дали знать“. Игроки подъ шумокъ испаряются; спѣшить рети-

роваться и „Монашка“, и только фельдшеръ протестуетъ, размахивая руками передъ капитанскимъ носомъ и буквально потрясая воздухъ рѣзкими фразами о царящемъ на пароходѣ произволѣ. Капитанъ вступаетъ съ нимъ „въ диспутъ“, грозя немедленно же высадить его на берегъ, если онъ не перестанетъ шумѣть. Угроза, повидимому, охлаждаетъ фельдшера. Дѣло кончается тѣмъ, что фельдшеръ обѣщаетъ „показать“ капитану, кто онъ такой, а капитанъ фельдшеру, кто онъ такой. Какъ-бы то ни было, но протокола капитанъ почему-то не составилъ, и объегориваніе „Монашкой“ пассажировъ такъ и осталось не наказаннымъ. А жаль. Въмѣсто того, чтобы кричать и прибѣгать къ произволу, капитану слѣдовало-бы законнымъ порядкомъ проучить шулера, тѣмъ болѣе, что тутъ находились лица, хорошо знавшіе „Монашку“ и предлагавшіе капитану свои услуги въ качествѣ свидѣтелей. Послѣ инцидента штоссъ продолжался въ отдѣльной каютѣ, гдѣ помѣщалась дѣвушка, взятая фельдшеромъ „для развлеченія“ въ Демьянскѣ. Говорили, что въ концѣ-концовъ фельдшеръ и „компанія“ продули „Монашкѣ“ болѣе 200 рублей, но тотъ утверждалъ, что выигралъ „значительно меньше“. Администраціи плавающихъ по р.р. Западной Сибири пароходовъ слѣдовало-бы подумать о принятіи болѣе радикальныхъ, чѣмъ выбрасываніе въ рѣку картъ, мѣръ для прекращенія азартныхъ игръ среди пассажировъ. Вѣдь, у почтенныхъ шулеровъ, всегда катающихся, какъ говорятъ, изъ Томска до Колпашева „и обратно“, по всей вѣроятности, всегда найдутся карты „въ запасѣ“.

Подъ вечеръ, когда зной спалъ, я вышелъ на рубку и почти не сходилъ съ нея до поздней ночи. На берегахъ, сплошь окутанныхъ разнообразной зеленью сосны, кедра и березъ, изрѣдка показывались крохотныя деревушки, пріютившіяся обыкновенно гдѣ нибудь возлѣ лѣса. Какою теплотой и кротостью вѣяло отъ нихъ! Какими уютными и счастливыми глядѣли онѣ на насъ, порою изъ-за великановъ-кедровъ, въ глубокомъ раздумьѣ склонившихъ надъ ними свои вѣковые головы! Казалось, будто онѣ не знакомы ни съ нуждою, ни съ горемъ, ни съ страданіемъ, будто у нихъ нѣтъ зла, и жизнь течетъ тихо, спокойно, благополучно. Но... ахъ! Это только казалось, и казалось очень недолго, потому что въ голову тотчасъ же лѣзли мысли о дѣйствительности сибирской деревни,—мысли безпокойныя и непрошенныя. И въ душѣ поднимались тяжелыя чувства, долго давившія грудь и долго „мѣшавшія“ углубиться въ созерцаніе такъ любимыхъ мною красотъ матери-природы...

Сегодня дуетъ сильный южный вѣтеръ прямо намъ на встрѣчу. Мощно бсрется пароходъ съ сердитыми, пѣнящимися волнами, обдающими серебряною пылью носъ „Іустина Курбатова“. И кажется, будто эти грозные валы, съ шумомъ и ревомъ разби-

вающіеся на миллионы частей о бортъ парохода, стараются во что-бы то ни стало захлестать его и потопить въ рѣчной пучинѣ. Медленно-медленно подвигаемся мы впередъ. Около полудня глазу открывается стеклодѣлательный заводъ умершаго томскаго богача, купца Королева, расположенный на устьѣ Томи. Пароходъ на-прягаетъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе выбраться въ Томь, гдѣ волна не должна быть такою могучей и грозной, какъ на Оби. Нѣсколько схватокъ разбушевавшейся стихіи, нѣсколько нервныхъ вздрагиваній парохода—и мы, откланявшись величаво-могучей Оби, такъ потрепавшей насъ сегодня, поворачиваемъ, слегка покачиваясь, въ Томь.—рѣку, сравнительно незначительную и судоходную всего лишь на 53 версты отъ устья. Вода въ Томи значительно чище, свѣтлѣе Обской и по своему цвѣту напоминаетъ воду въ Тоболѣ. Направо—плоскій берегъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ, налѣво—возвышенный, покрытый березнякомъ и тальникомъ, среди котораго и пріютился стеклодѣлательный заводъ, т. е. съ десятокъ обыкновеннаго сибирскаго типа бревенчатыхъ домовъ. Съ Томскомъ заводъ соединенъ телефономъ. Въ Томи насъ не качаетъ. Хотя по рѣкѣ и несутся волны, но уже не столь грозныя, какъ на Оби. И мы довольно быстро плывемъ противъ волнъ и теченія. Пейзажъ—достаточно плоскъ и однообразенъ. Вдоль лѣваго берега рѣки тянется песчаная или иловатая полоса земли, за которой гдѣ-то далеко синѣютъ лѣса; съ праваго возвышеннаго берега глядятъ на насъ молодыя березы. Вотъ изъ-за нихъ показалась деревушка, за ней вдали другая. И чѣмъ далѣе подвигаемся мы впередъ, тѣмъ чаще выглядываютъ изъ зелени верхушки церквей и домиковъ. Повидимому, правый берегъ Томи заселенъ довольно плотно. Какой-нибудь часъ-другой мы плывемъ полнымъ ходомъ посрединѣ рѣки, но вотъ показываются бѣлые и красные баканы, и лоцмана начинаютъ глядѣть „въ оба“.

— Видно, въ деревнѣ Бѣлобородовой пересадка будетъ. Нынче Томь шибко обмелѣла,—не добратся до Томска „Курбатову“,—говоритъ лоцманъ.

— Неужели еще предстоитъ намъ пытка?

— Въ Бѣлобородовой видно будетъ. Отъ нея до Томска обнаковенно маленькіе пароходы бѣгають, а большіе, какъ нашъ, только въ половодье ходятъ.

— А сколько верстъ отъ нея до Томска?

— Одинадцать, а отъ устья до нея пятьдесятъ слишкомъ.

— Пристань въ Томскѣ возлѣ самаго города?

— Нѣтъ, въ шести верстахъ, мѣстность Черемошинками прозывается, тамъ доведется вамъ извозчика нанимать. Рупь берутъ, цѣна установлена.

— Малый ходъ! раздаётся въ это время приказаніе капитана:— самый малый. Матросъ то и дѣло опускаетъ водомѣрный шестъ въ воду:

— 7^{1/2}! 7! 6! 8! 6!..

Мы лавируемъ между баканами, какъ между Сциллой и Харибдой. Фарватеръ въ Томи удивительно извилистъ. Порою „Іустинъ Курбатовъ“ почти перпендикулярно поворачивается къ берегу и осторожно проходитъ между зловѣщими мелями, бѣлѣющими подъ водою, и потомъ возлѣ самаго берега медленно пробирается далѣе. Вспоминается Тура съ ея перекатами, и кажется, будто мы снова на ней. Вблизи какой-то деревушки, гдѣ фарватеръ рѣки пошире и поглубже, насъ перегоняетъ небольшой американскаго типа трехпалубный пароходъ „Евгеній“, бѣленькій, чистенькій, бойко подвигающійся впередъ. Мы съ завистью глядимъ ему вслѣдъ: скоро онъ будетъ въ Томскѣ, а намъ еще предстоятъ пытки и пытки. Спрашиваю матроса, между какими городами рейсируетъ „Евгеній“?

— Между Барнауломъ, Бійскомъ и Томскомъ.

— И много здѣсь пароходовъ американскаго типа?

— Нѣтъ, всего одинъ „Евгеній“.

Послѣ благополучнаго минованія цѣлаго ряда „перекатовъ“, „Курбатовъ“, наконецъ, добирается около 4 ч. дня до дер. Бѣлобородовой, возлѣ которой пристаётъ къ борту маленькаго парохода „Бѣлевца“, стоящаго у пристани. На берегу суетится народъ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ пристани поднимается высокій и крутой голый обрывъ, на верху котораго расположенъ довольно красивый двухъэтажный домъ, окаймленный густою зеленью. Видны и какія-то другія постройки. Противоположный лѣвый берегъ—низменный. Тамъ и сямъ по широкому раздолью пожелтѣвшей на солнцѣ площади разбросаны кустарники, межъ которыми кое-гдѣ выются протоки. Вдали виднѣются лѣса, идущіе полукругомъ по самому небосклону. Нашъ капитанъ спускается по трапу на „Бѣлевца“, и черезъ нѣкоторое время извѣщаетъ насъ оттуда о пересадкѣ. Дѣлать нечего, нужно идти въ каюту за вещами. На „Курбатовѣ“ поднимается суматоха, толкотня, чуть не давка. Пассажиры почему-то торопятся перейти на „Бѣлевца“, отдавливаютъ другъ-другу ноги, волнуются, „язвятъ“ одинъ другого...

— Куда лѣзешь на голову, язви тебя въ горло! Осади!..

— Охъ, батюшки-свѣты, задушатъ, вотъ тѣ Христось аминь! Помоги Царица Небесная, Пресвятая Богородица, Матерь Божія!

— Митька, слышь, Митька! Сыль сперва струменты, а послѣ ужъ... ахъ, язви его! гдѣ-же стерлядки-та, а? Пропали, ей-ей, нѣтука! Вотъ тѣ и гостинецъ! Капитанъ, господинъ капитанъ, стерлядки-та у меня свиснули!..

— А у меня мѣшокъ съ лопотью, господа, мѣшокъ съ лопотью... али онъ у тебя ужъ!.. Тьфу, въ глазахъ, слышь, Микитичъ, помутило!..

Одна барыня зоветъ дискантомъ носильщика (откуда-бы ему взяться здѣсь)! Другая вторитъ ей альтомъ что-то... Третья—нагруженная цѣлой дюжиной картонокъ, узелковъ и ридикюлей—спѣшитъ протискаться чрезъ толпу, энергично работая и руками, и ногами... Я гляжу на нее и невольно улыбаюсь.

— Чаво подъ микитки тычешь-то! Чай, не слуга тебѣ, полегче! Ишь, заретивилась!

— Аркадій Иванычъ, а Аркадій Ивановичъ! Украти, пожалуйста, этого нахала, иди сюда, здѣсь оскорбляютъ!..

— Какое тебѣ тутъ укрощеніе!.. Я не лева, чтобы укрощать, а подъ микитки лупить нечего, да-а!

Я довольно долго, стоя на рубкѣ, наблюдаю суматоху и, когда „Курбатовъ“ пустѣетъ, съ помощью матроса переносу на „Бѣлевца“ свои вещи. На „Бѣлевцѣ“ сущее столпотвореніе. Вся его крохотная палуба завалена корзинами, чемоданами, тюками, пассажиры буквально одинъ на другомъ. Единственная „общая“ каюта отведена для дамъ, биткомъ набившихся въ ней. Матросъ укладываетъ мои вещи на маленькой рубкѣ, съ которой сильный вѣтеръ чуть не сбрасываетъ ихъ на палубу. Проходитъ еще нѣсколько минутъ въ суматохѣ, бѣготнѣ и протестахъ недовольныхъ пассажировъ и, наконецъ, свистокъ, другой, третій, „Курбатовъ“ на сажень отплываетъ отъ насъ, и „Бѣлвецъ“, скрипя и вздрагивая, трогается въ путь. На замѣчаніе, что при такомъ количествѣ пассажировъ и груза поѣздка на „Бѣлевцѣ“ слишкомъ опасна, насъ успокаиваютъ:

— Бояться, господа, нечего! Пароходъ крѣпкій, выдержитъ. Ну, а если на мель засядемъ, такъ ужъ что подѣлаете? На Томи, вѣдь, это не трудно...

Подвигаемся мы впередъ до тошноты медленно. Напрасно „Бѣлвецъ“ отчаянно пыхтитъ и со злобой всклокачиваетъ пѣну своими колесцами, стараясь поскорѣе дотащить до Черемошинской пристани! Онъ все-таки ползетъ, какъ черепаха, почти до окошекъ каюты погруженный въ воду. А рѣзкій вѣтеръ такъ и свищетъ по палубѣ, пронизывая пассажировъ до мозга костей. Предъ нами баканы чуть не на каждомъ шагу. Матросъ не перестаетъ опускать водомѣрный шестъ въ воду.

— Господа, Томскъ показался! Слава Богу, скоро конецъ нашимъ мытарствамъ! раздается вдругъ на палубѣ чей-то радостный женскій голосъ.

— Показался-то показался—замѣчаетъ кто-то,— да вотъ погодите, еще чего добраго какъ разъ передъ самымъ Томскомъ на мель сядемъ.

Вдали, на правомъ высокомъ берегу Томи, чуть-чуть виднѣются верхушки томскихъ церквей. Заволакивающіе землю сумерки мѣшаютъ разглядѣть въ бинокль сѣрѣющія вблизи ихъ строенія. Ясно видны только одни лѣса, тянущіеся во лѣ самаго города. И издали кажется, будто Томскъ прячется отъ него въ темной зелени. Поворачиваемъ за излучину и на нѣкоторое время городъ скрывается изъ глазъ. Говорятъ, что до Черемошниковъ уже недалеко, Богъ дастъ доплывемъ благополучно. И, дѣйствительно, минутъ черезъ пятнадцать показывается Черемошинская пристань, и „Бѣлевецъ“ даетъ продолжительный свистокъ. Пассажиры начинаютъ суетиться и отъ радости нѣкоторые чуть не скачутъ. Черезъ какихъ-нибудь полчаса уже можно будетъ отдохнуть въ Томскѣ послѣ продолжительнаго и утомительнаго пути. Вѣдь, мы проплыли 2219 верстъ, и какимъ только пыткамъ не подвергались въ дорогѣ!

— Стопъ! раздается команда капитана... Матросы бросаютъ канаты. На пристани насъ встрѣчаетъ цѣлая полпа томичей. Наконецъ-то!...

Маркъ Квитка.

Александръ, возчикъ прокаженныхъ.

(Очеркъ изъ жизни прокаженныхъ дальняго сѣвера).

I.

Снѣжная буря начиналась на озерѣ Долголахъ.

Пустынно это озеро и затеряно въ лѣсахъ, на краю тундры. Деревья здѣсь низки, сучковаты; они растутъ изъ глубокихъ болотъ, мѣстами черныхъ, какъ смола, мѣстами поросшихъ зеленовато-сѣрымъ мхомъ; круглыя обгорѣлыя кочки, увѣнчанныя пучками жесткой травы, глядятъ изъ него и колышутъ косматыми верхушками, похожими на взъерошенныя головы троглодитовъ. Въ этихъ болотахъ, которыя тянутся на десятки и сотни верстъ, отъ озера до озера, — много мертвыхъ деревьевъ, обгорѣлыхъ, сваленныхъ бурей, подгнившихъ, покачнувшихся въ сторону и опирающихся о землю поломанными вѣтвями. На трупахъ товарищей растутъ новыя деревья, низкорослыя и кривыя, но полныя жизненныхъ соковъ, высасываемыхъ изъ болотъ. На возвышеніяхъ почва суше и тверже, деревья выше и стройнѣе. Это все — лиственницы живучія, выносливыя и крѣпкія какъ сталь. Зимой они голы, какъ высохшія прутья сухостойнаго лѣса; лѣтомъ покрыты нѣжными пахучими лепестками. Лѣтомъ, зелень лѣсовъ, зелень болотъ, блескъ воды,

пестрыя головки цвѣтовъ, качающихся по лужамъ, крики птицъ, сіяніе солнца, почти не покидающаго горизонта и пылающаго зарей въ глубинѣ небесъ и въ глубинѣ озеръ, — оживляютъ пустыню.

Но зимой — печальны берега озера Долголахъ! Здѣсь нѣтъ движенія, цвѣтовъ, красокъ и блеска, почти нѣтъ жизни. Все бѣло и пусто все молчитъ: лѣса и снѣга, и небо. Только буря нарушаетъ, по временамъ, это молчаніе.

Буря поднялась гдѣ то далеко, на берегахъ сѣвернаго моря; мигомъ пронеслась она по тундрѣ, сыпля снѣгомъ, обнажая холмы, засыпая долины, сваливая палатки номадовъ, и ударилась о край лѣсовъ, отдѣляющихъ землю якутовъ отъ земли чукчей. Затрещали деревья, закачали вершинами, съ жалобнымъ звономъ ударяясь вѣтвями о вѣтви. Буря сорвала съ деревьевъ ихъ бѣлый уборъ, которымъ еще недавно щеголяли они, въ лучахъ луны, обратила его въ мутное облако сыпучаго снѣга и перекинула на озеро Долголахъ.

Озеро потонуло въ облакѣ, закрывшемъ небо, недавно еще синее и ясное, грезившее о звѣздной ночи... Стало пасмурно: лѣса, снѣга и небо слились въ одну бѣлую мутную громаду...

Но въ этой мути, наполнившей пустыню, блеститъ нѣсколько яркихъ точекъ. Онѣ гаснутъ и снова загораются, какъ бы блуждая по берегамъ озера въ порывахъ вѣтра, въ бурной мглѣ вечера. Не волчьи-ли это очи свѣтятъ въ сугробахъ? Но свѣтлыя точки слишкомъ велики...

Это — льдины оконъ, освѣщаемыхъ огнемъ камельковъ. На берегу озера — нѣсколько юртъ и въ нихъ живутъ люди. Каминны пылаютъ въ юртахъ, сыплютъ искрами по воздуху. Освѣщенные окна пронизываютъ мглу бурнаго вечера; колеблющимися свѣтлыми точками заглядываютъ на средину озера.

Берега озера Долголахъ не совсѣмъ пустынны. Войдемъ въ одну изъ юртъ.

Это обыкновенная якутская юрта съ темными наклонными стѣнами изъ бревенъ, поставленныхъ вертикально, навалившимися грудью на поддерживающіе ихъ четыре столба и перекладыны. Между стѣнами и столбами тянутся досчатые полати, называемыя „оронами“, застеленныя шкурами, заваленныя мѣховой ветошью, среди которой бѣлый заячій мѣхъ играетъ главную роль. Спальня хозяевъ на тѣхъ же полатяхъ, у лѣвой стѣны, отдѣлена грязной, потерявшей отъ времени узоры, ситцевой занавѣсью; на перекладинѣ въ красномъ углу — почернѣвшая мѣдная икона съ огаркомъ восковой свѣчи на деревянной подставкѣ съ зарубками; рядомъ — черная доска, испещренная точками и крестами. Она изображаетъ изъ себя якутскій календарь: дни мѣсяцевъ на немъ изображены точками, а празд-

ники крестами; дни, важные почему либо въ жизни и въ дѣлахъ хозяевъ, обозначены воткнутыми колышками. Въ углу подъ образомъ — небольшой столъ и два низенькіе, сдѣланные изъ тальнику, тебурета. Земляной полъ юрты грязенъ, но сегодня онъ устланъ зеленой, колѣнчатой травой, которую косятъ по верхъ льда; она пахнетъ сыростью и водорослями. Въ небольшихъ окнахъ — бѣлыя льдины; въ углахъ стѣнъ — бѣлые „зайцы“ отъ мороза, по пазамъ бревенъ; въ щели закопченнаго потолка глядятъ въ юрту куски земли, глины и стебельки завядшаго бурьяна.

Тѣсно, грязно и темно.

Но вотъ въ каминъ, тлѣвшій углями, подложили дровъ, и картина мгновенно измѣнилась.

Огонь запылалъ и оживилъ убогое жилище: темныя стѣны озарились пламенемъ; полосы снѣга, проступившія на стѣнахъ, засеребрились, заблестали искорками; отраженія пламени забѣгали по льдинамъ оконъ красноватыми колеблющимися огоньками; почернѣвшая мѣдь иконы сверкнула полуистертой позолотой; сѣти изъ конскаго волоса, висящія въ черномъ углу у двери и походившія на какую то рвань неопредѣленнаго цвѣта, засвѣтили бѣлизной тальничныхъ дугъ и камешковъ, замѣнявшихъ грузила и поплавки изъ коры.

Большой деревянный и обмазанный глиной каминъ широко раскрывалъ свои огненные объятія, какъ бы благословляя жилище и все живое въ немъ. Онъ трещалъ, мурлыкалъ какія-то непонятныя загадочныя рѣчи, сыпалъ искрами на шестокъ, на зеленую траву пола, отвѣчавшую шипѣньемъ на ласки огня, золотилъ стѣны, какъ бы собиравшіяся упасть въ его пламя.

Огонь озарилъ и лица людей, находившихся въ юртѣ. Но почему-же онъ, сдѣлавшій тѣсную, грязную юрту, просторной, уютной и чистой, — такъ обезобразилъ лица ея жильцовъ? На огонь, казалось, глядѣли не живые люди, а живые трупы: лица блѣдныя, безкровныя, глаза глубоко ввалившіеся въ орбиты, вмѣсто носовъ — темныя впадины; вмѣсто губъ — остатки губъ; вмѣсто щекъ — рубцы и язвы...

У камина сидѣла женщина, похожая на привидѣніе: вмѣсто лица — бѣлый, сплошной струпъ, неподвижный какъ маска. Она повернулась къ огню и лучи освѣтили улыбку на ея лицѣ, блѣдныя десны и зубы... Улыбка, казалось, застыла на ея окаменѣломъ лицѣ, страшная улыбка, вызванная отсутствіемъ губъ! Изъ подъ опухшихъ бровей глядѣли темные глаза. Глаза не выражали страданья, были довольно веселы и радостно смотрѣли на огонь. Они повернулись къ полатамъ и какъ-то лукаво прищурились; зубы раскрылись и пропустили хриплый, клокучущій голосъ. Онъ звучалъ глухо и, казалось, выходилъ откуда-то изъ за плечъ говорившей или изъ дальняго угла юрты.

— Дай-ка покурить Уйбанъ *).

Привидѣніе протянуло руку къ палатамъ; на рукѣ не было двухъ пальцевъ. Другая рука, покоившаяся на колѣнахъ, была искривлена въ кисти.

Другое существо, сидѣвшее на полатахъ и одѣтое въ оленьи, облѣзшія мѣстами, шкуры, на голое тѣло, съ блѣднымъ лицомъ, — подало женщинѣ кисеть. Женщина набила трубку табакѣмъ и, съ видимымъ удовольствіемъ, собиралась курить.

— Вотъ покуримъ, прохрипѣла она, славный табакъ, хороший табакъ!

Она зажгла лучину и, закуривъ, передала ее существу, сидѣвшему на полатахъ.

Это былъ мужчина, довольно высокаго роста, но согбенный, почти горбатый... Руки у него были здоровы, но одна нога отсутствовала до кисти и вмѣсто нея была привязана деревянная колодка. Облѣзшая, почти лишенная волосъ, голова свѣтилась въ лучахъ камелька, какъ черепъ скелета.

Они закурили съ наслажденіемъ. Дымъ клубами выходилъ у нихъ изъ ртовъ и дыръ, замѣнявшихъ носы.

Наступило молчаніе въ юртѣ, лишь слышались пыхтѣніе трубокъ и трескъ огня.

Въ это время уголь ситцевой занавѣски, закрывавшей лѣвый „оронъ“, заколебался, приподнялся и показалось лицо третьяго обитателя юрты. Лицо было молодое и не страшное, почти ничѣмъ не отличавшееся отъ лица здороваго человѣка; только брови были немного припухшіе и на щекахъ — какія-то темноватыя пятна, похожія на лѣтній загаръ. При пристальномъ осмотрѣ лица, бросалось въ глаза какое-то странное, неподвижное выраженіе его.

— Мама, давай мнѣ трубку!

Голосъ третьяго обитателя юрты не пріобрѣлъ еще хриплаго, замогильнаго тембра, свойственнаго прокаженнымъ, и былъ довольно звученъ.

— Вставай, лѣнтяй, и иди сюда. Сегодня къ намъ будутъ гости. Ты знаешь, сынокъ, какой сегодня вечеръ? Завтра — тангара **).

— А пищи у насъ мало, проговорилъ мужчина въ шкурахъ, охъ, какъ мало! Пожалуй, на праздникъ не хватитъ. Табакъ еще не вышелъ, а рыбы нѣтъ, молока нѣтъ... Забыли про насъ, забыли...

Третій обитатель вышелъ изъ за занавѣски. Онъ былъ почти голый. Накинувъ на себя потертую рубаху изъ оленьей кожи,

*) Уйбанъ — такъ якуты произносятъ имя Иванъ

**) Тангара — богъ, по якутски; въ переносномъ смыслѣ значить — праздникъ.

онъ подошелъ къ камину и грѣлъ руки, приговаривая: „ча, ча!“. Этимъ звукомъ якуты выражаютъ ощущение холода. Это былъ мальчикъ лѣтъ 15, очень тощій и очень слабый. Ноги его были тонки какъ жерди, а животъ — большой и вздутый.

— И мнѣ покурить, мама!

Это произнесъ совсѣмъ свѣжій и звонкій дѣтскій голосокъ, и въ тотъ-же мигъ, изъ за полога, показалась полная, краснощекая дѣвочка, лѣтъ десяти.

Лицо ея было свѣжее, румяное; глаза — черные, блестящіе и живые какъ у звѣрька. Она побѣжала къ камину, разбрасывая траву своими босыми ножками, почти выхватила у матери трубку и затянулась.

Парень съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на нее, какъ бы собираясь бранить ее. Но отецъ протянулъ ему свою трубку и вся семья погрузилась въ блаженство. Трубка поочереді переходила изъ, обезображенного мертвенной гримасой смѣха, рта женщины, въ свѣжія румяныя губы дѣвочки. Трубка поочереді окутывала дымомъ то безносое, блѣдное лицо старика, то молодое, еще нормальное лицо подростка.

— Однако, пора варить чай... для гостей, сказала женщина.

Дѣвочка вышла въ сѣни и принесла оттуда кусокъ льда. Она проворно рубила его топоромъ и, откалывая небольшіе кусочки, наполнила ими черный, закопѣлый чайникъ и желѣзный котелъ. Обѣ посуды были приставлены къ огню.

— Ты думаешь — они придутъ? спросилъ мужчина, обращаясь къ женѣ.

— Если не умерли — придутъ. Завтра праздникъ и надо помолиться Богу. А гдѣ помолиться, какъ не въ домѣ самаго почетнаго и богатаго человѣка Уйбана, бывшего князя? *).

— Да, бывший князь!... Я сколько добра имъ дѣлалъ, платилъ за нихъ ясакъ и повинности, а они загнали меня въ болотную трущобу. Почему? Потому, что Богъ послалъ на меня болѣзнь. И Богъ наказываетъ и люди наказываютъ... Хоть бы пищу-то привозили исправно, а то голодомъ морятъ. А мало-ли моего добра забрали эти мои родственники? Общество — сила: прикажетъ — такъ и съ голоду умрешь. Ничего не подѣлаешь!.. Не привезутъ намъ пищу къ празднику. Слышишь, какая буря завывала?..

Неподвижное лицо говорившаго было спокойно, но голосъ выражалъ печаль и страданіе.

— Не печалься огонерь! **) Люди оставили насъ, но Богъ не оставилъ. Онъ пошлетъ намъ такого человѣка, который не по-

*) Князьями якуты сѣверныхъ округовъ называютъ своихъ выборныхъ головъ, старшинъ, старостъ, которые всегда выбираются изъ почетныхъ людей.

**) Огонерь — старикъ; почетная кличка.

боится бури. Не будемъ голодать въ праздники. Я такъ думаю по моимъ примѣтамъ. А мои примѣты всегда говорили правду. — И пищи не привезутъ, и наши сосѣди не придутъ въ этакую страсть.

Въ это время буря ударила о юрту и засыпала ее мерзлымъ снѣгомъ. Казалось, что по стѣнамъ и льдинамъ заскребли тысячи чьихъ то когтей, что кто-то завылъ подъ дверями и побѣжалъ по крышѣ. Дрова въ каминѣ зашипѣли отъ комьевъ снѣга, попавшихъ въ трубу, а одно полѣно выпало на полъ отъ дуновенія вѣтра.

— Ишь, какъ швыряетъ! проговорилъ старикъ. Это колдуны, души шамановъ лѣтять изъ тундры въ лѣса.. Летятъ и бѣсятся по дорогѣ. Будетъ у нихъ собраніе... бесѣда на горахъ Алазейскаго хребта *). Не будетъ намъ пищи, не будетъ.

Въ досадѣ онъ поковылялъ черезъ юрту и легъ на полати, стуча своей деревянной колодкой.

Въ юртѣ опять воцарилось молчаніе.

Здѣсь жила семья прокаженныхъ. Озеро Долголахъ служило убѣжищемъ отверженныхъ людей. Имъ выстроили юрты и эти юрты переходили отъ умершихъ къ новымъ больнымъ. Онѣ были ветхи, ушли въ землю и грозили паденіемъ. Общество не перестраивало ихъ, почти не поправляло ихъ. Не одно поколѣніе больныхъ ожидало смерти и коротало скучные дни въ этихъ убогихъ юртахъ. Прокаженные поддерживали ихъ какъ могли: подпирали стѣны стволами лиственницъ, покрывали отъ дождя корой и дерномъ, засыпали земляными завалинами. Рядомъ, на берегу озера, въ рыхлой почвѣ, образовавшейся отъ сгнившихъ деревьевъ и кочекъ,—было ихъ кладбище. Оно было близко къ жилищамъ, чтобы отверженнымъ было удобнѣе хоронить своихъ покойниковъ.

Безмолвно, какъ мертвецы вставшіе изъ гробовъ, выходили они изъ юртъ, медленно ковыляя своими кривыми, изувѣченными ногами,—проводжали въ могилу своихъ товарищей. Солнце ярко и безучастно освѣщало картину величайшихъ бѣдствій и страданій, какія только могутъ поразить организмъ людей на землѣ. Эти омертвѣлыя, покрытыя ранами лица, эти, едва прикрытыя грязною ветошью, тѣла съ мясомъ, отваливающимся отъ костей, эти зіяющія дыры вмѣсто рта и носа, остатки пальцевъ на посинѣвшихъ рукахъ, ноги, изувѣченныя и обезображенныя привязанными къ нимъ неуклюжими деревяшками... Солнце свѣтило и грѣло и не посылало прокаженнымъ смерти; вода безучастно колыхалась въ озерѣ, кипѣла волнами, искрилась въ лучахъ и

*) Алазейскій хребетъ—вблизи рѣки Алазеи, между рѣками Индигиркой и Колымой.

не поглощала этихъ несчастныхъ... А деревья привѣтливо кивали вѣтвями, давали имъ тѣнь, запахъ и тепло, какъ и всѣмъ здоровымъ людямъ...

Общество здоровыхъ людей загнало сюда своихъ больныхъ членовъ и почти бросило ихъ безъ призора. Изрѣдка навѣдывались къ нимъ здоровые люди, привозя пищу; они не входили въ жилища отверженныхъ, а останавливались далеко отъ юртъ и оставляли на землѣ пищу.

Иногда общество, вмѣстѣ съ больными родителями, селило въ поселкѣ прокаженныхъ ихъ здоровыхъ дѣтей,—потому-ли, что считало ихъ уже зараженными, или потому, что родственники или посторонніе не хотѣли пріютить ихъ. Оттого здоровая, краснощекая дѣвочка, дочь Ивана, жила въ поселкѣ прокаженныхъ, въ одной юртѣ со своими больными родителями. Они разлагались заживо и медленно умирали, но это не мѣшало ей любить ихъ...

Какъ ни заброшена и печальна была жизнь этихъ людей, но и въ ней бывали свои радости. Сегодня вечеромъ больные—все населеніе береговъ озера отверженныхъ, способное еще держаться на ногахъ,—соберется въ юртѣ Ивана. Они будутъ вмѣстѣ молиться и встрѣчать праздникъ, поужинаютъ вмѣстѣ и подѣлятся своими мыслями,—мыслями отверженныхъ, погребенныхъ въ лѣсахъ, оторванныхъ отъ всего живаго, людей....

Отворилась дверь въ юрту и показалось въ ней лицо одного изъ ожидаемыхъ семьей Ивана гостей.

Это было лицо съ носомъ и губами, но все изрѣзанное глубокими морщинами и опухолями, дѣлавшими кожу шероховатой, какъ кора стараго дерева.

Гость поклонился хозяевамъ, по якутскому обычаю, кивнувъ головой нѣсколько разъ.

— Здорово, тайонъ, капсе? *), произнесъ онъ глухо, повернувъ лицо къ полатамъ, гдѣ лежалъ Иванъ, и въ то же время протягивая руку къ хозяйкѣ, за табакомъ.

Набивъ трубку и закуривъ, онъ сѣлъ въ передній уголъ около низенькаго стола. Курилъ онъ жадно, какъ человѣкъ, давно уже не испытывавшій этого наслажденія; онъ втягивалъ въ себя дымъ очень быстро, почти безъ передышки.

— Кури, Багилей, приговаривала хозяйка, славный табакъ, хорошій табакъ!

Послышались шаги у дверей и въ юрту вошло сразу четыре человѣка, въ оленьихъ шкурахъ и въ торбасахъ изъ оленьихъ лапъ **). Вслѣдъ за ними вошло еще трое: безногій мужчина, вползшій на колѣняхъ и двѣ женщины. Одна была окутана

*) Здравствуй, господинъ, поговаривай?

**) Зимняя обувь колымскихъ жителей; по тунгузски—унты.

заячьимъ одѣяломъ, другая въ ровдужной рубахѣ и въ высокой шапкѣ, опушенной бобромъ, и съ чернымъ плисовымъ верхомъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, гости разсѣлись по сторонамъ и огонь, охватившій пламенемъ новый запасъ дровъ, поставленный въ каминъ краснощекой дѣвочкой,—освѣтилъ ихъ лица. Казалось, что колеблющееся, бѣгающее по стѣнамъ юрты пламя, освѣщало сонмъ какихъ то подземныхъ гномовъ, безобразныхъ страшилищъ, грѣющихся у адскаго костра; оно какъ бы показывало въ волшебномъ фонарѣ картины всевозможныхъ увѣчій и язвъ, разрушающихъ человѣческое тѣло. Здѣсь смѣялось, въ лучахъ камина, лицо скелета съ живыми глазами въ орбитахъ; тамъ озарялось пламенемъ опухшее лицо, похожее на львиную морду, дальше рука безъ пальцевъ, нога, отвалившаяся по колѣно; кости, обнаженные отъ мяса на живомъ тѣлѣ, язвы, опухоли, струнья....

Но и это собраніе калѣкъ и увѣчныхъ, стоявшихъ на порогѣ могилы, искало общенія съ себѣ подобными, развлеченія и радости.

— Садитесь гости, поговаривайте, что слыхали, что видали, *) сказала хозяйка.

— Ничего не видали, не слыхали, отвѣчали гости.

— Поднялась буря, сильная пурга: всѣ лѣсные духи слетѣлись на наше озеро къ хозяину мѣста **) и воютъ. Однако не привезутъ намъ пищи сегодня, а можетъ быть завтра. Что ѣсть будемъ? рыбы нѣтъ, молока нѣтъ.

Вопросъ о пищѣ волновалъ все селеніе прокаженныхъ.

— Мы лишены всего: стадъ и покосовъ, родныхъ и сосѣдей и не можемъ входить въ ихъ дома. А насъ еще морятъ безъ пищи...

— Что намъ осталось? Терпѣливо ожидать смерти... Но пока она придетъ, одна радость для насъ—поѣсть, попить и покурить...

Такъ жаловались на свою судьбу прокаженные.

Это имъ, наконецъ, надоѣло и они стали говорить о такихъ предметахъ, которые могли имѣть значеніе не только для нихъ, но и для здоровыхъ людей: о погодѣ, объ урожаѣ сѣна, объ уловѣ рыбы, о звѣриномъ промыслѣ, о томъ, сколько медвѣдей шаталось подъ осень въ тайгѣ. Они вспоминали старое время, когда они еще жили въ обществѣ здоровыхъ людей. Потомъ они стали сводить свои личные счета и взаимныя недоразумѣнія и даже сплетничали другъ на друга.

*) „Что видаль, что слыхаль“ обыкновенный вопросъ у якутовъ, при встрѣчѣ со знакомыми.

**) По суевѣріямъ якутовъ каждое пустынное мѣсто въ тайгѣ или тундрѣ имѣетъ своего хозяина „невидимаго духа“. этимъ хозяевамъ якуты приносятъ жертвы, вѣшая на деревья разные лоскутки, телячьи шкуры, пучки волосъ и т. п.

Однако, мысль, что они могут остаться на праздникъ безъ пищи, все тревожила ихъ и они часто возвращались къ этой мысли въ своихъ разговорахъ.

— Вы боитесь, что никто не поѣдетъ въ праздникъ къ намъ съ пищей для насъ, сказала жена Ивана. А я думаю, что Богъ насъ пожалѣетъ и пошлетъ къ намъ человѣка. Вѣдь, если Богъ вложить ему въ сердце мысль поѣхать къ намъ, то что можетъ помѣшать ему пріѣхать и привезти намъ праздничные гостинцы?

— А мятель?

— Что мятель? Она уляжется, если Богъ захочетъ... я, какъ будто, вижу человѣка, онъ ѣдетъ на трехъ коняхъ и везетъ намъ много добра.

— Дай то Богъ! сказали прокаженные.

Они задумчиво глядѣли на огонь и, казалось, вся жизнь ихъ сосредоточилась на мысли о томъ, будутъ-ли они сыты или голодные въ праздники, которые чтить они привыкли съ дѣтства.

(Продолженіе будетъ).

А. Клюге.

Братья-писатели.

(Картинки съ натуры).

Проба пера...

„Молчить его святая лира, душа вкушаетъ хладный сонъ“... Нѣтъ-съ, это совершенно вѣрно только для сыновъ Парнаса съ ихъ сладкозвучными свирѣлями, но для обыкновеннаго газетнаго работника такого настроенія не существуетъ. „Святая лира“ газетчика никогда не молчитъ; онъ, подъ ея аккомпаниментъ, не слагаетъ трогательныхъ пѣсенъ, но и речитативъ газетчика способенъ „жечь сердца людей“, онъ не бродитъ по берегу, не прислушивается къ шуму и говору волнъ, какъ поэтъ, — онъ, газетчикъ, на каждомъ шагу встрѣчаетъ темы и разрабатываетъ ихъ. Достаточно увидѣть тротуарную щель, спящаго во тьмѣ ночной объѣздного полицейской стражи, достаточно одного звука набатнаго колокола, и гудитъ газетная лира! Душа газетчика никогда не вкушала хладнаго сна и вкуса его не вѣдаетъ.

Проснувшись рано утромъ, прежде чѣмъ выкурить папиросу, газетчикъ схватываетъ № „своей“ газеты и жизнь началась. Съ лихорадочной поспѣшностью бѣгаетъ взоръ по газетнымъ столбцамъ и ищетъ свои „речитативы“. Вотъ замѣтка о судебномъ засѣданіи... Бѣдная, какъ она похудѣла... Вотъ отчетъ о дѣятельности общества содѣйствія уничтоженію вредныхъ насѣко-

мыхъ... Несчастный, какъ онъ блѣденъ и водянистъ... Вотъ, наконецъ, маленькій фельетонъ на злобы дня, но его едва узнаетъ авторъ и то лишь благодаря тому, что въ немъ не измѣнено заглавіе: остальное все „перифразировано“...

Свѣжій, съ сильнымъ запахомъ типографской краски номеръ газеты быстро скомкивается и летитъ въ сторону..

Газетчикъ проснулся и жизнь его началась...

— Это, чортъ знаетъ, что такое, ругается онъ и начинаетъ поспѣшно одѣваться. Болѣе пятидесяти строкъ вылетѣло... И это вѣчная исторія, всегда одно и тоже... Вотъ и живи, вотъ и проводи идеи, когда въ карманѣ смеркается,—а тутъ надо и новую пару, и сапоги... За недѣлю я теряю на этихъ купюрахъ не мѣнѣе 10—12 рублей...

Чувство злобы и недовольства утоляется жиденькимъ стаканомъ чая. Выкуривается папироска, надѣвается старое, ватное пальто и газетчикъ, не взирая на морозный день, летитъ по своимъ дѣламъ... А у него ихъ много...

— Ага, почтеннѣйшій, Иванъ Ивановичъ, вы не держите своихъ обѣщаній: вы хотѣли сегодня же написать о томъ, что въ нашемъ вѣдомствѣ хорошо тому жить, кому бабушка ворожить, что у насъ устраиваются на службу цѣлыми семействами... Бабушка начальствуетъ, внучка у нея завѣдуетъ выдачей жалованья, мужъ внучки покупаетъ перышки, бумагу и карандашики и жирѣетъ не по днямъ, а по часамъ,—племянницы, ихъ кузены и законные супруги столоначальниками служатъ, а для новорожденныхъ тотчасъ-же открываются новыя мѣста...

Почему-жъ вы объ этомъ молчите?..

Газетчикъ сконфуженъ, но онъ не виноватъ въ „замалчиваніи“ факта.

— Послушайте, говоритъ онъ протестующему,—въ моемъ фельетонѣ на сегодня—все это было, но замаскировано... Бабушку я самъ назвалъ дѣдушкой... Редакторъ говоритъ, что это очень прозрачно и замѣнилъ дѣдушку „нѣкимъ Фамусовымъ“... Редакція сочла это названіе очень конфузнымъ для вѣдомства, о которомъ идетъ рѣчь, и потому измѣнила „Фамусова“, сказавъ, что нѣкое мѣсто отличается пристроичествомъ родственниковъ... цензоръ поставилъ противъ этого мѣста знакъ вопроса, а нашъ корректоръ, боясь диффамаци, напечаталъ это такъ, что теперь самъ чортъ ничего не разберетъ... Вы, вѣдь, читали?..

— Читалъ и наизусть помню... у васъ напечатано: „нѣкое мѣсто отмѣчается благоустройствомъ ровестниковъ“... Ха-ха-ха!.. Вы бы хоть поправку, что-ли, сдѣлали...

— Нѣтъ, благодарю васъ... Мнѣ эти поправки ужъ вотъ гдѣ сидятъ... Поправить—совсѣмъ ерунда получится... прощайте, мнѣ некогда...

— Ага, некогда... опять белиберду писать спѣшите,—злорадствуетъ собесѣдникъ.

— Ничего вы не понимаете... я вамъ говорю, что не я въ томъ виновать...

— Понимаю, понимаю-съ... Совсѣмъ на оперетку смахиваетъ: „не моя въ томъ вина“... Эхъ, вы, горе-писатели....

Газетчикъ бѣжитъ прочь отъ этого надоѣдливаго субъекта. И вѣчно онъ насмѣхается, а посидѣлъ-бы въ шкурѣ газетчика — не то бы, милый, запѣлъ, совсѣмъ не то..

— Пойдите, пойдите, куда вы спѣшите,—снова останавливаетъ газетчика рослый мужчина...

— Ахъ, здравствуйте, Петръ Сергѣичъ... Ну что, гдѣ пописываете?...

— Нигдѣ... Хочу попробовать излагать свои мысли на заплогахъ...

— Идея... Только вотъ полиція...

— Чортъ съ ней, съ полиціей... Я ее хвалить буду, сойдетъ...

— Отчего-же вы въ газетахъ то не пишете?... Капризничаете?...

Петръ Сергѣичъ сталъ въ позу Наполеона и покрутилъ усы.

— Гдѣ здѣсь писать?... Здѣсь все такая мразь, знаете-ли...

Конечно, о присутствующихъ не говорю и ихъ не разумѣю... У меня широкій, чисто русскій размахъ писательства. Я не могу сказать прямо: возлѣ амбара дома Иванова лежитъдохлаякошка... Что это—двѣ строки... Ихъ не прочтутъ даже... А вотъ, если я начну такъ: Ужъ сколько разъ твердили міру, что антисанитарныя безобразія являются признакомъ нашей халатности... Въ то время, когда въ Западной Европѣ, напр., въ Швейцаріи, Бельгіи...

— Позвольте, зачѣмъ такъ много... Петръ Сергѣичъ плюнулъ...

— Вотъ и вы туда-же, точно редакторъ „Забвенія“... Я ему читалъ эту замѣтку, а онъ говоритъ: „стоитъ-ли изъ-задохлойкошкидѣлатьтакойдальнійвояжъ... И въ Швейцарію, и въ Бельгію“... Ну, я, разумѣется, принципиально съ нимъ разошелся, наговорилъ ему много горькихъ истинъ, хлопнулъ дверью и ушелъ... Нѣтъ, вы поймите, какое скотское равнодушіе... отъдохлойкошкиміазмамизараженыокрестности, гдѣ ходятъ люди и дышатъ вонью; это общественное явленіе, вонью дышетъ все общество, а онъ, вашъ милый редакторъ, говоритъ: зачѣмъ кругосвѣтное путешествіе изъ-задохлойкошки... Убийственное равнодушіе... Вы куда идете?...

— Спѣшу въ судъ, въ городскую управу, въ полицію еще не былъ...

— А не зайдѣмъ-ли мы въ ресторанъ, выпьемъ, я кое что вамъ прочитаю... Да вотъ, кстати, и Соломонъ Минейчъ... Эй,

коллега... Къ разговаривающимъ подходитъ молодой брюнетъ не русскаго типа. Онъ молча жметъ руки обоимъ.

— Батюшка, Иванъ Ивановичъ, нельзя-ли просить васъ пристроить одно мое сочиненіе... Переводъ съ итальянскаго, буквальный и нигдѣ еще не появившійся...

Иванъ Ивановичъ, не смотря на то, что у него за спиной бѣгаютъ мурашки отъ холода, беретъ объемистую рукопись...

— Велика, Соломонъ Минеичъ,—говоритъ онъ, рассматривая переводъ.

— А-а, и вы заразились отъ своего редактора,—злится Петръ Сергѣичъ. Имъ надо все короче куринаго носа... Чтобъ не много платить...

— Позвольте, Петръ Сергѣичъ, я вѣдь ничего не плачу...

— А, знаемъ мы вашего брата. Въ редакторскую дуду дудите... знаю...

— Нельзя-ли хоть съ сокращеніемъ помѣстить, говоритъ Соломонъ Минеичъ. Ей Богу, деньги нужны...

— Ну-ладно. А о чемъ это?..

— Тутъ насчетъ китайской императрицы и Ли-Хунъ-Чанга...

— Да вѣдь у Дорошевича это было?..

— Не было... У Дорошевича было: о Ли-Хунъ-Чангѣ и китайской императрицѣ, а это—наоборотъ...

— Ха-ха-ха!.. закатился на всю улицу Петръ Сергѣичъ. Ты бы такъ и говорилъ... Насъ нечего стѣсняться... говорилъ-бы прямо, что переводъ Дорошевича переписалъ отъ конца до начала... А то еще маскироваться хочетъ... Ха-ха-ха!..

Соломонъ Минеичъ покраснѣлъ и поспѣшилъ ретироваться...

— Ну, такъ выпьемъ, что-ли? опять сталъ приглашать Петръ Сергѣичъ Ивана Ивановича.

— Нѣтъ, братъ, мнѣ некогда... Да и признаться денегъ нѣтъ...

— А ну, чортъ тебя дери... Я думалъ, что у тебя деньги есть...

— А у тебя развѣ нѣту?

Вотъ то-то и дѣло, что нѣту... Плохи, братъ, дѣла... Во всѣхъ здѣшнихъ редакціяхъ авансы получилъ и поссорился... Пристроился было въ иногороднюю прессу,—не платить... Хоть ты ей колъ на головѣ теши... А ужъ на счетъ аванса—и совсѣмъ не думай...

— Плохо твое дѣло...

— Совсѣмъ плохо... Я ужъ въ околоточные прошусь, да полиціймейстеръ говоритъ, что это неудобно: не утерпите, говоритъ, да самого себя и пропишете въ газетахъ... Ну, конечно, этаконъ пакости я не сдѣлаю...

— Такъ ты спѣшишь?..

— Да, братъ, я спѣшу... Прощай!.

И они разстались..

Иванъ Ивановичъ вошелъ въ полицію.

Изъ этого источника сообщили ему только о прибывшихъ и уѣхавшихъ...

— А городскія происшествія? спрашиваетъ озадаченный Иванъ Ивановичъ.

— Городскихъ происшествій нѣтъ... Все обстояло благополучно...

— Позвольте, протестуетъ газетчикъ. Мнѣ вчера вечеромъ лавочникъ говорилъ, что у него украли съ прилавка цѣлый стягъ мяса...

— Вѣроятно, не заявлено,—равнодушно отвѣчаетъ писарь полиціи.

— А вотъ у Барабанова вчера же младенца подкинули... Затѣмъ, мнѣ городской говорилъ, что въ масляномъ ряду кража со взломомъ... Гдѣ же свѣдѣнія?..

— Не могу знать-съ... значить, объ этомъ полиціи неизвѣстно,—хладнокровно отвѣчаетъ писарь и углубляется въ свою работу...

— Вотъ тебѣ и разъ... Въ первый разъ за всю жизнь города ни одной кражи, ни одного происшествія... Это знаменательно... Я поговорю съ полиціймейстеромъ...

— И не трудитесь, предупреждаетъ репортера писарь. Онъ на васъ сердится...

— Это за что же?..

— А вотъ за то... Вы какіе это тамъ въ газетѣ приказы одесскаго полиціймейстера перепечатали... Насчетъ мордобойства-то, а?..

— Какіе приказы? Это, вѣроятно, въ отдѣлѣ „Русская жизнь“...

— Угадали... Такъ это вы на кого мораль-то наводите?..

— Какую мораль? О чемъ вы говорите?.. Мы перепечатали приказъ полиціймейстера о томъ, чтобъ чины полиціи не дрались... Значить, чины полиціи въ Одессѣ дерутся.. но, вѣдь, въ Одессѣ, а не здѣсь...

— Это мораль... И здѣсь дерутся, а вы это подъ одесскимъ соусомъ и пропечатываете...

— Полноте... Какіе тамъ соусы... Я пойду къ полиціймейстеру и лично объяснюсь...

Писарь безпокойно посмотрѣлъ на репортера.

— Не ходите,—продолжалъ онъ. Это мы васъ помучить хотѣли.. Чтобы вы не очень „задавались“... Нате вамъ вѣдомость о происшествіяхъ, только ничего не говорите полиціймейстеру, а то мнѣ за васъ еще нагорѣть можетъ...

Репортеръ пожалъ плечами и углубился въ работу.

— А что же это вы, батенька мой, ничего не написали, что я трех грабителей задержалъ,—раздался сзади репортера голосъ какого-то полицейскаго. Вѣдь, все копѣекъ пятьдесятъ заработали-бы...

— Я неправду не пишу,—обернулся къ говорившему репортеръ и слегка измѣнился въ лицѣ.

— То-есть, какая-же это неправда?

— Да вѣдь грабителей-то поймали не вы, а частное лицо...

— Вотъ это прекрасно... А почему-же благодарность получилъ я, а не частное лицо?

— Это ваше дѣло... А, впрочемъ, пишите опроверженіе...

— Опроверженія-то писать я не буду, а вотъ ежели—въ случаѣ чего...

— Прошу васъ безъ всякихъ намековъ... Въ случаѣ чего я тоже кое-что могу,—вспыльчиво отвѣтилъ репортеръ и вышелъ изъ канцеляріи.

— Сердитая шельма, чуть слышно проговорилъ полицейскій писцу и оба размѣялись...

— Мнѣ васъ давно, Иванъ Ивановичъ, надобно,—встрѣтилъ репортера управскій служащій. Украли у меня лошадь... Нельзя ли изобличить...

— Кого-же это?

— Кого, вора... Вѣдь, воръ укралъ...

— А какъ этого вора зовутъ?

— Да чортъ его знаетъ, я не видалъ, а кабы поймалъ...

— Иванъ Ивановичъ, похлопочите черезъ газету, чтобы намъ жалованье за вечернія занятія дали,—перебилъ другой служащій...

— Иванычъ, раскатай ты, милый другъ, нашего дѣлопроизводителя... Такая шельма... такая,—вмѣшался въ разговоръ третій служащій.

— Да не забудь на счетъ этого самого доктора прописать, чтобъ, значить, дѣло дѣлалъ, а не чужими руками жаръ загребалъ...

— Архитектора то урѣзонь малость, не хорошо, вѣдь...

И просьбы сыпались со всѣхъ сторонъ. Иванъ Ивановичъ былъ окруженъ цѣлой толпой, которая предъявляла къ нему всевозможныя удобо и неудобоисполнимыя требованія...

— А что же вы о моей исторіи съ базарнымъ старостой не написали, а? гудѣло въ одномъ углу.

— Не интересно, отвѣчалъ репортеръ и спѣшилъ уже выслушать новую реплику:

— Какого чорта вы пожарное общество дергаете? Деньги у насъ всѣ на лицо... Нѣшто можно зря, безъ рукавицъ, за головешки тять... Эхъ вы! Мы и про диффамацию знаемъ, за все, ежели что, рассчитаемся...

У репортера кружится голова, а онъ еще не обошелъ, по обычаю, и половины нужныхъ учрежденій, гдѣ имѣется „городская хроника“.

— Кормилецъ, заставъ за себя Богу молиться... не оставь моего сиротства... Послѣднюю шубенку продалъ, заработка нѣтъ, а семья у меня самъ пятый... Милый человѣкъ, переселенные мы, тамбовскіе будемъ, можетъ—знашь...

— Ладно, ладно... Напишемъ, говоритъ уже въ „стѣнахъ“ редакціи усталый репортеръ и садится къ столу писать замѣтки...

— Иванъ Ивановичъ! у насъ десять человѣкъ наборщиковъ васъ дожидаются... Съ вечера надо давать, съ вечера,—заявляетъ репортеру метранпажъ...

— Ахъ, погодите, дайте мнѣ хоть руки то обогрѣть... Вѣдь, на дворѣ сегодня 25 градусовъ...

— Обогрѣете послѣ, а мнѣ матеріаль нуженъ... Давайте скорѣе...

— Иванъ Ивановичъ! входитъ редакторъ и здоровается съ репортеромъ. Вѣдь, знаете что—Колупаевъ-то на меня въ судъ подалъ... За клевету тянетъ... Есть-ли у васъ доказательства... Какъ-бы чего не было...

— Послѣ, послѣ, Ѳедоръ Егоровичъ... Теперь у меня не то въ головѣ... Хронику писать надо, ждутъ...

— Вы, всетаки, имѣйте въ виду, что я вамъ сказалъ... У меня тоже не то въ головѣ, что надо... Вѣдь, эти Колупаевы каждый день отравляютъ... Ни одной ночи не проведешь безъ того, чтобы не снилось казенное помѣщеніе.

Тутъ къ редактору подошелъ секретарь и подалъ ему рукописи.

— Вотъ тутъ, Ѳедоръ Егоровичъ, передовая,—сказалъ секретарь...

— О чемъ это?

— О пользѣ распространенія полезныхъ книгъ среди населенія...

— Позвольте... О пользѣ полезныхъ... Это вѣдь масло масляное...

— Нѣтъ, это написано очень интересно... Авторъ, исходя изъ того положенія, что хорошія мысли можно повторять до ста разъ въ сутки, переписалъ въ свою статью предисловія къ 48 книгамъ...

— Да, вѣдь, это, вѣроятно, скучища... Кому это надо?..

— Ничего, прочтутъ-съ...

Редакторъ съ глубокимъ вздохомъ отмѣтилъ статью къ набору...

— Не печаталъ-бы, еслибъ это не было написано такимъ ученымъ... И чортъ ихъ знаетъ: не могутъ они писать что нибудь жизненное...

— Ну-съ, а дальше что у насъ есть?..

— А вотъ фельетонъ,—докладываетъ секретарь новую рукопись.

— Чей это фельетонъ?

— Это извѣстнаго писателя... Мы его уже нѣсколько разъ печатали... Онъ и въ „Журналъ для всѣхъ“ работаетъ и въ петербургскомъ „Ничегонедѣланіи“...

— А тамъ то что онъ пишетъ?

— Тамъ онъ пишетъ статью для самообразованія..

— Хлестко это и заманчиво.. Для „само-обра-зованія“... Да, недурно умѣютъ завлекать подписчиковъ... Ну, что-же онъ пишетъ?..

— Я вамъ прочту, если хотите... Это рождественскій рассказъ...

Редакторъ снова глубоко вздохнулъ и сталъ слушать произведение начинающаго беллетриста...

— „Динъ-Донъ“, началъ секретарь.

— Что? переспросилъ редакторъ.

— „Динъ-Донъ“ или смерть бродяги. Эскизъ изъ сибирской жизни...

— Ага, изъ сибирской—это хорошо... Для рождественскаго рассказа это очень хорошо... Я слушаю...

— Ночь. Морозъ. Тайга шумитъ, гудетъ. Деревья безмолствуютъ, ибо имъ больше дѣлать нечего,—даже шаловливая бѣлка не трогаетъ ихъ... По длинной, длинной дорогѣ тянется мужикъ въ лохмотьяхъ и потъ катитъ съ него градомъ. Это бродяга Сергѣй, сосланный въ рудники за „убивство“. У Сергѣя болятъ нога, мозоль натеръ дорогой дальней. И не мудрено: обувь дрянная, бродни и безъ напуска. Идти дальше онъ не можетъ. Морозъ трещитъ, звѣзды сіяютъ во всю ивановскую. Сергѣй идетъ и ложится подъ развѣсистой сосной. Мысли его работаютъ. Вдали, на селѣ наступаетъ рождественская ночь. Оттуда несется колокольный звонъ—динъ-донъ! динъ-донъ.. Думы бродяги несутся на родину, гдѣ теперь сидитъ его тятя и потѣетъ за чаемъ...

— Убивецъ! варнакъ,—думаетъ онъ. Кровь пролилъ, сыновнюю кровь... За невѣстку пострадалъ...

— Динъ-донъ!

— На каторгѣ товарищи помогли убѣжать... Свою стороношку увидѣть больно хочется...

— Динъ-донъ-донъ!..

— Вишь вотъ, кабы обутки-то добрыя были, доплелся бы до избы...

— Динъ-донъ!

— Мозоли натеръ... Вотъ она Сибирь немшоная... Надо масломъ мозоли-то помазать, а по бродяжеству гдѣ его, маслице-то, dospѣешь...

...Динъ-донъ! Динъ-донъ!

Морозъ трещить, нога болить, мозоли ноютъ и нигдѣ ни звука... словно все вымерзло... А тамъ, вдали, торжественно и чудно трапезникъ раздѣлываетъ: динь-донъ! динь-донъ!..

— Будьте вы прокляты, — шепчетъ бродяга... Хоть-бы тряпку гдѣ какую доспѣть, завязать-бы...

Динь-донъ, динь-донъ!

Гангрена дѣлаетъ свое дѣло. Тайга шумить, трапезникъ раздѣлываетъ: динь-донъ-донъ!..

Бродяга закрылъ глаза. Вдали еще разъ, не подозрѣвающій ничего страшнаго, трапезникъ подергиваетъ веревки и колокола гудятъ въ необъятномъ просторѣ Сибири-мачихи:

— Динь-донъ! Динь-донъ!..

Вдали занялась богровая...

— Ѳедоръ Егоровичъ! вдругъ прорываетъ чтеніе секретарь.

— А... что, что такое?..

Редакторъ протеръ глаза...

— Извините, батенька, я, вѣдь, ночами сплю плохо, и задремалъ... унесшись въ тайгу..

Вѣроятно, и читатели тоже сдѣлаютъ... Но какъ вы этотъ эскизъ находите?—спросилъ секретарь совсѣмъ проснувшагося редактора.

— А-а-а... Кажется, ничего... Вы что думаете?...

— А если по вашему ничего, такъ и по моему ничего... Авторъ, вѣдь, извѣстный писатель...

Ну-что-жъ, валяйте этотъ „Динь-донъ“ въ наборную... А что у насъ изъ области наукъ и изобрѣтеній, есть что-нибудь?..

— Какже-съ... Цѣлая серія новинокъ... Вотъ, наприимѣръ, фонографъ Эдиссона...

— Да, вѣдь, это ужъ три раза было, вмѣшался въ разговоръ „редакціи“ окончившій свои замѣтки репортеръ.

— Такъ что жъ изъ этого, коли это интересно и назидательно,—замѣтилъ, не безъ ироніи, секретарь.

— Да, да, да, отдайте въ наборную... Это надо широко распространить, отозвался редакторъ. Міровое открытіе! Иванъ Ивановичъ опять закипятился.

— Да что-же вы оскомину, что-ли, хотите читателямъ набить, да, вѣдь, и для кармана накладно. Вамъ это открытіе будетъ стоить дороже, чѣмъ самому Эдиссону..

— Э, пусть идетъ... А еще у васъ что есть новенькаго...

— Открытіе Америки...

— Что? изумился редакторъ.

— Открытіе Америки,—невозмутимо повторилъ секретарь. Что же вы удивляетесь?.. Это новое открытіе Америки, не Колумбомъ, а другимъ лицомъ... Весьма интересно...

— Но кѣмъ-же это?

— Приставомъ 2 стана Еликоможайскаго уѣзда...

— Ничего не понимаю, — развелъ обѣими руками редакторъ.

— Дѣло простое... Въ селѣ Z, Еликоможайскаго уѣзда, недалеко, разъѣзжая по дѣламъ службы, становой приставъ нашелъ поселокъ изъ 350 душъ обоего пола и назвалъ его Америкой...

Иванъ Ивановичъ и редакторъ покатались со смѣху...

— Дайте мнѣ, дайте мнѣ эту тему, — обратился къ редактору репортеръ: я рассказъ напишу...

— Нѣтъ, такъ, корреспонденціей или въ видѣ „смѣси“ лучше, посоветовалъ секретарь... Букетецъ, я вамъ доложу, хорошенькій...

— Послушайте, господа... Наборщики просто сжили меня со свѣту... Матеріаловъ нѣтъ, кричатъ они, а вы тутъ сидите себѣ и ничего...

Редакторъ насупился. Секретарь слегка съежился.

— Это непорядокъ, — замѣтилъ первый второму. Вы, батенька, заставляете ждать типографію...

— Да вѣдь матеріаль-то у васъ...

— А-а, такъ что-жъ вы раньше объ этомъ не сказали...

И съ этими словами редакторъ, не глядя, подалъ цѣлый ворохъ рукописей сердитому „ментору“.

Лицо послѣдняго просіяло.

— Давно-бы такъ, а то мнутъ какую-то язвѣ...

Въ сосѣдней комнатѣ пробило 2 часа. Редакторъ посмотрѣлъ на свой золотой хронометръ...

— Отстаютъ немного, — лѣниво проговорилъ онъ и, потягиваясь, поплелся въ свои апартаменты.

Секретарь и репортеръ остались одни, но разговоръ у нихъ почему-то не клеился. Вѣроятно, если не обо всемъ, то объ очень многомъ они раньше успѣли вдосталь наговориться...

— А что, Иванъ Ивановичъ, не раздавить ли намъ флаконъ трехнулеваго, — первымъ заговорилъ секретарь...

Протеста не послѣдовало. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа сотрудники уже сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ „придворнаго“ ресторана и передъ ними красовалась бутылка водки съ различной холодной закуской...

— И пить-то не за что, — наливая первую рюмку, заговорилъ секретарь. Такое подлое время, такое...

Онъ не договорилъ и залпомъ выпилъ налитую рюмку. Иванъ Ивановичъ уже закусывалъ.

— Вотъ этой-бы самой ветчиной самого его накормить, — сказалъ раздраженно Иванъ Ивановичъ. Вѣдь, ей 100 лѣтъ въ субботу...

— Что-жъ — пишите о недостаткѣ санитарнаго надзора, анъ-глядь за выпивку-то нашу читатель и заплатитъ, — ухмыльнулся секретарь...

— Нѣтъ, что писать, колотить надо за санитарныя безобразія...

— Ну это слишкомъ несовременно...

— За то дѣйствительно и результатъ во очію...

Опять налили и опять выпили.

Глаза собесѣдниковъ замѣтно посоловѣли...

— Не жизнь это, а каторга,—вдругъ разразился Иванъ Ивановичъ и стукнулъ кулакомъ въ столъ.

— Чего-жъ волноваться-то, — замѣтилъ спокойно секретарь. Не нами все это началось, не нами и кончится... Впрочемъ, я не совсѣмъ точно понимаю что въ данную минуту васъ такъ сильно волнуетъ?..

— Какъ что? И вы еще спрашиваете... Точно не вы десять минутъ тому назадъ читали это безподобное „Динъ-донъ“, эти переписанныя предисловія въ 48 книгамъ... Развѣ это литература, развѣ это не издѣвательство надъ читателями?..

— Экъ, батенька мой, куда васъ занесло... Знаете... и погромче насъ были витіи, да не сдѣлали пользы перомъ.

— Да для чего-жъ писать, для чего вся эта процедура, розыскъ темъ, изложеніе ихъ, наборъ, печатаніе, разсылка... Сколько крови уйдетъ, сколько здоровья уносятся у насъ всѣ эти замѣтки, статьи, фельетоны... По вашему, вѣдь, пользы не принесешь...

Секретарь выпилъ еще одну рюмку и весело разсмѣялся.

— Эхъ, не улеглись вы еще, почтенный Иванъ Ивановичъ, не укатали сивку крупныя горки... А погодите, пройдетъ еще немного—и вы изъ трепетной лани превратитесь въ самую послушную водовозную клячу... Подернетъ редакторъ за правую возжу, туда-направо потянете бочку, потянетъ лѣвый поводъ—налѣво поплететесь...

— Но вѣдь это возмутительно, вѣдь это значитъ...

Секретарь перебилъ его.

— Ничего это ровно не значитъ... И редакторъ, и я, вашъ покорный слуга, когда то носились съ возвышенными идеями, и мы мечтали „заново бѣлый свѣтъ перемѣнить“,—да не пришлось... Не силъ не хватило, нѣтъ, силъ и энергіи много и теперь это есть, да не пришлось... Есть въ жизни незамѣтная для глаза паутина, никто ее еще не изслѣдовалъ... Сначала она незамѣтно ложится на глаза... Чувствуешь, что ты немного хуже, чѣмъ раньше, видѣть сталъ, но видишь все какъ слѣдуетъ... Дальше эта паутина становится тяжелѣе... Хочется сбросить ее, а она уже и руки и ноги оплела, тяжелы онѣ стали... Чѣмъ дальше, тѣмъ гнетъ сильнѣе... Вотъ вамъ нѣсколько примѣровъ изъ недавняго прошлаго... Помните писали мы, изображали одного изверга, который мучилъ цѣлую семью... Изверга выгнали со службы, лишили его куска хлѣба, голодаетъ и его

семья... Помните, писали мы, нужно сплотиться въ кружокъ всей пишущей братіи и гнать отъ себя прочь вражду и злобу... А развѣ мы сплотились? Развѣ мы не бьемъ ежедневно другъ друга, не осмѣиваемъ чужія мысли, не вышучиваемъ ближняго своего?.. Нѣтъ, давно ужъ я смотрю на газету, какъ на источникъ заработка и только... Я знаю, вамъ больно слушать меня, но что-жъ подѣлаешь—я говорю правду, одну только правду... И я когда-то съ душевнымъ трепетомъ ждалъ номера газеты съ своей статьею... Бывало, намекнуть гдѣ нибудь въ кружкѣ на твое произведеніе и ты ужъ покраснѣлъ, ты уже взволнованъ... А теперь... Теперь не то.. Мнѣ тысячу разъ приходилось стоять лицомъ къ лицу съ врагами. При мнѣ какой-нибудь фанфанъ читаетъ мою корреспонденцію, гдѣ я его продернулъ, изобличилъ и развѣнчалъ его добродѣтели... Читаетъ и ругаетъ автора на чемъ свѣтъ стоитъ.. А ты?... Ты холоденъ, по крайней мѣрѣ, снаружи. Ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на твоёмъ лицѣ... Привыкъ, притерпѣлся, пообдержался... Съ волками жить — по волчьи выть...

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ, понуря голову, и не въ силахъ былъ возражать и спорить съ собесѣдникомъ...

И передъ репортеромъ, подъ вліяніемъ словъ пріятеля, рисовались мрачныя, удручающія картины...

Полуголодное существованіе въ меблированной комнатѣ, поиски темъ для статей и замѣтокъ; вѣчное одиночество среди окружающей среды, которая даже и не скрывала, что при каждой встрѣчѣ съ газетчикомъ, словно улитка, прячется и всегда дичится этого труженика.. Вездѣ онъ чужой, кромѣ своей семьи, такихъ же бездомниковъ одинокихъ, которыхъ или задавила, или начинаетъ давить паутина... Невесело чувствовалъ себя Иванъ Ивановичъ, а секретарь еще долго говорилъ о своихъ разочарованіяхъ..

— Однако, братъ, пора и по домамъ... Вѣдь, завтра встать надо рано и снова приняться за то же, что было сегодня... О, какъ это скверно и впереди одно и то же, до безконечности...

...Поздно ночью, нетвердой походкой возвратился Иванъ Ивановичъ въ свою комнату; кому-то посылалъ онъ громовыя проклятья, кого-то называлъ братьями-писателями, кого-то звалъ на судъ печатнаго слова, но кругомъ царила обычная тишина и никто, ни сожители, ни хозяйка квартиры Ивана Ивановича не обращали на него никакого вниманія...

— Прочухается, не то запоетъ, говорила весело хозяйка, плотно затворяя за репортеромъ дверь.

И эта женщина говорила правду...

Сибирякъ.

Изъ Сибирскихъ мотивовъ.

Вьюга въ степи разыгралась,
Саваномъ снѣжнымъ крутитъ....

— „Много ли верстъ-то осталось?“

Мрачный сѣдокъ говорить.

— Верстъ, этакъ, съ восемь, аль болѣ;—

Съ козелъ ямщикъ отвѣчалъ:—

Здѣсь у насъ, баринъ, на волѣ

Кто эти версты считалъ?!..

Вишь завируха какая!

Какъ бы не сбиться съ пути...

Да у меня коренная —

Лучше ищи — не найди!

Ахъ шевелитесь, роднiя,

Ты, вороной, выручай!

Вишь все мѣста то степныя—

Въѣдешь въ оврагъ невзначай....

Вѣтеръ свиститъ, завываетъ,

Даль все темнѣй и темнѣй....

Снова сѣдокъ заявляетъ:

— „Да шевелись ты живѣй!“

— Скоро-ли будетъ селенье?

Ѣдемъ часовъ, поди, пять!—

Молвилъ ямщикъ съ озлобленьемъ:

Вишь — заплутались опять!

Какъ эта притча случилась:

Будто, все въ право держалъ?

Тройка-ль въ степи закружилась,

Я-ли какъ маху-то далъ?

Видно лѣвѣ держаться....

Эхъ напирай ты, родной!

Баринъ, да полно ругаться:

Выѣдемъ мы стороной.

* *

Вьюга кружить и играетъ,
Вѣтеръ реветъ какъ шальной...
Баринъ дорогу ругаетъ,
Край нашъ ругаетъ степной...

— „Ну занесло меня съ дуру!
Право—не видно конца;
Этотъ все блудить!.. Всю шкуру
Надо спустить съ подлеца!

„Много ли верстъ-то осталось?
Да говори ты вѣрнѣй!
Вишь, какъ пурга разыгралась,
Вѣтеръ сильнѣй, холоднѣй!“...

— Верстъ, этакъ, десять, не болѣ...
Съ козелъ ямщикъ отвѣчалъ:—
Только, вѣдь, баринъ, на волѣ
Кто эти версты считалъ?!.....

П. К.

Сибирскіе чиновники былаго времени.

(Монографія).

*„И забывали страхъ Божій, Государево
крѣстное цѣлованіе и часъ смертный для посу-
ловъ, и скверныхъ прибытковъ и мздоиманія“...
Изъ Царскаго указа XVII вѣка.*

I.

Сибирскіе чиновники „добраго“ стараго времени“, наши ок-
раинные „служилые люди“, были плоть отъ плоти и кровь отъ
крови „служилыхъ“ и „приказныхъ людей“. А къ этимъ по-
слѣднимъ народъ относился слишкомъ недружелюбно. Сами го-
судари признавали иногда тяготу тогдашняго административнаго
порядка, олицетворяемаго служилыми людьми. Такъ, напримѣръ,
Іоаннъ Грозный торжественно съ Лобнаго мѣста объявлялъ на-
роду о своеволіи бояръ во время его малолѣтства, а для защи-
ты народа отъ чиновниковъ онъ хотѣлъ ввести всюду городское
и сельское самоуправленіе. Впослѣдствіи московское правитель-
ство также не разъ хотѣло облегчить народъ отъ налегшей на
него тягости административныхъ дѣятелей, возстановляя выбор-

ныя должности губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Такъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ для огражденія народа отъ произвола чиновниковъ возстановлялись грамоты царя Іоанна Грознаго, дававшія міру право судиться и управляться выборными людьми.

„Соборное уложеніе“, изданное въ 1649 году, окончательно упрочило у насъ вліяніе чиновничества и къ исходу XVII столѣтія все старомосковское государственное управленіе основывалось исключительно на приказномъ или бюрократическомъ началѣ. Произволь и взяточничество тогдашнихъ чиновниковъ обуздывались постоянно особенными царскими указами, которые угрожали виновнымъ во взяточничествѣ, поборахъ, лихоимствѣ и пристрастіи—тюрьмою, батогами, кнутомъ и даже смертною казною. Но все это весьма мало ослабляло злоупотребленія представителей административной и судебной власти. Не только низшіе приказные люди, но и знатные чиновники, по словамъ современныхъ указовъ, „забывали страхъ Божій, Государево крестное цѣлованіе и часъ смертный для посуловъ, и скверныхъ прибытковъ и мздоиманія“. Кромѣ того, указы царскіе, желая воздѣйствовать на религіозное чувство чиновниковъ, напоминали имъ, что за такія вины „обѣщаны Господомъ Богомъ вѣчныя муки“, причемъ такіе „воры и безстрашники“ для вящаго устрашенія приравнивались въ официальныхъ актахъ къ Іудѣ, предателю Христову.

Котошихинъ. отлично знавшій не только самую суть, но и всѣ закоулки старо-московскаго чиновничества, выставляетъ взяточничество общимъ его порокомъ. Упоминая о недѣйствительности законовъ и безсиліи присяги противъ лихоимства „служилыхъ людей“, Котошихинъ пишетъ: „ни во что ихъ вѣра (присяга) и заклинаніе, и наказаній не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако, по задней лѣстницѣ, чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ“... „Однако, чрезъ такую ихъ прелесть,—замѣчаетъ Котошихинъ,—приходитъ душа ихъ злоиманіемъ въ пучину огня негасимаго и не только вреждаютъ своими душами, но и царскою“.

Нѣсколько позднѣе Котошихина, Желябужскій, въ своихъ „Запискахъ“, рассказываетъ о непомѣрномъ взяточничествѣ и страшномъ казнокрадствѣ не только мелкотравчатыхъ подъячихъ и приказныхъ, но и людей весьма чиновныхъ. Этому, собственно говоря, помогало и само московское правительство, которое, издавая грозные указы противъ лихоимства, приводило ихъ въ исполненіе въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, да и то обыкновенно съ значи-

тельнымъ смягченіемъ, то ради рожденія царевича или царевны, то ради какого либо праздника или царскаго дня, и этимъ само собою дозволяло управляющимъ живиться на счетъ управляемыхъ. На воеводства, т. е. на гражданское управленіе городомъ и территоріею, причисленною къ его вѣдомству, не только въ XVII вѣкѣ, но и гораздо позднѣе, даже послѣ Петра Великаго, прямо просились для того, чтобы „кормиться“, и такой кормежъ принималъ громадныя размѣры, такъ какъ, благодаря взяточничеству, воеводы запасались средствами и для пожизненнаго прокормленія какъ самихъ себя, такъ и своихъ семействъ. Да и кромѣ того, при недостаточности и неясности законовъ и при томъ полномъ властѣ, какое давалось лицамъ, завѣдывавшимъ мѣстною администраціею, произволу старо-московскихъ чиновниковъ не было границъ.

II.

Если, такимъ образомъ, обстоило дѣло въ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ чиновничество болѣе или менѣе сдерживалось близостью царской власти, то чиновники старинной сибирской окраины въ отношеніи своихъ своевольствъ, самоуправствъ, лихоимства, взяточничества и притѣсненія мѣстнаго населенія представляли собою что-то невообразимое, чему съ большимъ трудомъ вѣрится въ настоящее время. Предпріятіе смѣлаго Ермака открыло торную дорогу въ богатую страну соборей и чернобурыхъ лисицъ. Вслѣдъ за удалымъ атаманомъ двинулись царскіе воеводы и превратили владѣнія старика Кучума въ московское воеводство. За ними, за этими воеводами, какъ необходимая принадлежность ихъ управленія, двинулись служилые люди всевозможныхъ степеней и разрядовъ. Если корыстолюбіе воеводъ тяжело отзывалось на подвластныхъ имъ людямъ и въ Европейской Руси, то въ Сибири лихоимство и вымогательства ихъ доходили положительно до геркулесовыхъ столбовъ. Этому способствовала, конечно, отдаленность Сибири отъ Москвы и, кромѣ того, весьма широкія полномочія, которыми были облечены сибирскіе воеводы: они соединяли въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время, власть административную, судебную и исполнительную. Воевода имѣлъ право „дѣлать всякія дѣла по своему высмотру и какъ Богъ на душу положить“, И воеводы не стѣснялись, дѣйствительно, дѣйствовать вполнѣ «по своему высмотру». Масса челобитныхъ, сохранившихся до нашего времени, ясно показываютъ, что воеводы ничѣмъ не пренебрегали, лишь-бы пополнѣе набить свою мошну. Богатаго человѣка, наприкладъ, чѣмъ либо неугодившаго воеводѣ, неожиданно назначали на службу въ далекія тундры, и только большая взятка спасала богача отъ такой непріятности.

Не лучше воеводъ были и подчиненные имъ „служилые люди“ — дѣти боярскіе, казаки и стрѣльцы. Они также не пренебрегали никакими способами обогащенія, какъ-бы желая вознаграждать себя за всѣ трудности сибирской службы.

А служба была, дѣйствительно, не изъ легкихъ: на каждомъ шагу грозила смерть—либо отъ суровой природы, либо отъ враждебныхъ инородцевъ. Много бѣдствій приходилось испытывать служилымъ людямъ отъ инородческихъ бунтовъ; инородцы возставали очень часто, выведенные изъ терпѣнія всевозможными прижимками, и притѣсненіями, и грабежами, какъ воеводъ, такъ и самихъ служилыхъ людей. Во время такихъ возстаній много казаковъ платились жизнью за свое корыстолюбіе, другіе выдерживали долговременныя и тяжелыя осады.

Но, не смотря на всѣ неудобства сибирской службы, она была, всетаки, очень выгодна. Служилые люди, не смотря на строгій запретъ, вели постоянно съ инородцами торговлю, которая давала имъ хорошій барышъ, особенно въ мѣстахъ окраинныхъ, потому что тутъ она соединялась съ самымъ беспощаднымъ грабежомъ.

Иногда казаки и служилые люди превращались въ совершеннѣйшихъ разбойниковъ и дѣлали опустошительные набѣги на инородцевъ. Напримѣръ, въ 1551 г. одинъ внукъ Кучума, Девлетъ, сдѣлалъ набѣгъ на русскіе предѣлы. Тарскіе воеводы снарядили отрядъ для наказанія Девлета, подъ начальствомъ Власа Чередова, который полторы недѣли гонялся по степи за царевичемъ, но не могъ его найти. Храброго предводителя взяла досада, что врагъ не дается въ руки, и онъ, чтобы отвести душу, а главное дать наживу казакамъ, напалъ на улусъ мирнаго калмыцкаго тайши (князька) Эшкепа, который уже много лѣтъ велъ торговлю съ русскими. Казаки разграбили этотъ улусъ въ конецъ и увели 30 верблюдовъ, 300 лошадей и 500 головъ рогатаго скота.

Не гнушались служилые люди и покойниковъ грабить...

Въ 1610 году Березовскіе остяки били челомъ царю на нѣсколькихъ людей служилыхъ, которые калмыцкія могилы раскопали и утварь, положенную въ гробы съ покойниками, похитили. А по остяцкой вѣрѣ выходитъ, что это серебро отнимаютъ отъ шайтановъ (боговъ) и шайтановъ грабятъ.

Грабили служилые люди и русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Захватятъ встрѣчный дощаникъ и всѣ товары съ него заберутъ, а людей, въ случаѣ сопротивленія, перебьютъ.

Распущенная ватага грабителей, которую составлялъ сибирскій служилый людъ, само собой не могла особенно соблюдать военной дисциплины и безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ. зачѣи бунты въ Сибири были явленіемъ обыденнымъ.

Торговые и промышленные люди также не всегда оставались въ долгу передъ служилыми казаками и людьми. Профессоръ Буцинскій, въ своемъ трудѣ; „Мангазея и Мангазейскій уѣздъ“, приводитъ слѣдующій любопытный фактъ.

Въ 1607 году Митька Широкой да Жданко Ушаковъ со товарищи, двадцать пять человекъ, уличенные въ контрабандной торговлѣ съ инородцами, посланы были подъ конвоемъ въ Березовъ, но по дорогѣ ограбили конвойныхъ казаковъ и кинули ихъ въ тундрѣ, а сами убѣжали; и тѣхъ казаковъ нашла на тундрѣ ясачная самоедь нагихъ и голодныхъ и вывезли ихъ въ Носовой городокъ еле живыхъ. Такъ расправлялись торговые и промышленные люди съ представителями администраціи, ставшими имъ поперекъ дороги въ погонѣ за наживой.....

Вотъ какую страшную разнузданность породила въ Сибири безшабашная погоня за наживой. Рука объ руку съ забвеніемъ всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ шла страшная развращенность. И вотъ кучки этихъ безнравственныхъ людей, опьяненныхъ жаждой наживы, съ изумительной быстротой подвигались къ Восточному океану, пріобрѣтая новую государеву вотчину. Но чужды были первые сибирскіе служилые люди интересамъ этой вотчины, потому что смотрѣли на нее только, какъ на средство обогащенія и притомъ—обогащенія хищническаго, разбойничьяго.

О нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся подвигахъ этихъ старинныхъ представителей сибирскаго чиновничества мы и поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ, начавъ съ первыхъ временъ завоеванія Сибири и кончая тѣмъ сравнительно недалекимъ отъ насъ временемъ, когда рядъ реформъ сдѣлалъ достояніемъ исторіи стараго сибирскаго чиновника, о которомъ мы вспоминаемъ и съ понятнымъ негодованіемъ, и съ сожалѣніемъ и болью въ сердцѣ.

Н. А. Гурьевъ.

(Продолженіе будетъ).

Замѣтки

О СУДОУСТРОЙСТВѢ и СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Временныя правила о замѣнѣ ссылки другими наказаніями.

Съ 1 января нынѣ наступившаго 1901 года вступятъ въ дѣйствіе „Временныя правила о замѣнѣ ссылки на поселеніе и на житіе другими наказаніями“, обнародованныя 12 іюня 1900 года. Мы приводимъ текстъ этихъ правилъ съ подробнымъ изложеніемъ тѣхъ статей дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, которыхъ онѣ касаются и въ измѣненіе которыхъ постановлены.

Статья I правилъ:

Ссылка на поселеніе въ Сибирь и въ Закавказье, опредѣляемая статьями 161, 177, 178 ч. 2, 181, 186, 187 ч. 2, 196, 197, 201 ч. 2, 203 ч. 1, 204, 211, 250 ч. 2, 256 ч. 1, 260 ч. 2, 274 ч. 1, 291 ч. 3, 318 ч. 3, 325 ч. 2, 938 ч. 1 и 1504 ч. 1 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (св. зак. т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1895 г.), а также статьями, въ коихъ упомянута ссылка назначается на основаніи перечисленныхъ выше статей уложенія, — замѣняется ссылкой осужденныхъ, съ лишеніемъ ихъ всѣхъ правъ состоянія, на поселеніе въ мѣстностяхъ, къ тому предназначенныхъ. Сіе же наказаніе назначается въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями того же уложенія: 176, 178 ч. 1, 184, 200, 201 ч. 1, 210, 245, 246, 250, 251, 252, 256 ч. 2, 274 ч. 2, 318 и 938 ч. 2, когда отъ опредѣленныхъ въ этихъ статьяхъ наказаній, смягчая оныя на основаніи постановленій уложенія, надлежитъ перейти къ наказанію низшаго рода.

Статья I временныхъ правилъ сохраняетъ ссылку лишь за нѣкоторыя преступныя дѣянія; при чемъ въ этихъ случаяхъ ссылка на поселеніе будетъ назначаться въ *мѣстности, особо для того предназначенныя*. Дѣянія, за которыя будетъ опредѣляться, согласно 1 ст. вр. пр., ссылка, слѣдующія:

а) Преступленія государственныя, а равно и умышленное убійство отца или матери, наказанія по коимъ не отмѣняются за давностью, когда со времени содѣянія преступленія прошло двадцать лѣтъ и во все сіе время оно не сдѣлалось гласнымъ или по немъ не было ни дѣлопроизводства или слѣдствія, ни донесенія или жалобы. По уложенію изд. 1885 г. въ такихъ случаяхъ виновные, вмѣсто смертной казни или каторжной работы, присуждались къ ссылкѣ *на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири* (161 ст. „улож. о нак.“, изд. 1885 г.), б) Богохуленіе (на Бога, Пресвятую Богородицу, честный Крестъ Господа Бога и т. д.), учиненное хотя и не публично, но, однако, при свидѣтеляхъ. По „улож. о нак.“ назначалась тоже ссылка на поселеніе въ отдален. мѣста Сибири. (177 ст.). в) Порицаніе не въ публичномъ мѣстѣ, но, однако-жъ, при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру, христіанской вѣры или правос-

лавной церкви, или ругательства надъ Священнымъ Писаніемъ или Святыми Таинствами. (2 ч. 178 ст.). Богохуленіе въ печатныхъ или хотя и въ письменныхъ, но какимъ-либо образомъ распространяемыхъ сочиненіяхъ (181 ст.). д) Воспитываніе дѣтей своихъ, вопреки даннымъ подпискамъ, не въ христіанской вѣрѣ магометанами ими евреями, вступившими въ бракъ съ лицами лютеранскихъ вѣроисповѣданій, или же склоненіе ихъ и супруговъ оболъщеніями либо угрозами къ своему закону (186 ст.). е) Совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе посредствомъ принужденія или насилія (2 ч. 187). ж) Распространеніе существующихъ уже между отпадшими отъ православной церкви ересей и расколовъ, равно заведеніе какихъ либо новыхъ, повреждающихъ вѣру, сектъ. Наказаніе назначалось—ссылка на поселеніе: изъ Европейской Россіи въ Закавказье, изъ Ставропольской губерніи и Закавказья въ Сибирь, а изъ Сибири въ отдаленнѣйшія оной мѣста (1 ч. 196 ст.). з) Распространеніе скопческой ереси и совращеніе въ оную другихъ (197 ст.) и также—оскопленіе самаго себя (2 ч. 201 ст.). Наказаніе назначалось—ссылка на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства. к) Вторичное совращеніе въ расколъ или ересь послѣдователя его, обратившагося уже въ православіе (204 ст.). л) Перерывъ съ умысломъ побоями или насиліемъ противъ священнослужителей Богослуженія. Наказаніе назначалось—ссылка на поселеніе въ отдален. или неотдален. мѣста Сибири (211 ст.). м) Составленіе сообщества или вступленіе въ него съ цѣлью возстанія, или заговоры противъ Власти Верховной, когда, въ то же время, не обнаружено у виновныхъ умысла дѣйствовать насильственно. Наказаніе назначалось,—восходя отъ ссылки въ каторжныя работы на время отъ 4-хъ до 6 лѣтъ и понижаясь до лишенія лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и заключенія въ крѣпости отъ 1 года и 4-хъ мѣсяцевъ до 4 лѣтъ.

Это дѣяніе предусматривается 2 ч. 250 ст., которая и введена въ 1 ст. врем. прав.; хотя оговорки при этомъ никакой не сдѣлано, но, во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что оставленіе въ силѣ ссылки на поселеніе по 2 ч. 250 ст. не исключаетъ для суда права переходить и къ другимъ низшимъ наказаніямъ, указаннымъ въ этой 2 ч. 250 ст. по „улож. о нак.“ изд. 1885 г. н) Сообщеніе иностранному государству, хотя и не находящемуся въ войнѣ съ Россіей, такого плана, рисунка, документа или свѣдѣнія, которые должны храниться въ тайнѣ въ видахъ безопасности Россіи (1 ч. 256 ст.). о) Злоумышленія и т. п. противъ иностраннаго государства, съ которымъ заключены трактаты объ обоюдной взаимности преслѣдованій за подобныя дѣянія, или зло-

умышленіе противъ главы такого государства, когда дѣяніе при томъ сопровождалось особо-увеличивающими вину обстоятельствами. Назначалась ссылка въ мѣста не столь отдаленныя (2 ч. 260 ст.) п) Сочиненіе и распространеніе писемъ или какихъ либо сочиненій, или публичное произнесеніе рѣчей, или распусканіе ложныхъ слуховъ, съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствию или къ сопротивленію властямъ. Назначалась ссылка въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири (1 ч. 274 ст.). р) Составленіе подложныхъ, будто-бы, за подписаніемъ Государя Императора, указовъ, манифестовъ и т. п., когда виновный не сдѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія и явился съ повинной (3 ч. 291 ст.). Наказаніе, по усмотрѣнію суда, можетъ смягчаться до ссылки на поселеніе, при чемъ приговоры по дѣламъ, предусмотрѣннымъ, вообще, 291 ст., до приведенія оныхъ въ дѣйствіе, представляются, установленнымъ порядкомъ, на Высочайшее усмотрѣніе. с) Принадлежность къ сообществу, имѣющему цѣлью противодѣйствовать, распоряженіямъ правительства, или возбужденіе неповиновенія властямъ, или возбужденіе вражды между классами населенія, когда при томъ такое сообщество или соучастники его возбуждали къ насильственнымъ дѣйствіямъ, или насильственными мѣрами побуждали другихъ содѣйствовать цѣлямъ общества. По „улож. о нак.“ наказаніе, по усмотрѣнію суда, можетъ быть назначено или ссылка въ каторжную работу отъ 4 до 6 лѣтъ, или-же ссылка на поселеніе въ Сибирь (3 ч. 318 ст.). т) Выдаваніе себя за лицо, одаренное какой-либо сверхъ-естественной силой или святостью, когда при этомъ выдающій будетъ стараться посредствомъ этого обмана произвести въ народѣ тревогу, волненіе, уныніе или неповиновеніе установленной власти. По „уложенію“ — ссылка на поселеніе въ отдален. мѣста Сибири (1 ч. 938 ст.). у) За вызовъ на поединокъ, когда при этомъ было положено условіемъ, чтобы онъ окончился непременно смертью одного и послѣдствіемъ сего будетъ дѣйствительно смерть или нанесеніе смертельной раны. По „уложенію“ — ссылка на поселеніе въ Сибирь безъ указанія куда. — слѣдовательно, должно считаться, что — въ неотдаленныя мѣста (1 ч. 1504 ст.).

Затѣмъ, ссылка на поселеніе (во всѣхъ случаяхъ сопровождающаяся, конечно, *лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія*) оставлена за преступленія, предусмотрѣнныя 176 и 178 ч. 1 ст. (глава I раздѣла втораго „улож. о нак.“ «О Богохуленіи и порицаніи вѣры»), 184 ст. (главы II того-же раздѣла „О отвлеченіи и отступленіи отъ вѣры), 201 ч. I (той-же главы и раздѣла „О ересьяхъ и расколахъ) и 210 ст. (той-же главы и раздѣла „О уклоненіи отъ исполненія постановл. церкви“), 245, 246, 250, 251, 252, 256 ч. 2 ст. (раздѣла третьяго „улож. о нак.“ — „О преступленіяхъ государств.“), 274 ч. 2 (раздѣла четвертаго «О преступл. и просупк.

противъ порядка управленія“) и 318 ст. (того-же раздѣла главы VI «О противозакон. сообществахъ»), а также—2 ч. 938 ст. (раздѣлъ восьмой „О преступл. противъ обществен. благоустройства и благочинія“), когда отъ опредѣленныхъ въ нихъ наказаній (ссылкѣ въ каторжн. работы) суды, смягчая наказаніе, должны перейти къ наказанію низшаго рода.

Статья II:

2) Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ въ предшедшей (1) статьѣ, ссылка въ Сибирь на поселеніе за преступныя дѣянія опредѣляемая, замѣняется лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ осужденнымъ, правъ и преимуществъ и отдачею ихъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки: при замѣнѣ ссылки въ Сибирь въ отдаленнѣйшія ея мѣста—отъ пяти до шести лѣтъ, а при замѣнѣ ссылки въ Сибирь въ мѣста не столь отдаленныя или безъ указанія сихъ мѣстъ—отъ четырехъ до пяти лѣтъ.

В. Д.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиографія.

А. К. „Изъ жизни угасающаго племени“. Томскъ, типо-литографія П. И. Макушина. 1899 г. Цѣна 40 коп. 96 стран. въ 32 д. л.

Однимъ изъ жгучихъ и наболѣвшихъ вопросовъ сибирскаго общества является, такъ называемый, *инородческій* вопросъ, состоящій въ томъ, что, съ приходомъ русскихъ въ Сибирь, кочевые и бродячіе народы, населяющіе дебри Сибири, вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ завоевателями,—начали постепенно вымирать и вырождаться. Самымъ горячимъ заступникомъ интересовъ инородцевъ былъ покойный Н. М. Ядринцевъ, который первый заговорилъ о близкой возможности уничтоженія аборигеновъ Сибири. Съ тѣхъ поръ, въ защиту инородцевъ,—этихъ пасынковъ Сибири,—все чаще и чаще раздаются сочувственные голоса со страницъ мѣстной и россійской періодической печати. Въ ученыхъ обществахъ читаются доклады, знакомящіе насъ съ бытомъ и условіями жизни бродячихъ сибирскихъ инородцевъ, и, вообще, за послѣднее время литература по инородческому вопросу обогатилась многими и многими обстоятельными статьями, проливающими истинный свѣтъ на положеніе инородцевъ, на причины ихъ вымиранія и на ту роль, которую мы, русскіе, сыиграли въ жизни дикихъ, некультивированныхъ народцевъ Сибири. Къ сожалѣнію, всѣ такія статьи разбросаны въ спеціально ученыхъ изданіяхъ, и потому „малой“ читающей публикѣ не доступны. Поэтому книжку А. К. „Изъ жизни угасающаго племени“, какъ трактующую о наболѣвшемъ вопросѣ, мы привѣтствуемъ съ особымъ удовольствіемъ.

Авторъ, въ рядѣ живо написанныхъ въ беллетристической формѣ очерковъ, рисуетъ намъ картину постепеннаго угасанія одного рода изъ племени бродячихъ народовъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири,—именно тунгусовъ. Это угасаніе началось съ того момента, когда русскіе появились въ лѣсахъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ обитали тунгусы Тологонскаго бродячаго рода. Псевдо-цивилизациа русскихъ культуртрегеровъ, съ ихъ беззастѣнчиво наглыми приѣмами, каковы: опаиваніе водкой, настоенной на махоркѣ, надувательство, развратъ и проч., были первыми провозвѣстниками гибели Тологонскаго рода тунгусовъ. Отъ такихъ приѣмовъ не были освобождены и появившіеся, вмѣстѣ съ русскими, просвѣтителі-миссіонеры, которые подъ черной рясой смиренія имѣли хищное сердце и всячески эксплуатировали простодушныхъ дикарей. Таковъ былъ отецъ Паясій... Но этого мало. Русскіе принесли въ захваченную ими страну сифилисъ. Въ очеркѣ „Что подарилъ купецъ Афанасій Ивановичъ Тологонскому роду“ авторъ рассказываетъ о томъ, какъ тунгусы получили эту „культурную“ болѣзнь. И вотъ—Тологонскій родъ началъ чахнуть!.. Дѣти рождались хворые, мелкіе, тшедушные. Вырожденіе Тологонскаго рода пошло быстрымъ шагомъ впередъ. Гибель этого рода доблестныхъ звѣролововъ докончила „бабушка оспа“,—тоже культурное наслѣдіе „высшей расы“... „Въ разсказѣ стараго Неликана“ авторъ знакомитъ насъ съ охватившей русскихъ пришельцевъ „золотой лихорадкой“, которая въ свою очередь явилась причиной гибели Тологонскаго рода. Этотъ очеркъ одинъ изъ лучшихъ въ книжкѣ А. К. и производитъ на читателя сильное впечатлѣніе.

Вотъ въ общихъ чертахъ намѣченные авторомъ причины угасанія сибирскихъ инородцевъ на дальнемъ сѣверѣ Сибири. Не говоря о томъ, что въ указанной нами книжкѣ, помимо добросовѣстнаго и мастерскаго освѣщенія инородческаго вопроса, красной нитью проходитъ субъективная точка зрѣнія автора, однако авторъ въ тоже время съ полнымъ безпристрастіемъ относится къ нѣкоторымъ недостаткамъ бродячихъ народовъ, каковы: страсть къ „огненной водѣ“, свободное отношеніе половъ и проч. Увлеченіе незамысловатой жизнью тунгусовъ въ охотничій ихъ періодъ, нѣкоторое сожалѣніе о ихъ вольной дикой жизни въ лѣсахъ, недовѣріе къ культурѣ, взбаламутившей весь строй жизни этихъ дикарей—все это явилось въ авторѣ результатомъ его субъективизма, его страстной любви къ умирающимъ народамъ Сибири.

Общее впечатлѣніе отъ этой книжки, вынесенное нами при ея чтеніи, навело насъ на безотрадныя мысли о положеніи въ Сибири несчастныхъ народцевъ; намъ было жаль этихъ наивныхъ добродушныхъ дикарей, умирающихъ отъ пьянства, голода, болѣзней; мы были возмущены приѣмами насажденія въ ихъ средѣ русской культуры, посредствомъ эксплуатаціи доврчивости дикарей; намъ хотѣлось бы помочь имъ какъ нибудь выйти изъ пассивнаго состоянія и *дѣйствительно* приобщиться къ *настоящей* цивилизаціи.

Если подобное же впечатлѣніе вынесутъ отъ чтенія этой книжки и другіе читатели, то успѣхъ ея несомнѣненъ и это—ея лучшая оцѣнка.

М. С. Кларинъ.

Открыта подписка на 1901 годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРСКОЙ КНИГИ:

I. Жестокіе. Романъ П. Д. Боборыкина.—II. Штернштейнгофъ. Повѣсть Анцен-
трубера. пер. съ нѣмецкаго.—III. Разказы о прошломъ. С. Я. Елпатъевскаго.—IV.
Изъ современной лѣтописи. Ром. Вѣда, пер. съ латскаго.—V. Исповѣдь Мытищева.
Повѣсть М. В. Крестовской.—VI. Кабинетъ министровъ при Аннѣ Іоанновнѣ. А. Н.
Филиппова.—VII. Государевы крестьяне въ XVIII вѣкѣ. В. И. Семева.—VIII.
Рабочій вопросъ. А. В. Еропкина.—IX. Условія, опредѣляющія наши дѣйствія.
А. А. Герцена.—X. Литературная замѣтка. (Изъ рукописей В. С. Соловьева).—
XI. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. А. С. Хаханова.—XII. Книжные склады въ
Россіи. Н. В. Тулунова.—XIII. Успѣхи біологіи въ XIX столѣтіи. М. А. Менз-
бира.—XIV. Гайдамацкое движеніе. Д. И. Эварницкаго.—XV. Свидѣтельская по-
винность. В. С. Малченко. XVI. Къ вопросу о ревности. А. М. Скабичевскаго.
—XVII. 1900-й годъ въ политическомъ отношеніи В. А. Гольцева.—XVIII Внут-
реннее обозрѣніе.—XIX. Современное искусство.—XX. Со стороны.—XXI. Биб-
ліографія.

Пьеса А. П. Чехова „ТРИ СЕСТРЫ“ будетъ напечатана въ февральской книжкѣ
Русской Мысли.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи 12 мѣс.—12 р., 9 мѣс.—9 р.;
6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 12 мѣс.—14 р., 9 мѣс.—
10 р. 50 к., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

ITINÉRAIRE

A TRAVERS LA SIBÉRIE

ET LA RUSSIE D'ASIE.

(DOUZE FOIS PAR AN).

№ 1.

TOMSK.

Typo-Lithographie P. J. Makouschine.

1901.

COMMUNICATIONS PAR EAU DE LA SIBÉRIE.

Sur les rivières du bassin de l'Obi pour se rendre aux villes et villages situés sur leurs bords.

La navigation à vapeur sur les rivières, du bassin de l'Obi (Sibérie Occidentale) a commencé en 1844. Le premier fondateur de cette oeuvre fut le conseiller de commerce N. F. Miasnikoff, qui en 1844 se procura un bateau à vapeur de la force de 50 chevaux, le nomma *Le Fondement* et recut du gouvernement le privilège de naviguer pendant dix années sur les rivières de la Sibérie Occidentale. Cependant Miasnikoff vendit bientôt après *Le Fondement* à Paklefsky-Koziello, lequel s'associa au marchand Ohwetsoff qui avait aussi acquis un bateau à vapeur de la force de 30 chevaux, nommé *Vzor*. Les premiers trajets entre Tomsk et Tiimègne furent faits par *Le Fondement* et puis par le *Vzor* en 1846. En un mot la navigation à vapeur se développait avec une lenteur excessive tout d'abord, et ce ne fut qu'au commencement des années qui suivirent 1850 qu'elle prit une autre direction. En 1853 les marchands Marine, Khaminoff, Koudinski et Tetskoff s'étant associés, achetèrent en Belgique un bateau à vapeur de la force de 100 chevaux et lui donnèrent le nom de *Ermak*. Ce fut ce bateau qui commença à faire régulièrement le trajet entre Tomsk et Tumègne, et quelquefois entre Tomsk et Barnaoul. Quoique *Le Ermak* fût submergé en 1855, le développement de la navigation ne fut point arrêté. Les quatre marchands ci-dessus nommés, acceptèrent dans leur association Paklefsky-Koziello, qui possédait outre le vieux bateau à vapeur *Le Fondement* encore un neuf de la force de 80 chevaux, nommé *L'Irtiche* et alors commença entre Tomsk et Tiimègne un transport actif de marchandises. En 1859 il y avait déjà 5 bateaux à vapeur qui naviguaient sur l'Obi et ses affluents, et en 1860 leur nombre s'éleva à 12, en 1864 à 16, en 1866 à 26, en 1880 à 36, en 1883 à 50, en 1890 à 65 et enfin en 1895 à 120. De nos jours il y en a environ 100.

Le bassin de l'Obi et ses affluents se trouve être la principale voie d'eau de la Sibérie Occidentale, vu qu'elle traverse ses régions fertiles et sert de lieu entre la Russie d'Europe, l'empire Chinois et les bords de l'océan glacial à l'embouchure du fleuve Obi. Il est indubitable que la navigation à vapeur sur les rivières du bassin de l'Obi ne sera plus arrêtée dans son développement futur. Le transsibérien lui-même ne peut y mettre obstacle car le transport des cargaisons par voie d'eau, reviendra toujours, comme il a été dit plus haut, à meilleur marché que celui par voie de terre.

Tiumègne—point de départ des bateaux à vapeur et point extrême du chemin de fer de l'Oural, ville de district du gouvernement de Tobolsk, se trouve située sous le $57^{\circ} 10'$ de latitude nord et le $83^{\circ} 12'$ de longitude est; il est distant de St.-Petersbourg de $2645\frac{1}{2}$ verstes et de Moscou, de $2184\frac{1}{2}$. Tiumègne est une des plus anciennes villes de la Sibérie. Elle était connue depuis le temps de la domination tatare et sous le nom de Tschangi-Toura, elle existait déjà vers le milieu du XV siècle. Le nom de Tiumègne provient des mots tatares. tin—le bien et miagne—moi, c'est à dire mon bien. En 1470 le khan de Tiumègne, Ivak, dans son message au grand prince de Moscou, se nomma tsar de Touransk et de Sibirsk (de la ville de Sibir ou Isker, fondée vers la première moitié du XV siècle au nord est du khanat de Tiumègne ou Touransk. En 1505, le voyevode de Perme, le prince Kewer défit le khan de Tiumègne qui lui avait déclaré la guerre et marchait sur la ville de Perme. En 1581, c'est à dire 75 ans après la défaite du khan de Tiumègne par le prince Kewer, Tiumègne ainsi que Isker, furent graduellement conquis par Ermak, et en 1586 les voyevodes du tsar, Basile Soukine et Iwan Miasnoff, envoyés en Sibérie après la mort de Ermak. ayant gagné Tschangi-Toura, y fondèrent la première ville en Sibérie, et la nommèrent Tiumègne en souvenir des territoires appartenus au khan de Tiumègne. Les traces de la domination tatare, les restes des remparts et du fossé se sont encore conservés jusqu'à présent dans la partie de la ville actuelle de Tiumègne, appelée ville du tsar. Soukine et Miasnoff ont construit à Tiumègne une église orthodoxe consacrée à la Nativité de la Ste Vierge, la première en Sibérie. En 1595 le voyevode Georges Boulgakhoff et Bogdane Voïeikoff fortifièrent la nouvelle ville, et en 1642 le voyevode Grégoire Baratinsky construisit auprès de la ville, des tours, des fossés et des remparts.

Depuis 1596 des caravanes venant de Boukhara et portant des marchandises orientales, se rendirent à Tiumègne. En 1601 des charretiers venus de Russie s'établirent dans la partie de la ville actuelle nommée Zatiomenskaïa. Des kirghises, des Kalmyks, même des ostiaques et des vogules faisaient en ce temps là des irruptions non interrompues dans les villes sibériennes nouvellement écloses. Cependant les conquérants qui étaient des cosaques, des strélitz, des chasseurs, défendaient énergiquement leurs conquêtes, s'avançaient de plus en plus dans l'intérieur des terres en descendant le courant des rivières, construisant des forteresses et y établissant des hommes de leur race.

(La suite au prochain numéro).

UNE VISITE À DE NOUVEAUX PLACERS D'OR SUR LE TRANSIBERIEN.

Appelé à Tomsk par un telegramme de S.-Pétersbourg, qui a employé dix jours pour arriver jusqu'à moi, là bas, presque à la frontière de la Chine, je me suis mis en voyage, traversant, en trainaux decouverts, les fleuves, les montagnes et les steppes de Minousïnsk, par une température qui arrivait jusqu'à trente huit degrés sous le zero, une température qu'on peut remarquer, dans le vieux monde, seulement en Sibérie.

— Savez-vous, Monsieur. je vous ai appelé à Tomsk pour vous parler de l'affaire que vous connaissez et après, pour vous prier, s'il vous plait, d'aller visiter les placers d'or près de M. . . . , me disait le chef du syndicat anglais, qui se propose d'acheter ces placers.

— C'est bien, Monsieur, dé d'aujourd'hui je suis à vos ordres et je partirai quand il faudra, repondis—je.

— J'attends une dépêche de la part du propriétaire des placers, repliqua le chef.

Deux jours après cette conversation, il reçut un telegramme de Kourgan, dans lequel on pouvait lire ces mots. „Je suis en

voyage vers l'orient: quand tout sera prêt vous recevrez une seconde dépêche“.

Le 4me de ce mois il reçut la dépêche, par laquelle on m'appellait sur place. Avec le train de 6 heures du soir je partais pour prendre à Taïga le train qui me devait conduire, dans le Transiberien, vers l'orient.

Pendant mon séjour en Sibérie c'était le troisième voyage que je faisais en direction d'Irkoutsk. Après être resté en voyage deux nuits et un jour, je m'arretais dans une petite gare, suffisamment coquette, située au milieu de la grande forêt Siberienne.

Je fus reçu par un Monsieur qui parle fort bien la langue française et qui se partage en trois pour rendre moins pénible le séjour dans une petite maison de campagne, tout à fait près de la gare. La menagère qui en même temps est notre cuisinière, nous sert, chaque jour des côtelettes à la siberienne, le seul plat que je ne puis encore manger avec du goût. Hors de cette petite episode, nous passâmes assez agréablement les six jours que nous sommes restés là bas.

Le lendemain nous commençons à creuser le chemin dans la neige haute d'un mètre et demi, pour nous rendre sur le lieu où nous devons creuser la terre pour l'examen du sable aurifère.

Il y a là bas, cinq placers qui appartiennent au même propriétaire, mais nous ne parlerons que de deux entre eux, qui se coupent perpendiculairement; l'un est placé, dans toute sa longueur parallèlement au chemin de fer, le second coupe l'autre à quatre vingt—dix degrés; celui—là s'appelle le *Riche*, celui-ci, le *Gardien*; le premier est partagé en quatre parties par trois ruisseaux, deux des quels courent presque parallèlement entre eux et le troisième se détache de la direction. N. S. en se jetant vers l'occident en direction du Gardien, qui est traversé dans toute sa longueur par un autre ruisseau, qui a son embouchure dans un grand fleuve, sur lequel est bâti un grand pont en pierre et en fer pour le Transiberien.

Nous avons creusé des trous ronds sur le bord entre les deux placers, et des trous carrés de douze archines de périmètre. La couche sterile est très mince, en moyenne d'une archine et demie, et la couche du sable aurifère est très épaisse. Le pour cent d'or métallique est suffisant pour y travailler avec la drague, car il est de 25 dolei dans 100 pouds de sables.

Mais cette quantité est—elle réelle? pourrait on demander. Je puis répondre franchement qu'elle est inférieure à la vérité, parce

que, pendant l'hiver en Sibérie, avec la très basse température il est très difficile de travailler avec un bon resultat; cet espèce de travaux surtout. La terre qui gèle et se colle fortement aux pierres; qui en sont enveloppées, la difficulté de les laver très bien, quoique il y ait la chaudière de l'eau bouillante, la tempête de neige qui empêche de travailler avec du calme et du profit, sont des causes qui donnent des resultats inferieurs à la verité.

D'autre côté il faut remarquer aussi que moi, je ne puis indiquer la largeur de la couche aurifère, parce que je n'ai pas eu le temps de l'exploiter à cause de la grande quantité du neige. Mais entre les grands et les petits trous, creusés perpendiculairement à la largeur du placer, il y a une distance de trente archines au moins.

Si l'or a été transporté par le courant qui est venu du haut du placer certainement là il y aura plus d'or qu'en bas, où nous avons travaillés. Et voilà pourquoi le riche marchand a gaspillé dans cet endroit.

Le lieu, comme paysage, est simplement interessant: à quelques douzaines de mètres du chemin de fer de la Sibérie. Et ce chemin de fer sera, pour ces placers d'une très—grande, d'une immense utilité pour l'économie du transport des matériaux et pour tout qui peut servir aux travaux et aux travailleurs. Et enfin, si nous reflechissons que dans le district de Marïnsk on travaille avec la drague et avec profit dans des placers qui ont à peine 8 o 9 dolei en 100 pouds de sable, nous pourrons conclure qu'on pourrait très bien travailler dans ces placers. où il y en a jusqu'à 20, et où il y a le *chemin de fer*, benefit qui est possédé par très peu des mines de la Sibérie entière.

Nous avons creusé jusqu'à cinq archines de profondeur et n'avons pu toucher au lit à cause de la grande quantité d'eaux. Et voilà ce que nous avons reçu:

A la profondeur de	1 ¹ / ₂ archine	7 ¹ / ₂ dolei en 100 pd.
"	2	9
"	3	18
"	3 ¹ / ₂	27
"	4	60
"	5	96

La Botte.